

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

1998'4

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

„ 29. Декабря 1941 г.

№ 1

С Н О В Ы М Г О Д О М

КОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

ГЕНЕРАЛ - МАЙОРУ - тов. В Л А С О В У.

А С С О Р Т И М Е Н Т

Н О В О Г О Д Н Е Й П О С Ы Л

О Т

В О Е Н Н О Г О С О В Е Т А З А П

И к р а .....
Б а л ы к .....
Ш о к о л а д н ы й н а б о р. . .
Ш о к о л а д .....
К а к а о .....

В и н о .....
Я б л о к и. ....
К о н ь я к .....
Л и м о н ы в с а х а р е.....
П а п и р о с ы.....

М ы л о т у а л е т н о е.....
П а с т а з у б н а я .....
О д е к о л о н.....

Б е л ь е ш е р с т я н о е .....
- " - ш е л к о в о е.....
С в и т р .....
Н о с к и ш е р с т я н ы е.....

1 бут.
2,0 кгм.
6 флак.
1 банка
10 кор.

2
2
1
2
1
1
2

шт.
пары

ЖУРНАЛ
В ЖУРНАЛЕ

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная посылка подготовлена по приказанию Военного

К нашим читателям

Началась подписка на журнал «Источник» на первое полугодие 1999 г. Вы можете подписаться и на один номер, и на полугодие.

Цена одного номера журнала «Источник» — 15 руб. (без стоимости доставки).

Для удобства подписчиков мы включили наши издания в несколько каталогов, что позволяет читателю выбрать наиболее подходящую цену.

Кроме того, москвичи могут осуществить подписку на все наши издания по адресу:

Москва, Бутырский вал, д. 8/3 (м. «Белорусская»), Старообрядческая книжная лавка.

Тел.: 251-06-12.

Подписка на I полугодие 1999 года

По каталогу «Роспечать»	Индекс	Цена на 1 мес.	Цена на 6 мес.
«Родина»	73325	16 руб.	96 руб. (без стоимости доставки)
«Источник»	73187	15 руб.	45 руб. (без стоимости доставки)
«Родина»	72331	годовая	180 руб. (без стоимости доставки)
По каталогу «Книга-сервис»	Индекс	Цена на 1 мес.	Цена на 6 мес.
«Родина»	40687	22 руб.	132 руб. (включая стоимость доставки)
«Источник»	40688	20 руб.	60 руб. (включая стоимость доставки)
По каталогу Московского почтамта	Индекс	Цена на 1 мес.	Цена на 6 мес.
«Родина»	73325	16 руб.	96 руб. (без стоимости доставки)

Справки по тел.: 203-45-36, 203-55-52.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Рег. № 012124.

Адрес редакции:

103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.

Тел.: 203-45-54.

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

1998`4(35)

В НОМЕРЕ :

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО. УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Августейшая почта

«Момент, когда нельзя допускать оплошностей».

Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне.

3

Внешняя политика

«Турция есть арифметическая задача: деление».

Записки и письма Ф. Ф. Мартенса.

25

Завещание

«Цель моей жизни — окончательно устроить Обитель Милосердия».

Духовная великой княгини Елизаветы Федоровны.

41

Музейное дело

«В настоящее время много более важных задач, чем сбор исторических материалов...»

48

ФОТОАРХИВ. РАРИТЕТЫ

«В память о нашей беседе».

54

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

О силе духа

«На почве ложного доноса или судебной ошибки».

Письма в защиту репрессированных.

59

Коллективизация

«Слово «кулак» теперь самое страшное в деревне».

О настроениях жителей юга России в начале «великого перелома».

74

Лениниана

«95 Воспоминаний».

81

Застольные речи

«Пью за тех, которые хотят жить».

Тосты И. В. Сталина на приеме папанинцев в Кремле 17 марта 1938 г.

85

Портрет генерала

«Ты у меня одна...»

Письма генерала Власова женам (1941–1942).

89

Как это было

«За издание романа «Овод».

118

Istochnik
Documents of Russian History
1998 4(35)

In this issue

Letters from the past

Lost Heritage

Letters of the Grand Duke Nikolai Mikhailovitch to Widow Queen Maria Fedorovna.	3
Notes and letters of the Russian diplomat F. F. Martens.	25
Creation of the space museum in Monino.	48

Photos. Rarities

Notes of V. Shulgin.	54
----------------------	----

Behind the Scenes. Versions

Letters in defence of the repressed people.	59
Collectivization on the South of Russia.	74
Sage of Bonch-Bruевич memories about V. Lenin.	81
Stalin's toasts during reception of «papanintsy» on the 17th of March, 1938.	85
Letters of the general Vlasov to his wives (1941—1942)	89

Vestnik of the Archive of the President	119—160
--	---------

All written material, unless otherwise stated,
is the copyright of «Istochnik»

© Редакция журнала «Источник». 1998.

Перепечатка разрешается только
по соглашению с редакцией.

Главный редактор
Сергей Кудряшов

Ответственный секретарь
Татьяна Лещинская

Художник **Евгений Марков**

Компьютерная верстка
Амина Кольцова

Корректоры
Ирина Данилина, Лидия Потравко

Набор и верстка произведены
в компьютерном центре
журнала «Родина».

«Момент, когда нельзя допускать оплошностей»

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

Великий князь Николай Михайлович в рабочем кабинете. 1900-е гг.

«На днях писал имп[ератрице] Марии Федоровне». Подобными сообщениями пестрят записки великого князя Николая Михайловича и его письма к императору Николаю II в годы первой мировой войны¹

Однако история переписки великого князя с императрицей Марией Федоровной восходит к началу 90-х гг. XIX столетия. Собственно, пере-

пиской ее можно назвать с известной долей условности, поскольку это главным образом несколько десятков писем великого князя. В то время как в его личном архиве сохранились всего четыре письма Марии Федоровны² и можно лишь гадать, каково было их действительное число. Переписка велась на французском языке. Содержание писем является еще одним свидетельством

тех доверительно-дружеских отношений, которые сложились между императрицей и двоюродным братом ее царственного супруга.

Для публикации выбраны корреспонденции Николая Михайловича за последние два года их переписки: 1915–1917. Сохранились они в количестве 12 писем в архиве Марии Федоровны (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2350). Вероятно, их должно было быть значительно больше, учитывая частоту переписки, о чем неоднократно писал сам великий князь: «Ей пишу регулярно, каждую неделю». При этом письма отправлялись не по почте, а «со своими людьми». Их острота и откровенность исключала иную форму доставки писем, и Мария Федоровна в свою очередь стремилась использовать ту же оказию. «...постараюсь написать тебе, — сообщала она великому князю, — и отослать с твоим человеком...» Она ценила его письма за их информацию об истинном положении на фронтах, о политических событиях. «Тысячу раз спасибо за твои письма, которые представляют для меня животрепещущий интерес, — писала императрица, — потому что в сущности мы ничего не знаем, что происходит, разве только что прочтем в газете»³

Публикуемые письма являются существенным дополнением к письмам Николая Михайловича Николаю II⁴. Они синхронны, но лишены той откровенной доверительности, которой отличаются письма к императрице-матери.

В указанные годы с особенной остротой проявлялись катастрофические тенденции, приведшие к гибели российской монархии. И нам должен быть чрезвычайно важен и интересен взгляд на происходившее «изнутри» правящей династии, мнение человека, занимавшего самые радикальные позиции в Императорском Доме, — личности мыслящей, подчас противоречивой. И ироничная самооценка — «свирепый революционер» — отражала лишь одну из ее граней.

Как историк, он спрогнозировал наш интерес к эпохе, имевшей переломное значение в отечественной истории. «Царствование Николая II, столь обильное сюрпризами произвола, — писал великий князь, — на почве симпатий или антипатий со стороны монарха или его супруги, дает обильный материал для будущего историка: на что была обречена Россия при режиме самодержавной власти, даже после знаменитого акта 17 октября 1905 года»⁵

1915-й — начало 1917 г. занимают особое место и в жизни самого великого князя. С началом войны, не считая для себя возможным оставаться в стороне, он по его просьбе командировался «состоящим при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом для поручений». Частые поездки на фронт, общение с верхушкой командного состава, посещение госпиталей и др. позволили ему, профессиональному военному, критически оценивать ситуацию, видеть изъяны

в стратегическом плане, ведущие к большим потерям и т. п., но при этом быть свидетелем офицерской отваги и подвигов «бесподобных солдат». Впечатления от виденного оказали влияние на Николая Михайловича при создании очерка «О подвигах русского солдата в XIX столетии и о его любви к родине»⁶.

С другой стороны, наблюдая за «поведением власти», он все более не приемлет ее политику. Распутинщина, стремительное падение репутации царской семьи, окруженной сомнительными личностями, министерская чехарда — постоянная тема его писем. Основной мишенью его критики становится императрица Александра Федоровна. Ее пагубному влиянию на царя относит он формирование состава правительства. Известно, чем закончилось его обращение к Николаю II с просьбой оградить себя от ее систематических вмешательств. Над Николаем Михайловичем нависла угроза ссылки, но поводом к ней послужило убийство Распутина: его подпись стояла под коллективным письмом нескольких членов императорской фамилии с просьбой об ослаблении участи убийц. Но если в письме к Марии Федоровне он оценивает убийство как поступок «гражданского мужества, патриотизма и свободы», то в его записках содержатся элементы осуждения с позиций христианской морали. Именно Марии Федоровне он доверяет судьбу своего достаточно дерзкого письма Николаю II⁷ по поводу столь унижительной для великого князя ссылки, и она отговаривает его не посылать письма адресату. Она полна сочувствия к опальному князю. «Любезный "Николай", — пишет императрица, — пользуюсь отправкой твоего казака, чтобы поблагодарить тебя тысячу раз за любезное, но грустное письмо, полученное из твоего уединения. Почему ты не пригласил кого-нибудь, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Если бы это было ненадолго, то ничего, а то ведь на 2 долгих месяца — как это печально... Я часто думаю о бедном ссыльном и советую тебе пока ничего не писать Н[ики]. Я понимаю, что все это тебя мучит и угнетает, но я совершенно убеждена, что все успокоится и твои отношения с ним восстановятся. Нежно обнимаю тебя как полагается преданной кухне. Минни»⁸

Спектр сюжетов корреспонденций Николая Михайловича весьма разнообразен, что являлось отражением многосторонности его интересов. В письмах о деятельности Государственной думы с очевидностью проявляется высокая политическая активность великого князя, а в просьбе «похлопотать» за место в Государственном совете — и свойственное ему честолюбие. Но и в самые драматические для истории российской монархии дни он не оставляет своих научных изысканий, продолжает свою деятельность на посту председателя Императорского Русского исторического общества.

Из писем великого князя перед нами встает образ вдовствующей императрицы, которая как бы

персонифицировала собой традиции правления Александра III, ее высокий авторитет среди членов Императорского Дома. Однако каково было ей читать горькие, но правдивые строки о своем сыне?

Жизнь великого князя Николая Михайловича трагически оборвалась 28 января 1913 г.⁹ Мария Федоровна умерла в изгнании в 1928 г.

Издание данных писем является еще одним шагом по пути публикации обширного эпистолярного наследия великого князя Николая Михайловича.

Перевод с французского языка Л. В. Гладковой. Публикация осуществлена на основе правил современной орфографии с сохранением правописания отдельных слов, отражающих стилистику русского языка начала XX в. Под многоточием в квадратных скобках подразумеваются слова, расшифровать которые не удалось, а слова, заключенные в скобки, прочитаны условно. Звездочками окаймлены встречающиеся в тексте русские слова. Расшифровка инициалов также обозначена квадратными скобками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Записки Н. М. Романова. Красный Архив. Т. 47–48. М.—Л. 1931. С. 155, 147. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. Л.—М. 1925. С. 68. См. также: Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. Красный Архив. Т. I (26). М.—Л. 1928. С. 190.
- 2 Из них опубликованы три письма. См.: Боханов А. Н., Исмаил-Заде Д. И. Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М. 1992. С. 176–177, 178, 181.
- 3 Там же. С. 177.
- 4 Неиздававшиеся письма великого князя Николая Михайловича императору Николаю II (1887–1916) подготовлены к публикации в «Российском архиве».
- 5 Красный Архив. Т. 49. М.—Л. 1931. С. 92.
- 6 Публикация Д. И. Исмаил-Заде в журнале «Родина». 1993. № 1. С. 100–103, 106–109.
- 7 Боханов А. Н., Исмаил-Заде Д. И. Указ. соч. С. 181.
- 8 ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 192. Л. 3–4 об. Из письма от 4 февраля 1917 г.
- 9 По другим версиям: Николай Михайлович был расстрелян 24 января (см.: Измозик В. С., Павлов Б. В. Великий князь Николай Михайлович//Из глубины времен. Вып. 3. СПб. 1994. С. 128–129) или 30 января (см.: Пчелов Е. В. Генеалогия рода Романовых. 1855–1997. М. 1998. С. 10).

Великий князь Николай Михайлович¹ — императрице Марии Федоровне²

№ 1

8 Февраля 1915 г.
Львов

Любезная Минни,

К великому сожалению, я не смог до сих пор написать Вам, поскольку *Иванов*³, проведя несколько дней в *Холме*, прислал мне кресты и медали для вручения в армиях Р. Дмитриева⁴ и Брусилова⁵ и в дороге у меня не было никакой возможности писать письма. К настоящему времени я выполнил только часть возложенного на меня поручения и возвращаюсь из Западной Галиции, где по ту сторону Сана и Карпат мне представилась счастливая возможность самому лично повесить кресты на грудь нашим славным и бесподобным героям. Поначалу я направился в Пильсно, расположенное в 12 верстах от Дембицы, там я нашел штаб-квартиру 3-й армии. Болгарский Наполеон⁶ Радко Дмитриев постарел и похудел, но его твердость произвела на меня наивыгоднейшее впечатление. Оттуда я выехал на автомобиле и в Тарново нагнал два великолепных полка — *Орловцев и Ельцов на походе*. Я остановил их и тотчас же прямо на дороге вручил награды. Это произвело сильное впечатление, поскольку никто не ожидал встретить меня. *Орловцы* под командованием Михаила Скалона⁷ особенно хороши, с начала кампании они понесли невероятные потери. Я был рад видеть моего друга Скалона, и час, проведенный среди этих двух полков на *походе*, был для меня особенно захватывающим. Затем я проехал *Ржешов* и *Ясло* и остановился в Кросно, в Карпатах, где расположилась штаб-квартира *Брусилова* (8-я армия). Вручил награды девяти чинам из казаков и из 10-й кавалерийской дивизии (Келлера), после чего за 30 верст отправился в автомобиле в Дукль к генералу Лешу⁸ (*Леш*, XII корпус). Здесь солдаты 12-й и 19-й дивизий, кавалеристы и казаки, представленные к наградам, были отозваны с позиций для церемонии вручения наград. Тоже великая радость. Дорога интересная, но ветер ледяной. Мы просхали через нефтяные края, где все было разбито снарядами, в том числе и дорога; на каждом шагу открывались следы жестокой битвы и разрушения. Население здесь составляют поляки, но они прекрасно относятся к нашим, на пути встречается много голодных, страдающих от нужды людей. Дукль — это

Императрица Мария Федоровна.

маленький городок, в котором есть замок, принадлежащий какому-то польскому пану, в нем и живет бесценный генерал Леш. Нашим чичероне в этой поездке был "Сереза Шереметев", в настоящее время он состоит при "штабе Брусилова" и наконец удовлетворен своим положением и пребывает в добром настроении.

Велико же было мое удивление, когда в Кросно я увидел Маннергейма⁹ с его Варшавской бригадой, посланной туда из Радома (или Килси). Здесь я от "Брусилова" узнал о новом поражении нашей 10-й армии, которой пришлось оставить Восточную Пруссию под натиском пруссаков, занявших уже "Сувалки, Августово" и угрожающих нашим железным дорогам (Петербург — Варшава, Москва — Варшава). Сбылось еще одно предсказание Иванова!¹⁰ "Как бы Сиверс не прозевал там немцев, которые, наверное, постараются обойти наши фланги и действовать на наши сообщения*", — вот что говорил он в Декабре и повторил в Январе, когда атаки немцев на Варшаву закончились неудачей. — После поездки, во время которой я сильно страдал от ветра, известие это подействовало на меня как холодный душ. Подробности никому пока не известны — и это повергло меня в состояние крайнего уныния. — Продолжаю. На следующий день в Ново-Заворге я раздавал кресты солдатам VIII корпуса (Драгомирова)¹¹ и видел множество взорванных и затем восстановленных мостов через Верхний Сан. Местность здесь живописная, но всюду видны следы жестоких сражений.

Я не могу рассказать вам во всех подробностях о своих передвижениях, но поскольку Никита Трубецкой¹² и мой шофер фотографировали все, что могли, то как-нибудь у вас за чаем, глядя на эти снимки, я поведаю вам обо всех моих впечатлениях. — Затем в Хырове мне повезло, и я встретил всю 4-ю "железную бригаду", спустившуюся на отдых с высот, где на прошлой неделе они понесли большие потери. Это крымская бригада и 16 [...] охраняет Ливадию. Эта славная бригада уже 3 или 4 раза полностью сменила свой "состав", так велики были потери, и в кампаниях участвует лишь 10–15 человек из тех, кто покинул свои "штаб-квартиры". Я имел счастлившую возможность раздать 20 крестов и 20 медалей на каждый полк, причем я сам вешал эти "боевые отличия"

Эта процедура продолжалась целый час, а вдали слышались пушечные раскаты от "Перемышля", находящегося в 30 километрах за Хыровом. — Я должен воздать по заслугам, мой храбрый командир, к его великой чести, вдохновил меня наилучшим образом. 26-го он пришел в мой вагон в "Холме" и сказал мне: "Знаете, поезжайте сейчас в армии Р. Дмитриева и Брусилова и раздайте награды; там войска отлично дерутся, и я хотел бы их скорее наградить". Итак, я раздал 400 крестов и 200 медалей, что совсем немного для такого количества корпусов, но больше он мне не дал. — Теперь во Львове я раздам еще 100 крестов и 100 медалей тяжелораненым, которых много лежит в госпиталях Львова. Я уже посещал госпитали, устроенные Красным Крестом, — они великолепны, но лучше всех тот (6-й "Кауфмана")¹³, что носит Ваше имя. Вы ведь их тоже осматривали 3 сентября вместе с главным врачом хирургом "Томашевским", который не любит ампутации и посему спас ноги и руки большому числу несчастных, и теперь они идут на поправку. Госпиталь превосходно снабжен инструментами, ваннами, операционными инструментами, сверкает чистотой, "все по всем требованиям современной врачебной науки". Мне доставило особое удовольствие посмотреть все подробно и выразить Вам свое восхищение.

Польский госпиталь во Львове также превосходен, но там медицинский персонал состоит полностью из поляков; здание, которое должно бы походить на семинарию, отличается большой роскошью. Здесь лежат в основном раненные австрийцы, но встречаются также и наши; уход за всеми прекрасный, но с претензией на западную культуру, однако все выглядит иначе, на всем лежит отпечаток чисто венского стремления к улучшению. Но русские офицеры и солдаты, находящиеся там, в восторге от оказываемого им ухода и лечения. Словом, все, что устроено Красным Крестом, замечательно, а что касается до военных госпиталей — они разительно уступают не только уходом, но и чистотой. Так что число счастливых ограничено, основная масса раненых находится как раз в военных гос-

питалиях, а учрежденных Красным Крестом здесь всего три: *Иверский, 5-й Кауфманский*, 6 К[ауфманский] (Ваш), а также два госпиталя устроены *Пензенск[им] и Черниговским земством* — В настоящее время санитарное состояние здешних армий удовлетворительное; наблюдались *вспышки сыпного тифа* и холеры, но благодаря своевременно принятым мерам эпидемий не возникло. А вот весна грозит опасностью! — Часто вижу Георгия Бобринского¹⁴, Половцева¹⁵ и других. Славные ребята, но управление этим краем им не по плечу. Рядовой персонал учреждений и полиции оставляет желать лучшего, потому что есть и *взятчики*, высланные из губерний и устроившиеся здесь на должности. На этот раз впору мне у Вас спрашивать о новостях, потому что я совершенно не осведомлен о том, что происходит на *Северо-Западном фронте*. — Я предполагаю пробыть здесь до 16 Февраля, а потом вернуться в *Холм*, сделать доклад *Иванову*, и, может быть, в конце Февраля я смогу вернуться домой, потому что в начале Марта — между 8 и 15-м, состоится заседание Исторического общества в *Царском* и надо бы подготовиться к нему. — Во всяком случае, я вынес наилучшие впечатления о духе войск, которые мне довелось видеть, а также о генералах, которые все на своих местах. Разумеется, я говорю о 8-й и 3-й армиях.

Простите мне мои *каракули* и бессвязность моего письма, но когда кругом столько впечатлений, трудно их привести в порядок и изложить на бумаге. И, однако, неведение и беспокойство за то, что происходит в районе *Гродно — Вильно* и вообще в той армии, повергает меня в состояние тревоги за будущее и окончательный исход этой ужасной войны.

*Целую нежно Ваши ручки и Ксении*¹⁶ Кляняться от меня *Шервашидзе*¹⁷ и *С. Долгорукому*¹⁸. Меня несколько раз мучила зубная боль, потому что мне не удалось залечить больной зуб в те недели, что я провел в Петрограде. В остальном мой *дух* на высоте, и я продолжаю верить в нашу окончательную победу, несмотря на все ошибки высшего командования и небрежность некоторых генералов, которые недостаточно ценят и не отдают должного отваге и выдержке наших храбрых офицеров и бесподобных солдат. Во всяком случае, *дух* армий, находящихся под командованием моего шефа, выше всяких похвал. — Насколько мне известно, Брусилов и Радко намереваются начать новое наступление, и оба в один голос говорят: *«Только не отступать»*, потому что это действует пагубно на войска и на местное население*

Я верю в их способности, лишь бы *Верховный*¹⁹ не стеснял свободу их действий. Но, к сожалению, все внимание к *Барановичам* сосредоточено на другом фронте, который создает неприятные неожиданности и расстраивает все планы. Там враг постоянно держит инициативу, здесь же — наоборот.

Я уже думал заканчивать это письмо, да вдруг снова разболтался; простите за то, что докучаю Вам своим писанием, и да хранит Вас Господь.

*Ваш старый пес

Н. М.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Николай Михайлович (Бимбо) (1859–1919) — великий князь, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Историк, энтомолог. Автор фундаментальных публикаций по александровской эпохе. Председатель Императорского Русского исторического общества (1910) и Императорского Русского географического общества (1892).
- 2 Мария Федоровна (Минни) (1847–1928) — урожденная датская принцесса Дагмара (Мария София Фредерика), жена Александра III (1866), императрица. Отец — датский король Христиан IX, мать — королева Луиза.
- 3 Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914–1916).
- 4 Дмитриев Радко (1859–1918) — болгарский генерал, посланник в Петербурге (1913–1914). Добровольцем вступил в русскую армию в первую мировую войну, командовал 8-м армейским корпусом, 2-м Сибирским армейским корпусом, 12-й армией. Расстрелян как заложник в Пятигорске.
- 5 Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Командовал 8-й армией на Юго-Западном фронте (1914–1916), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1916), верховный главнокомандующий (1917). Инспектор красной кавалерии (1923–1924).
- 6 Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) — французский император (1804–1814 и 1815), полководец.
- 7 Салон Михаил Николаевич — флигель-адъютант, командир лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка.
- 8 Леш Леонид Вильгельмович (1862–1934) — генерал-лейтенант, командовал XII корпусом 3-й армии.

- 9 Маннергейм Карл-Густав, Эмиль Карлович (1867–1951) — барон, генерал-лейтенант, в свите Его Величества, командир Варшавской бригады. Финляндский фельдмаршал (1938), главнокомандующий финской армией в советско-финской войне (1939–1940) и второй мировой войне (1941–1944). Президент Финляндии (1944–1946).
- 10 Сиверс Фаддей Васильевич (1853–1915) — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командующий 10-й армией Северо-Западного фронта (1914). В связи с поражением в Августовских лесах в январе—феврале 1915 г. отчислен от должности. Застрелился.
- 11 Драгомиров Владимир Михайлович (1867–1928) — начальник штаба 3-й армией, затем начальник штаба армий Юго-Западного фронта (1915), командовал VIII армейским корпусом (1915).
- 12 Трубецкой Никита Сергеевич — штаб-ротмистр, состоял при великом князе Николае Михайловиче.
- 13 Госпитали, образованные под эгидой Красного Креста, назывались по имени главноуполномоченного Красного Креста при верховном главнокомандующем фон Кауфман Туркестанского Петра Михайловича (1857–1926).
- 14 Бобринский Георгий Александрович (1863) — граф, генерал-лейтенант. После занятия русскими войсками Галиции в первой мировой войне назначен временным генерал-губернатором галицийским. Позднее в штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.
- 15 Предположительно: Половцев П. А. (1874–1964) — генерал, командовал Петроградским военным округом.
- 16 Ксения Александровна (1875–1960) — великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая II, замужем за великим князем Александром Михайловичем (1894), братом Николая Михайловича.
- 17 Шервашидзе Георгий Дмитриевич (1847–1918) — князь, принадлежал к роду владельцев Абхазии, губернатор Тифлисской губернии (1888–1898), обергофмейстер (1899), в звании камергера состоял при императрице Марии Федоровне.
- 18 Долгорукий Сергей Александрович (1875–1933) — генерал-майор, состоял при императрице Марии Федоровне.
- 19 Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны Ольденбургской, двоюродный брат Николая II. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, генерал-инспектор кавалерии (1905–1908), председатель совета обороны (1914–1915), верховный главнокомандующий (1914–1915). Уволен с должности и назначен кавказским наместником (1915).

№ 2

14 Апреля 1916
*Михайловка*¹

Любезная Минни,

Прежде всего благодарю Вас за память. Вчера вечером, дабы избежать поздравлений², я сбежал сюда и провел ночь в лесу среди тетеревов, бекасов и гусей. Едва я проснулся, как мне сообщили о кончине моего старого друга Николаева³, который скончался в тот самый день, в какой 57 лет назад Ваш Бимбо появился на свет. Я был у дорогого друга 12-го, то есть третьего дня, в 4 часа пополудни, и мы с его слугой упаковали *чемодан* для его переезда в *Георгиевскую общину*⁴, где доктора должны были его обследовать, чтобы решить, возможна ли операция. Я имел возможность сам убедиться, как он был рад полученному от Вас через Дашкова⁵ пасхальному яйцу, и мы добрых полчаса говорили с ним обо всем. В 5 1/2 его перевезли в *общину*⁶. И в эту же ночь он оказался в лучшем мире!! Такова наша земная участь! —

А теперь просьба — очень и очень деликатная и без упоминания моего имени. Нельзя ли похоронить его в полковой церкви, которой он был так предан всю свою жизнь⁶? Я знаю, что поднимутся вопли, потому что он не был ни военным, ни государственным деятелем. Но ведь Гр. *А. И. Пушкин*⁷, покоящийся в этой церкви, тоже не был ни тем ни другим. Так почему бы не сделать этого? Не могли бы Вы взять на себя инициативу? Ежели нет, то не будем больше возвращаться к этому. Завтра, в пятницу, на заре я вернусь к себе на набережную⁸ и желал бы видеть Вас во второй половине дня.

Простите меня за эту записку и верьте в бесконечную преданность
Вашего старого пса

Н. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Михайловка, михайловская дача — загородный дворец великого князя Михаила Николаевича (между Стрельней и Петергофом).

2 14 апреля — день рождения Николая Михайловича.

3 Николаев Александр Николаевич (1850–1916) — службу в Кавалергардском полку начинал корнетом (1869), командир полка (1896), в год юбилея полка (1899) пожалован в свиту Его Величества.

- 4 Георгиевская община — Община сестер милосердия им. св. Георгия при Российском обществе Красного Креста в Санкт-Петербурге, основана в 1870 г.
- 5 Дашков Дмитрий Яковлевич 2-й (1853) — однополчанин Николая Михайловича по Кавалергардскому полку, в котором дослужился до командира 4-го эскадрона (1874–1893), состоял при принце Иоанне Глюксбургском (дядя Марии Федоровны), назначен состоять при Марии Федоровне (1897).
- 6 Обращение Николая Михайловича к императрице объяснялось тем, что Мария Федоровна с 1881 г. была шефом Кавалергардского полка.
- 7 Мусин-Пушкин Александр Иванович (1827–1903) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир Кавалергардского полка (1866), командующий Одесским округом (1890), шеф 4-го эскадрона кавалергардов (1896). Похоронен в церкви Кавалергардского полка.
- 8 Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной.

№ 3

15 Мая 1916 г.

Любесная Минни,

Всякий раз, когда возникает опасность интриги при смене командования нашего полка, я стараюсь держать Вас в курсе событий. Вот имена тех, кто в настоящий момент почитает себя способным оказывать влияние: Е. И. В. Великий Князь Борис (*походный атаман*)¹, поддерживаемый темной личностью по имени Плеве², и злосчастная семья Треповых с их бесчисленной родней — все они проявляют заинтересованность в этом деле. Обе эти группировки часто встречаются здесь на обедах, придумывают всевозможные сомнительные финансовые комбинации и выдвигают кандидатуры на какие-либо должности. Так, недавно Павел Демидов³, подлый тип (к сожалению, бывший кавалергард), женатый на одной из дочерей Федора Трепова⁴, подал совет Борису выдвинуть на пост командира Вашего полка кандидатуру другого бывшего кавалергарда Андрея Половцева⁵ (помощника Волкова по Императорскому Кабинету и бывшего помощника Г. Бобринского в Галиции), совершенно несведущего во всем, что касается военного дела.

Борис обещал поддержать эту кандидатуру перед своим Царственным Кузеном! —

Действительно, судя по всему, Кн. Эрстов⁶ получил продвижение по службе и готовится покинуть полк. — Я совершенно не осведомлен, каковы Ваши претенденты на роль командира нашего бессмертного полка⁷, но есть, по-моему, двое совершенно к ней готовых — Граф Д. Граббе⁸ и Миклашевский⁹. Оба они *вполне подходящи* для этого деликатного поста.

У нас здесь держится холодная погода, в лучшем случае температура в полдень достигает 10 градусов тепла, но обыкновенно термометр не поднимается выше 4–5 градусов. Поэтому все болеют, у всех насморк, лихорадка и прочие удовольствия. — Сандро¹⁰ обращался ко мне, чтобы я похлопотал перед Кн. Эрстовым и полком за Андрея¹¹. Его вступление в полк было встречено единодушным одобрением, о чем тут же доложили в Крым. Я счастлив за Вашего внука и моего племянника! В надежде, что Вы не навеки скрылись на берегах Днепра, мы с попугаем терпеливо ждем Вашего возвращения.

Извольте напомнить обо мне двум Вашим Князьям¹² — старому и толстому.

*Нежно целую Ваши ручки

Н. М.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Борис Владимирович (1877–1946) — великий князь, внук Александра II, генерал-майор, походный атаман кавказских войск при верховном главнокомандующем (1915).
- 2 Плеве фон Николай Вячеславович (1871) — тайный советник, гофмейстер, сенатор, управляющий делами Совета министров (1910), товарищ министра внутренних дел (1914), помощник главного начальника Петроградского военного округа по гражданской части (1916).
- 3 Демидов Павел Александрович (1869) — зачислен в Кавалергардский полк юнкером (1890), сопровождал великого князя Бориса Владимировича на русско-японскую войну (1904), адъютант великого князя (1905). Вторым браком женат на фрейлине Елизавете Федоровне, дочери Ф. Ф. Трепова.
- 4 Трепов Федор Федорович (1854) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, сенатор, военный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии (1916–1917).
- 5 Половцев Андрей Петрович 1-й (1868) — служил в Кавалергардском полку (с перерывами 1888–1896), командир 4-го эскадрона лейб-гвардии Уланского полка (1902–1903), участник русско-японской войны, адъютант командующего главной

- квартирой (1905), помощник начальника военно-походной канцелярии (1906).
- 6 Эристов Георгий Николаевич — князь, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Уланского полка.
  - 7 Кавалергардский полк (1799).
  - 8 Граббе Дмитрий Михайлович 2-й (1874) — штаб-ротмистр Кавалергардского полка (1903), был командирован в распоряжение Общества Красного Креста для выявления нужд населения в губерниях, пострадавших от неурожая.
  - 9 Миклашевский Илья Михайлович (1877) — поручик, служил в Кавалергардском полку (с перерывами 1899–1906).
  - 10 Александр Михайлович (Сандро) (1866–1933) — великий князь, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, двоюродный дядя Николая II, женат (1894) на его сестре Ксении. Генерал-адъютант, адмирал, главноуправляющий Главного управления торгового мореплавания и портов (1902–1905), председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904).
  - 11 Андрей Александрович (1897–1981) — князь императорской крови, внук Александра III, сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.
  - 12 Шервашидзе Г. Д. и Долгорукому С. А.

№ 4

28 Июля 1916 г.
Грушевка
Херсонская*¹

Любезная Минни,

По здравому размышлению прерываю свое долгое молчание и позволяю себе написать Вам несколько строк. Ежели я так долго молчал, то только потому, что не хотел Вас чем бы то ни было беспокоить — хотя были обстоятельства, к коим бы я должен был привлечь Ваше внимание. Чем дольше длится война, тем ближе конец военных действий, и он может наступить через несколько месяцев, т. к. я твердо убежден, что Россия и Союзники выйдут из войны победителями. Простите, но я опять повторяю то, что уже писал Вам в начале этой войны в 1914 г. из Ровно и из Холма. Обратите пристальное внимание на скрытые выходы и нескромные голоса, раздающиеся из королевских домов Германии. Я убежден, что скоро начнутся горькие сетования. Я твердо уверен в этом. То ли со стороны Гогенцоллернов, то ли Мекленбургских и в особенности со стороны Гессенских — но непременно начнутся интриги и проникнут туда, где они надеются найти слабое место. Не правда ли, Вы понимаете меня с полуслова? Как-то — это было 4 Июля на обеде в Ставке, куда Ники² пригласил меня, — я сидел рядом с ним, а напротив меня оказался бельгийский генерал Риккель. Последний обратился ко мне с вопросом, буду ли я после войны по-прежнему получать «Берлинский листок». Я громко ответил джентльмену, что не только не буду выписывать газет бошей, но что я твердо решился порвать всякие отношения с обоими кузенами герцогами Баденскими³ и даже с моей племянницей кронпринцессой Германской⁴. Мои слова, произнесенные хорошо Вам известным тоном, были встречены ледяным молчанием. Забавно было наблюдать выражения лиц господ Фредерикса⁵, Нилова⁶, Вали Долгорукова⁷, двух моих братьев и пр. Ваш сын не произнес ни слова, но явно был доволен произведенным эффектом. Разговор тотчас переменяли и больше к этому не возвращались. — Другое событие. Внезапная отставка Сазонова⁸ и назначение на его место Штюрмера⁹, благодаря мольбам Вашей невестки, вызвали общее замешательство среди всех слов Союзников. Бьюкенен¹⁰, которого Вы всегда ценили, даже проявил неосторожность и не выразил достаточной почтительности, и именно его влиянию я приписываю телеграмму, адресованную Вашим племянником королем Англии¹¹ всем монархам и президенту Республики¹², в коей он утверждает необходимость продолжения военных действий вплоть до разгрома Германии. Король Георг никогда бы не высказался подобным образом, ежели бы не имел опасения, что приход к управлению нашими иностранными делами герра фон Штюрмера являет собой угрозу, особенно в нынешний момент, когда почти по всем направлениям начали колотить бошей. Эту угрозу равно сознает $\frac{3}{4}$ всей России; отсюда восхваление маленького Сазонова, который сам никак не ожидал сделаться самым оплакиваемым и популярным человеком в России. Вот что я хотел Вам сообщить, дабы Вы имели возможность в любую минуту отразить непредвиденные случайности со стороны родственников-бошей. —

Я провел в Ставке 2 дня, Ники был любезен и много беседовал со мной обо всем с откровенностью, которую я сумел оценить и за которую я весьма признателен своему Государю. Но, увы, к моему великому сожалению, речь не коснулась ни Сазонова, ни внешней политики, иначе я бы его предупредил, как умею, о плачевных последствиях подобного назначения в нынешний момент. Через два дня после моего отъезда из Ставки туда прибыла Ваша невестка. Так что...

Чрезвычайно взволнованный отставкой Сазонова, назначениями герра фон Штюрмера и Алексея Бобринского¹³ и имея несчастье дважды видеть у себя Бьюкенена, а также Палеолога¹⁴ и Карлотти¹⁵, — я бежал из Петрограда и прибыл сюда 20 VII и предполагаю остаться здесь до 10 Августа, чтобы

окунуться в другую атмосферу. — Наслаждаясь прекрасной погодой, степным воздухом и покоем, растворенным во всем, что меня окружает, я взял в руки перо, чтобы нацарапать мои «каракули». Я буду счастлив, ежели попугай и клетка заслужили Ваше одобрение, потому что старик Фаберже¹⁰ проявил неслыханное усердие, стараясь, чтобы птица была похожа на Вашего покойного друга. Я полагаю, что это ему почти удалось. Как славно, что Ксения приехала навестить Вас после двух месяцев разлуки. Будьте ангелом и сообщите мне хотя бы намеком, когда Вы предполагаете вернуться в гадкий Петроград. Во всяком случае, хотя бы «сообщите, что получили мое письмо». На этом кончаю. Напомните обо мне дорогому Князю¹⁷ и толстому Сергею¹⁸. «Да хранит Вас Господь. Нежно целую Ваши ручки.

Ваш старый пес
(57 лет)

Н. М.*

Цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Имение Николая Михайловича.
- 2 Николай II (Ники) (1868–1918) — российский император (1894–1917), женат (1894) на Алисе Гессен-Дармштадтской, получившей в России имя Александры Федоровны.
- 3 Фридрих (1857) и Максимилиан (1867).
- 4 Цецилия (Сесиль) (1886–1954) — герцогиня Мекленбургская, дочь великой княгини Анастасии Михайловны (сестры Николая Михайловича) и Фридриха Франца, великого герцога Мекленбург-Шверинского, замужем (1905) за наследным принцем Германии и Пруссии Вильгельмом (1882–1951). С началом первой мировой войны Николай Михайлович считал для себя невозможным оставаться
- 5 в звании доктора философии Берлинского университета и отказался от него (РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1052. Л. 2 об.).
- 5 Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) — барон, граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр императорского двора и уделов (1897–1917).
- 6 Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919) — генерал-адъютант, вице-адмирал. Герой русско-турецкой войны 1877–1878. Адъютант по военно-морской части Николая II.
- 7 Долгоруков Василий Александрович (Валя) (1868–1918) — князь, генерал-майор свиты, гофмаршал. Во время первой мировой войны состоял при Нико-

- лае II в ставке. Сопровождал царскую семью в Тобольск и Екатеринбург. Расстрелян.
- 8 Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927) — гофмейстер, член Государственного совета, министр иностранных дел (1910–1916).
  - 9 Штюрман Борис Владимирович (1848–1917) — обер-камергер, член Государственного совета, председатель Совета министров, министр внутренних дел, главноначальствующий отдельным корпусом жандармов (1916). 7 июля 1916 г. назначен министром иностранных дел.
  - 10 Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — английский Посол в России (1910–1918). Был соседом Николая Михайловича по Дворцовой набережной. Они часто встречались, и великому князю импонировали антинемецкие настроения Бьюкенена. См.: Николай II и великие князья. С. 80.
  - 11 Георг V (1865–1936) — английский король (1910–1936), двоюродный брат Николая II.
  - 12 Пуанкаре Раймонд (1860–1934) — президент Франции (1913–1920).
  - 13 Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) — граф, обер-гофмейстер, член Государственного совета, председатель Императорского археологического общества, вице-президент Академии художеств, президент Вольно-Экономического общества, член III Государственной думы. 21 июля 1916 г. был назначен министром земледелия.
  - 14 Палеолог Морис Жорж (1859–1944) — французский посол в России (1913–1917). Николай Михайлович был о нем невысокого мнения. См.: Николай II и великие князья. С. 81.
  - 15 Карлотти де Рипарбелла — маркиз, итальянский посол в России (1913–1918). Николай Михайлович считал его «самым умным из послов» после японского посла Мотоно. См. там же. С. 80.
  - 16 Фаберже Карл Густавович (1846–1920) — глава Ювелирного Товарищества «К. Фаберже», придворный ювелир.
  - 17 Шервашидзе Г. Д.
  - 18 Долгорукий С. А.

№ 5

13 Августа 1916 г.
Петроград

Любезная Минни,

Пользуясь отъездом фельдъегеря и не зная, когда Вы к нам вернетесь, — я почел своим долгом привлечь Ваше внимание к некоторым фактам, на которые Вы должны немедленно, не теряя времени, отреагировать и предупредить зло, набирающее силу с каждым днем.

Вы наш Ангел, Вы старшая в семье и вдова нашего дорогого и обожаемого Государя, то есть Вы — глава семьи, и бывают случаи, когда одно Ваше энергичное вмешательство способно совершить чудо. Все, что следует ниже, пишу только для Вас и Ваших дочерей.

Образ мыслей А[лександр] Ф[едоровны]¹ принял угрожающий оборот не только для повседневных интересов нашей родины, но и для интересов Ники и всей династии. С каждым годом она все больше проникается верой в Божественную миссию, ниспосланную ей Небесами, и в то, что она избрана Божьим Промыслом для свершения чуда и спасения России. Это не только мое мнение, но и всех — мужчин и женщин, — кого она приглашает к себе, с кем она беседует и кому отдает распоряжения. Почти все перемещения министров, даже губернаторов, словом, тех, кто облечен властью, совершаются под ее настойчивым влиянием. Не только герр фон Штюрман, но и многие другие при каждом удобном случае вызываются в Царское Село, как, например, несколько дней назад Гр. Велепольский (человек из Спалы)², Кн. Волконский (бывший член Думы), ныне помощник министра³, *Хвостов⁴, Барк⁵ и пр. Одни из них, как Штюрман, *беспрекословно исполняют все Ее желания*, другие, более независимые, пожимают плечами, приходят в крайнее изумление, являются к ней, судачат, удивляются и не знают, что делать. Вся эта шайка, начиная с Аннеты *Вырубовой⁶ и Григория⁷ и кончая *Андрониковым⁸, Булацели⁹ и прочим темным сбродом, *совсем завладела Ее личностью, и именно они вселили Ей уверенность, что в Ней находится Промысел Божий*. Это ужасно, но это самая чистая и суцая правда. Приведу только несколько примеров. Гр. Велепольский открыл мне душу и признался, что после часовой беседы с Ней он выскочил от Нее как ошпаренный. Она с апломбом и без малейшего смущения судит обо всех вопросах, в которых ничего не понимает, и вмешивается буквально во все. Так, когда речь зашла о предстоящей автономии Польши, она заявила: «Но тогда мы должны будем сделать то же самое в Балтийских провинциях!» С невероятным трудом и как можно мягче Велепольский постарался ей объяснить различие условий той и другой провинций, но вскоре он увидел, что его аргументы ничуть Ее не поколебали, и, огорченный, он больше не настаивал. Другой пример, в котором проявилось ее полное незнание повседневной жизни. Судя по всему, Аннета *Вырубова* путешествует. И вот цензура получает бумагу от Штюрмера, в которой говорится буквально следующее (я видал эту милую бумажку): *«Всем газетам строго воспрещается писать о путешествии Г-жи Вырубовой и тех лиц, которые ее сопровождают!»* Что должны думать цензоры или, наверное, среди этих дураков не осталось людей, еще способных к суждениям? — В этом новом поведении, в *этой вере в саму себя — корень* опасности, особенно когда Она твердо убеждена, что Ее ведет Промысел Божий и Святой Дух. И это нужно объяснить Ники и предупредить об опасных последствиях. Кто может это сделать, кроме Вас?

Моя любезная и обожаемая Покровительница, умоляю Вас здраво обдумать все, что я Вам написал, так как речь идет о нашем общем существовании и особенно о судьбе Государя. Так не может далее продолжаться. Не забывайте, какие муки мы претерпеваем в течение двух лет войны, страшной резни, человеческих страданий, отчаяния, усилий миллионов человеческих жизней, и поймите, в какую бездну мы катимся. Нужно покончить с игрой в вечные перемещения — то, что Шингарев¹⁰ назвал «чехардой». Вообразите, на днях сместили военного министра «Шуваева»¹¹, обер-прокурора Св. Синода «Волжина»¹². И так все время, непрестанно. Нельзя же играть то и дело министрами как куклами! Какое впечатление сложится внутри России и что должны думать Союзники?! — Чтобы не растягивать мой рассказ о достойных сожаления вещах, происходящих в России, добавлю всего два слова о герре фон Штюрмере и его образе мыслей. В беседах с послами он еще ни разу не высказал своего мнения и не ответил ни на один вопрос, только и слышно: «Я подумаю, надо поразмышлять, подождите немного...» — и ничего больше. Когда он сделал первый визит к «Сазонову», то спросил у него только, какое он получал жалованье, сколько ему полагается экипажей, внимательно осмотрел его квартиру — и ни слова о политике и международной обстановке. Остался один Нератов¹³, знакомый с дипломатической машиной и спасающий его во время встреч; без него Штюрмер не смог бы сделать и шага, он даже не знаком с географией и с большим трудом отыскал на карте Салоники, о чем тут же все стало известно от присутствовавших. И такой человек сосредоточивает в своих руках всю полноту власти в момент, когда нельзя допускать оплошностей. Необходимо во что бы то ни стало и без промедления убрать его с поста, иначе он способен наделать непоправимых ошибок. И это Вы должны открыть глаза Ники. Итак, я кончаю и в заключение скажу: постарайтесь прежде, чем вернетесь сюда, повидать Ники одного и поговорить с Ним как только Мать может и умеет говорить с сыном.

Я знаю, что мое письмо, ежели, к несчастью, Вы получите его вечером, вызовет у Вас бессонницу, но несмотря на это я почел своим святым долгом предупредить Вас о надвигающихся тучах и опасности, которых нужно постараться избежать. Простите меня великодушно, поймите, как мне тяжело и больно писать все это, но есть минуты, когда совесть Ваша подсказывает сказать правду, даже неприятную, и эта минута, к сожалению, настала. Со слезами на глазах от души целую Ваши милые ручки. Простите, и да поможет Вам Господь открыть сыну глаза.

Н. М.*

PS. На этих днях через испанского посланника были переданы предложения о мире со взаимными уступками в пользу будущей Польши. Они были переданы особам, которые сумеют донести их кому следует и знают пути, по которым их предложения могут быть услышаны. Ежели действительно Вы поедете к Ники в Могилев, сделайте это, не предупреждая заранее, чтобы застать Его одного и чтобы А[лександр] Ф[едоров] не имела времени приехать туда из Петербурга и не помешала Вашему разговору с глазу на глаз.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Александра Федоровна (А. Ф.) (1872–1918) — урожденная Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, жена (1894) Николая II, императрица (1894).
- 2 Велепольский Владислав Иосифович (1869) — граф, действительный статский советник, егермейстер, управлял княжеством Ловическим (Варшавская губерния) и был начальником императорской охоты в княжестве (1886). Спала — излюбленное место царской охоты.
- 3 Волконский Владимир Михайлович (1868) — князь, действительный статский советник, егермейстер, товарищ министра внутренних дел (1915), товарищ председателя III Государственной думы, депутат IV Государственной думы.
- 4 Хвостов Александр Алексеевич (1857) — действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета, товарищ министра юстиции (1905), министр юстиции (1915–1916), министр внутренних дел и главноначальствующий над корпусом жандармов.
- 5 Барк Петр Львович (1869) — тайный советник, член Государственного совета, товарищ министра торговли и промышленности (1911), министр финансов и главноначальствующий отдельным корпусом пограничной стражи (1914).
- 6 Вырубова Анна Александровна (Аннета), урожденная Танеева (1884–1964) — фрейлина Александры Федоровны (1904), ближайший друг царской семьи и Распутина.
- 7 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864/65–1916) — крестьянин Тобольской губернии, «старец», самый одиозный фаворит царской семьи.
- 8 Андроников Михаил Михайлович (1875–1919) — князь, политический авантюрист, был близок к Распутину.
- 9 Булацели Павел Федорович (1867–1919) — кол-

- лежский ассессор, присяжный поверенный, издатель газеты «Российский гражданин» (1914).
- 10 Шингарев Андрей Иванович (1869–1917) — врач, член II, III и IV Государственной думы.
- 11 Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) — генерал от инфантерии, член Государственного совета, начальник Главного интендантского управления и главный интендант военного министерства (1909–1916), главный полевой интендант (1915), военный министр (1916–1917). По-видимому, Николай Михайлович, сообщая Ма-
- рии Федоровне о смещении Шуваева в августе 1916 г., основывался на слухах.
- 12 Волжин Александр Николаевич (1862) — действительный статский советник, гофмейстер, обер-прокурор Святейшего синода (1915–1916), член Государственного совета.
- 13 Нератов Анатолий Васильевич (1856) — действительный статский советник, член Государственного совета, товарищ министра иностранных дел (1910–1917), временно управлял министерством (1916).

№ 6

События 30 Октября — 5 Ноября 1916 г.

1) Я не только удовлетворен, но просто на седьмом небе от счастья оттого, что выполнил свой долг по отношению к моему Государю и Отечеству, теперь моя совесть спокойна, потому что 1 Ноября Ваш сын позволил мне высказать Ему все — в течение двух часов, с 9 до 11 часов вечера.

Я, насколько это возможно, щадил Его самолюбие и чувства к Ней, однако ничего не утаил и открыл ему глаза на все безобразия, творящиеся за Его спиной. Он выслушал меня очень внимательно, не перебивая, и, когда мы обсудили все насущные вопросы, Ники трижды с величайшей нежностью обнял меня и поблагодарил за мою откровенность и чрезвычайную смелость. Так закончился тот памятный вечер, надеюсь, что мне никогда больше не придется говорить Ему то, что пришлось тогда высказать. На следующий день за завтраком с придворными я сидел справа от Него, и Он подчеркнуто обращался только ко мне, выказывая свое благоволение. Это было более, чем следовало бы, это было слишком, но Вы поймете мое удовлетворение¹

2) Общее «возбуждение», царящее здесь, пугает. События стремительно надвигаются. На открытии Думы звучали такие бурные речи не только из уст социалистов, но и весьма умеренных блоков. Милоков² имел дерзость публично обвинить Штюрмера, назвав его предателем и преступником, потом он зачитал с трибуны отрывки из немецких газет, в которых А[лександра] Ф[едоровна] упоминалась как представительница бошей в России, склоняющая к подписанию сепаратного мира с ними. ³/₄ Думы заглушили эти слова аплодисментами и устроили овацию господину Милокову. Это главный скандал дня, но цензура все это вычеркнула, на этот раз весьма удачно, но эта одиозная речь распространилась по городу в списках.

3) На следующий день Штюрмер хотел распустить Думу. Все министры воспротивились, заявив, что это послужит началом открытых революционных действий. Они правы. Можно было бы его «привлечь к ответственности», то есть обратиться в суд, чтобы наказать Милокова, но и это опасно. Ежели он располагает необходимыми документами и может привести факты, разоблачающие Штюрмера, то Вы можете представить, какие размеры примет этот скандал. Что касается до его выпада против А[лександры] Ф[едоровны], то имело место всего лишь цитирование иностранной газеты, а не оскорбление Величества. И, однако, нашим властям необходимо вынести свое решение.

4) Генерал Мосолов³ (без которого [...] ничего не может сделать) получает назначение русского посланника в Бухаресте!! Это может показаться нелепым и фантастичным. Меня уверяют, что так оно и есть, по крайней мере, так утверждал Нирод⁴ в разговоре с Виктором Кочубеем⁵ Предвидя скорую кончину своего благодетеля Графа Ф[редерикса], этот негодяй пожелал обеспечить свое будущее, поскольку понимает, что кто бы ни стал преемником Графа Фредерикса, непременно отправит его в отставку. Таким образом, он устроил синекуру с благословения старика Фредерикса и при содействии герра фон Штюрмера. Возможно, румынское правительство не позволит сыграть с собой такую дурную шутку, и это было бы хорошим уроком выскочке.

5) Я прочел речь бедняги Милокова. Когда правые потребовали назвать имена тех, кто управляет страной, М[илоков] с трибуны заявил: «Россией управляют 4 человека — Штюрмер, Гришка, Мануйлов⁶ и Питирим⁷». Затем он обрушился на дам: прежде всего на А[лександру] Ф[едоровну], а вслед за ней на Машу Васильчикову⁸ и Лилю Нарышкину. Что касается до первой, он взял газету бошей и прочитал статью под заглавием «Tinn der russischen Kaiserin»^{*}

6) Бедняга Фредерикс вместо того, чтобы промолчать, написал протест на имя товарища председателя Думы, который по случайности вел заседание в момент произнесения Милоковым речи, эдакий «Варун-Секрет»⁹. Думаю, это последнее литературное произведение господина Мосолова.

7) Вчера два славных малых «Шуваев» и «Григорович»¹⁰, по мнению одних — «по собст-

* «Немецкий дух русской царицы» (нем).

венному почину», по мнению других — с Высочайшего соизволения, явились вместе в Думу и заявили, что будут оба работать совместно с Г[осударственной] Думой до победоносного исхода войны»¹ Эти слова были встречены общими и громогласными овациями и криками «ура» в честь Государя.

Это произвело взрыв в разгоряченных умах, и все только и ждут падения «рыжего идола», как ее прозвал поэт Мятлев¹¹

8) Передайте Сандро, Государь говорил мне, что Ксения получит «единовременно» 756000 рублей, а не 1120000, как я просил. Это на 400 тыс. рублей меньше, но все же довольно приличная сумма.

9) Извольте передать Дикому Князю, что сегодня у меня обедали его друг «Шульгин» и Николай «Львов»

10) Ники восторженно рассказывал мне о своем пребывании в Киеве и о незабываемом приеме, оказанном ему.

11) В пятницу обедал у Княгинь Орловых с Виктором Кочубеем и Кривошеиным. Последний очень интересен, aber doch «чиновник».

12) В качестве возможных претендентов на роль преемника Штюрмера называют 3 имени: адмирала «Тригоровича», Александра «Трепова» и «Кривошеина». Для всех предпочтительнее первый, но Штюрмер, цепляясь за власть, ежедневно ездит в Царское.

13) По моему скромному разумению, ближайшие дни окажутся решающими во всех отношениях: ежели Ники найдет в себе мужество отправить в отставку злосчастного типа по имени Штюрмер, то выиграют от этого Ваш сын и Его правитель-ство; ежели нет — ожидайте самых дурных последствий.

Да хранит Вас Господь!

Император Александр III.

* Но все же (нем).

Н. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Речь идет о т. н. открытом письме Николая Михайловича Николаю II, содержание которого по совету Марии Федоровны и обеих сестер государя великий князь изложил ему при личной встрече 1 ноября

1916 г. Впервые оно было опубликовано после Февральской революции в газете «Русское слово» (№ 54, от 9 марта 1917), корреспонденту которой письмо было передано самим великим князем. После отречения

- Николай II он поведал корреспонденту той же газеты обстоятельства своей беседы с императором. (См.: «Русское слово», № 52, от 7 марта 1917).
- 2 Милоков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, лидер конституционно-демократической партии, публицист, историк, редактор газеты «Речь», депутат III и IV Государственной думы, министр иностранных дел во Временном правительстве (1917). На первом заседании 5-й сессии Государственной думы IV созыва Милоков выступил с разоблачениями в адрес императрицы. В стенографических отчетах речь была опубликована с купюрами. Речь была размножена на машинках министерств и штабов и разошлась по всей стране. Сам инцидент описан Милоковым в «Воспоминаниях» (М. 1991). «За моей речью, — вспоминал Милоков, — установилась репутация штурмового сигнала к революции» (с. 445). Так совпало, что откровенный разговор Николая Михайловича с Николаем II и обличительное выступление Милокова произошли в один и тот же день.
  - 3 Мосолов Александр Александрович (1854) — начальник канцелярии Министерства императорского двора (1900–1917), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Бухаресте (1917). Принадлежал к ближайшему окружению царя.
  - 4 Нирод Федор Михайлович (Тео Нирод) — граф, генерал-майор свиты.
  - 5 Кочубей Виктор Сергеевич (1860) — князь, генерал-адъютант, флигель-адъютант, генерал-майор свиты, адъютант при наследнике Николае Александровиче (1892), начальник главного управления уделов (1899–1917).
  - 6 Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918) — надворный советник, журналист; сотрудничал с охранным отделением и департаментом полиции.
  - 7 Питирим (1858–1921) — петроградский митрополит, был близок к Распутину.
  - 8 Васильчикова Мария Александровна (1859) — фрейлина, была близка к царской семье.
  - 9 Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1868) — депутат I, II и IV Государственной думы, товарищ министра внутренних дел на Украине при гетмане Скоропадском (1918–1919). Вел заседание во время выступления Милокова.
  - 10 Григорович Иван Константинович (1853) — генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета, товарищ морского министра (1909), морской министр (1911).
  - 11 Мятлев Владимир Иванович — русский поэт начала XX в.

№ 7

События 12–19 Ноябрь[ря] 1916 г.

1) Я уезжаю на две недели на Каспийское море поохотиться и подышать воздухом и потому буду вынужден прервать мои рапорты.

2) Царит полная неразбериха, но понятно, что особенно она ощущается в Петербурге, где бушуют страсти. Более чем неожиданное появление А[лександр] Ф[едоров] в Ставке увеличивает тревогу и без того чрезмерное напряжение умов. Как только Она изволит вернуться в Царское — все успокоится. Только бы Она не возобновляла своих поездок!

3) Министерская борьба сосредоточилась на Трепове¹ и его коллегах, с одной стороны, и стариком Протопоповым², явно цепляющимся за власть, с другой. Этот полубезумец пляшет под дудку негодяя Курлова³. Эти двое, узнав, что А[лександр] Ф[едоров] и *Вырубова* в Могилеве, вместе отправились туда, чтобы спутать все дела, и, похоже, до сих пор им это удается.

Несмотря на все усилия Трепова, Ники пока не хочет расстаться с Протопоповым. Столичные сплетни, более нелепые, чем когда-либо, утверждают, будто Трепов уже подал в отставку — и это накануне открытия Думы. Печально, ежели это правда, но мне кажется, что слухи преувеличены, ведь разве можно допустить, чтобы Трепов выпустил из рук власть в такие минуты. Впрочем, я его сегодня увижу, поскольку он просил принять его в 11 часов утра (18 Ноября). Таким образом, я получу разъяснения самого главы правительства и узнаю правду.

4) Сандро прислал мне такое нервное письмо, написанное, видимо, под впечатлением события, что я твердо отказался от предложений, получивших одобрение мужа Княгини Палей⁴. Брат⁵ хотел бы, чтобы все Великие Князья написали коллективное письмо на имя Государя и открыли Ему глаза на опасность вмешательства в дела Его супруги и выразили чувство личной преданности семье к Нему. Нелепое предложение. Я не допускаю возможности, чтобы Великие Князья поднялись на борьбу! И потом вообще все коллективные послания приносят прямо противоположный результат — это мы уже видели в прошлом, когда, пытаясь решить чисто семейные вопросы, устраивали собрания, которые ни к чему не привели. — Я придерживаюсь другого. Ваш сын вызвал меня к Себе в Ставку и выразил желание беседовать со мною. Я отдал почтительный поклон, говорил с Ним и высказал все. Он милостиво выслушал меня. Довольно об этом.

Что касается до моей подписи под коллективным посланием, то ее не будет⁶. Оно вызовет лишь недовольство — и больше ничего. Поймите, Сударыня, в моем отказе не отсутствие мужества, поскольку я доказал обратное, *но мне подсказывает мой разум и нюх, что этого делать не следует*. Итак, надеюсь, что Сандро успокоится и не гневаясь простит мне мой отказ сочинять письмо и действовать сообща. Итак, довольно об этом.

5) На днях одно влиятельное лицо, которое просило не называть его имени, хотело предста-

виться в Ставке А[лександр] Ф[едоровне] по одному важному делу. Было 11 ч. утра. Государыня еще почивала. На вопрос, почему Она так поздно поднимается, ему ответили: *«Изволили работать с Г-жой Вырубовой до 3 ч. утра»*

б) Гр. Гудович рассказывал мне, что его племянница, маленькая Гр. Гендрикова⁷, призналась ему, что обе дамы, т. е. А[лександр] Ф[едоровна] и Аннета, имеют тетрадки, в которых в алфавитном порядке записаны имена лиц всех сословий, и из этих тетрадок они обыкновенно выбирают кандидатуры на министерские посты. Согласитесь, что это отдает чистым безумием. Есть только один способ, каким бы неприятным он ни казался Сандро и Павлу, — самые близкие, т. е. Вы и Ваши дети, должны проявить инициативу, пригласить лучшие медицинские светила для врачебной консультации и отправить Ее в удаленный санаторий — с *Вырубовой* или без нее — для серьезного лечения.

В противном случае будьте готовы ко всяким случайностям. Таково мое твердое убеждение, передайте это Сандро.

7) Знак времени. Небезызвестный Пуришкевич⁸ с треском вышел из группы правых, оставаясь все тем же убежденным правым, но не разделяя их образа действий, заключающегося в поддержке всех дурных начинаний и самых отвратительных министров.

8) Трепов вчера (18 Нояб[ря]) провел у меня добрый час. Несмотря на то что я испытываю слишком мало симпатии к его замечательной семейке, я отдаю ему должное за его твердую убежденность и железную волю. Это единственный человек, который может покончить с черной шайкой, ежели сегодня Дума выразит ему доверие. Будем на это надеяться. Я поеду послушать в Таврический дворец и, ежели выкрою время, напишу Вам свой рапорт.

9) Я вернулся из Думы. Заседание длилось с 2 до 6 часов и вечером продолжится. Никогда еще, даже во времена I Думы, я не присутствовал на подобном собрании!

После шума, устроенного социалистами, не желающими допустить выступления Трепова, и их коллективного ухода из зала заседаний он взял слово и как истинный государственный деятель высказал все, что полагается сказать главе правительства.

Его выслушали благожелательно, но одно присутствие на министерских скамьях Протопопова не позволило возникнуть ни малейшему сочувственному отклику. После Трепова говорил Пуришкевич с замечательным мастерством и ясно высказал все, назвав имена Воейкова⁹ и «Кувако»¹⁰, и в заключение полностью уничтожил Григория. Умоляю Вас прочесть всю его речь. Она дышит самым благородным патриотизмом.

Но, как говорит пословица, *доигралась*. Ее имени не называлось, но Ее протеже разоблачен навеки. П[уришкевич] почти в самом конце, повернувшись в сторону Трепова, сказал: *«Передайте Царю от себя и от всех министров, бросьтесь к Нему на колена от лица нас, от лица Матушки России и раскройте Ему глаза, обнаружьте истину — так дальше с Гришкой и с окружающей его шайкой управлять Россией немислимо»*. Сильно сказано, но совершенно справедливо. Шквал единодушных аплодисментов депутатов и публики подчеркнул правоту этих прекрасных заключительных слов. После этого Гр. Бобринский¹¹, бывший гусар, напал с разоблачениями на Протопопова.

«Пока этот господин будет членом правительства — Г[осударственная] Дума не может с ним работать. Человек, который тайком держал Курлова, больше не может быть и в нашей среде депутатов». Такими словами закончил свою речь Гр. Владимир Бобринский. Его также дружно поддержали аплодисментами. Я умираю от усталости, физической и нравственной, и завтра на 2 недели исчезаю в [...] на Каспийском море и, может быть, поеду поохотиться в татарские степи и не буду ни о чем думать. Должен Вам признаться, силы мои на исходе. Во время речи Пуришкевича я плакал как ребенок, *плакал от стыда*.

Нежно целую Ваши ручки. Да хранит Вас Господь, и как только вернусь, тотчас же напишу Вам.

Н. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Трепов Александр Федорович (1864) — егермейстер, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор, управляющий Министерства путей сообщения, председатель Совета министров (1916).
- 2 Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — действительный статский советник, депутат

- III и IV Государственной думы, товарищ председателя IV Государственной думы, член прогрессивного блока (октябрист), министр внутренних дел и главноначальствующий отдельным корпусом жандармов (1916).
- 3 Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — шталмейстер, генерал-лейтенант, товарищ министра

- внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1909), начальник Двинского военного округа (1914), командирован в Ригу на должность особоуполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийским краем (1914), назначен товарищем министра внутренних дел и тут же освобожден (1916). Деятельность Курлова на занимаемых постах нередко подвергалась следствию.
- 4 Палей Ольга Валерьяновна (1865–1929) — княгиня, урожденная Карнович, по первому браку Пистолькорс, жена (1902) великого князя Павла Александровича. После признания Николаем II этого брака получила в 1904 г. от баварского короля титул гр. Гогенфельзен, а в 1915-м — от российского императора титул княгини Палей.
- Павел Александрович (1860–1919) — великий князь, шестой сын Александра II, дядя Николая II. Первым браком (1889–1891) женат на греческой принцессе Александре Георгиевне. Вторым браком на О. В. Пистолькорс. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка (1890–1896), командующий гвардейским корпусом (1898–1902). За брак с Пистолькорс уволен и лишен всех должностей, над его детьми была установлена опека. В 1905 г. прощен и восстановлен в звании генерал-адъютанта. Генерал-ин-

- спектор войск гвардии (1916). Расстрелян в Петропавловской крепости вместе с Николаем Михайловичем.
- 5 Александр Михайлович.
- 6 Впоследствии Николай Михайлович изменил свое решение и подписал известное письмо.
- 7 Гендрикова Анастасия Васильевна — графиня, фрейлина императрицы Александры Федоровны. Сопровождала царскую семью из Тобольска в Екатеринбург, где была арестована и затем расстреляна.
- 8 Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — действительный статский советник, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», депутат II, III и IV Государственной думы. Принимал участие в убийстве Распутина.
- 9 Воейков Владимир Николаевич (1868) — командир лейб-гвардии Гусарского полка, генерал-майор свиты, дворцовый комендант (1913).
- 10 «Кувако» — акционерное общество, председателем правления которого был Воейков.
- 11 Бобринский Владимир Александрович (1867) — граф, депутат II, III и IV Государственной думы, видный член и товарищ председателя фракции «прогрессивных» националистов.

№ 8

События 12–16 Декабря 1916 г.

1) Близится 1 Января 1917 г. В этот день состоится назначение членов Государственного совета. Не находите ли Вы, что, приближаясь к шестидесятилетию, я смогу быть в нем полезным? Ежели да и ежели равенство великокняжеских возможностей не позволяет прибегнуть к *ектенны*¹, не могли бы Вы употребить Ваше влияние на Ники и подсказать Ему эту мысль, разве только мой разговор с Ним 1 Ноября не настроил Его против меня. Попытайтесь помочь Бимбо, и я Вам обещаю не насмеяться больше над Вашими лакеями и *официантами* вместе с Государственным советом. Если же, напротив, моя идея Вам не нравится, то и не будем к ней возвращаться.

2) Риттих², новый министр земледелия (он заменил на этом посту Алексея Бобринского), начал свою деятельность с выступления на Государственном совете, которое произвело наилучшее впечатление.

3) Получил письмо от Бориса Васильчикова³, который полностью отдался своей супруге и хочет продлить пребывание в деревне. Кисло-сладкий дурак.

4) Я написал письмо Ники, касающееся исторических проблем. *Ни привета, ни ответа*⁴. Говорят, он приезжает сюда на днях, тогда я узнаю, в чем дело. Думаю, это не опала, а просто дурное настроение.

5) Третьего дня Государыня почувствовала необходимость посетить в разгар зимы Новгород и Юрьев монастырь. Казалось бы — самое естественное желание, но это делается для того, чтобы доказать, будто она всюду желанна, популярна и любая оппозиция ей исходит только из Петербурга.

Владыко Арсений, епископ Новгородский, узнав об этой поездке, примчался в свою епархию, чтобы оказать Ей прием. Он только что голосовал в Государственном совете против Правительства и очень опасался того, как Она его встретит. Однако А[лександра] Ф[едоровна] была очаровательна в общении с духовенством, дочери помогали Ей, и отцы Церкви остались довольны визитом. Однако энтузиазм народа был скорее умеренным, поскольку над всеми прочими чувствами преобладало сознание небескорыстности этого зимнего визита.

6) Ульгралевые Керенский⁵ и Скобелев⁶ заявили в Думе о своем объединении с другими партиями с целью борьбы против оккультной власти, чтобы *солдаты и офицеры в окопах были бы осведомлены*, на этом Родзянко⁷ лишил их слова. В Москве председатель *союза городов* Кн. Львов⁸ произнес более сильные слова, призывая к беспощадной борьбе против *властей*. Там речи были просто революционными, но Москва как *сердце России* желает идти во главе движения. Это мы уже видели в 1904, 1905 и 1906 гг!

7) Бесценный *приказ* Ники по армиям, великолепно составленный, но Он обещает принять решения, которые надлежит выполнить в один прекрасный день. Однако осмелюсь позволить себе одно соображение: «Никогда нельзя делить шкуру неубитого медведя». Простое охотничье правило.

8) Я работаю как негр. Заседания различных комиссий следуют одно за другим и не подходят друг на друга. Материалы заседаний, посвященных 100-летию со дня рождения Александра II⁹ (17 Апреля

1918 г.), частично будут опубликованы со всем тщанием — например, детская и юношеская переписка Государя (1829–1853) с Его Отцом, замечания Жуковского¹⁰ и Мердера¹¹ о Его учении и пр., 25 человек работают над библиографией о Нем. К тому же Ваш сын назначил меня председателем комиссии по строительству нового здания Петербургского университета, столетний юбилей которого приходится на 1919 год. Под строительство выбран пустырь за Цусимской часовней в конце Английской набережной. К тому же конкурс архитекторов, переговоры с городскими властями и морским министром.

Диковинное дело. На днях я был с зимним визитом у М[арии] П[авловны]¹², сия благородная представительница бошей, неожиданно любезно принявшая меня, призналась, что мечтала бы заняться строительством университета. Я бы охотно уступил ей эту честь, т. к. меня тяготят отношения с незнакомыми людьми, и дело с концом. На днях же я заговорил об этом с Ники, и выяснилось, что она пожелала также занять вакантное место *Кости*¹³, т. е. стать Президентом Академии наук, в таком случае она получит в свое распоряжение весь «Васильевский остров» с его искусствами и ремеслами. Каков темперамент!

9) Много судачат о скором переезде к нам королевской семьи из Румынии¹⁴ и утверждают, что Вы были против того, чтобы они поселились в Киеве, А[лександр] Ф[едоровна] отклонила Ливадию, и решено поместить их в Зимнем дворце.

10) Получил известие о внезапной кончине в Ницце бывшего кавалергарда Ростовского, который накануне прислал мне депешу с поздравлениями по случаю моих именин.

11) На днях *Вырубова* давала в Царском обед чете Штюмеров, чете *Щегловитовых*¹⁵, присутствовали также папаша Танеев¹⁶, Стелла Рубинштейн, на десерт был Григорий и весь вечер — Государыня. *Провокация, и только*.

12) На сей раз я пользуюсь отъездом *Чернышева*¹⁷, чтобы отправить эти строки. Сделайте меня членом Совета — это было бы поистине забавно, как говаривал покойный Стюрлер¹⁸, который, однако, проник в него перед смертью в состоянии [...].

13) Дважды видел Покровского¹⁹, который по-прежнему мне нравится своими сдержанностью, тактом и обширными знаниями. Мне кажется, это верный выбор.

14) Говорят, что к новому году Трепов прогонит Раева²⁰ и Кн. Шаховского²¹, прозванного Вилли Фереро нашего Кабинета; что касается до профессора Рейна²², ведающего народным здравоохранением, Дума хочет прикрыть всю его лавочку, и тогда ему останется цвести не дольше, чем цветут розы, несмотря на поддержку А[лександр] Ф[едоровны].

15) В Новгороде Государыня посетила келью некой *старки* (это не название водки), старой 106-летней монашенки, впавшей в детство и говорящей предсказания. *Полезное занятие*.

На этом кончаю свое повествование и прошу Вас напомнить обо мне Вашим.

Н. М.

Николай II с матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ектения — название молитвенных прошений.
- 2 Риттих Александр Александрович (1868) — тайный советник, сенатор, управляющий Министерством земледелия (1916), министр земледелия (1917).
- 3 Васильчиков Борис Александрович (1863–1913) — князь, шталмейстер, член Государственного сове-

та, главноуправляющий земледелия и землеустройства (1906–1908).

- 4 Очевидно, имеется в виду письмо от 13 августа 1916 г. См.: Николай II и великие князья. С. 81.
- 5 Керенский Александр Федорович (1881–1970) — адвокат, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе, эсер (1917), во Временном прави-

- тельстве последовательно министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель, верховный главнокомандующий, вошел в состав образованной Временным правительством директории (1917).
- 6 Скобелев Матвей Иванович (1885) — депутат IV Государственной думы, в Февральскую революцию товарищ председателя исполкома совета рабочих и крестьянских депутатов, министр труда (1917), торгпред в Париже (1925), председатель внешних сношений в Госплане.
  - 7 Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — камергер, депутат III и IV Государственной думы, председатель III (1911) и IV (1912–1917) Государственной думы, один из лидеров октябристов.
  - 8 Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, председатель Всероссийского Земского союза, избран городским головой Москвы (1913), но не утвержден правительством, председатель совета министров и министр внутренних дел Временного правительства (1917).
  - 9 Александр II (1818–1881) — российский император (1855–1881), старший сын Николая I, женат (1841) на принцессе Гессен-Дармштадтской Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии, принявшей имя Марии Александровны (1824–1880).
  - 10 Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, критик, публицист, воспитатель Александра II.
  - 11 Мердер Карл Карлович (1788–1834) — генерал-майор, профессиональный военный, командир лейб-гвардии Егерского полка, воспитатель Александра II.
  - 12 Мария Павловна (М. П.) (1854–1923) — великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, дочь великого герцога Фридриха Франца II и Августы, жена (1874) великого князя Владимира Александровича (1847–1909), сына Александра II, дяди Николая II.
  - 13 Константин Константинович (Костя) (1858–1915) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, урожденной герцогини Саксен-Альтенбургской, двоюродный дядя Николая II, женат (1884) на Елизавете Маврикиевне, урожденной принцессе Саксен-Альтенбургской. Генерал-адъютант, гене-
  - рал от инфантерии, президент Императорской Академии наук (1889), драматург, переводчик, поэт (псевдоним «К. Р.»). Командир Преображенского полка (1891–1900), начальник военно-учебных заведений (1910).
  - 14 Вступление Румынии в войну против Австрии осенью 1916 г. закончилось катастрофическим поражением ее армии, поставив под угрозу существование самого государства.
  - 15 Щегловитый (Щегловитов) Иван Григорьевич (1861–1918) — статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор, министр юстиции (1906–1915), организатор политических процессов (дело Бейлиса), военно-полевых судов, телесных наказаний для заключенных.
  - 16 Танеев Александр Сергеевич (1850) — статс-секретарь, обер-гофмейстер, член Государственного совета, почетный член Академии наук, главноуправляющий собственной Его Величества канцелярии (1896–1917). Композитор.
  - 17 Чернышев Константин Николаевич — надворный советник, чиновник особых поручений при управлении кабинетом Его Величества.
  - 18 Стюрлер Александр Николаевич (1825–1901) — генерал-майор свиты, адъютант великого князя Константина Николаевича.
  - 19 Покровский Николай Николаевич (1865–1930) — государственный контролер, член Государственного совета, товарищ министра финансов (1906). 30 ноября 1916 г. (по март 1917-го) был назначен министром иностранных дел.
  - 20 Раев Николай Павлович (1856) — действительный статский советник, член Совета министерства народного просвещения (1905), обер-прокурор Синода (1916).
  - 21 Шаховской Всеволод Николаевич (1868) — князь, гофмейстер, управляющий Министерством путей сообщения (1915), министр торговли и промышленности (1917).
  - 22 Рейн Георгий Ермолаевич (1854) — почетный лейб-хирург академии, член Государственного совета, депутат II Государственной думы, председатель медицинского совета Министерства внутренних дел (1908–1915), главноуправляющий государственным здравоохранением (1916).

№ 9

События 17–24 Декабря 1916 г.

1) Вначале немного психологии. Вообразите, будто это я убил Григория. Поверите ли Вы, что я наивно сознаюсь в этом? Никогда, до самой смерти. Потому что это не просто действия заурядного убийцы, это поступок заключающийся в уничтожении врага России, боша — иными словами, это патриотический поступок. И даже в нашей истории не случалось ничего подобного. Настоящие убийцы Павла¹ никогда этим не хвастались — ни Скарятин, ни Кн. Яшвилъ², ни Татаринов. Они были русскими патриотами. И рядом с ними какие-нибудь балтийцы и боши вроде Палена³ и Беннигсена (ганноверца)⁴ на всех углах кричали, что честь и инициатива убийства принадлежала им, и Пален каждую годовщину памятной ночи с 11 на 12 Марта 1801 г. опустошал бутылку шампанского. Вот разница между русской и германской душой. Вернемся к сегодняшней драме. Два молодых человека, один из коих нервный, взбалмошный кутила⁵, родившийся недоношенным и воспитанный сумасшедшей (Эллой)⁶, провел половину этого года в Ставке под особой опекой и покровительством Государя, который часто поверял ему свои заботы и сокровенные мысли. Другой постарше⁷, сдержаннее, женатый и обожающий свою жену, но тоже нервный из-за матери, которая то и дело твердила об одном и том же — то есть об опасности влияния убитого. Этот последний более образованный, более тонкий, от природы скорее женственный, но обладающий железным характером, не испытывавший ни разу в жизни радости быть приласканным отцом, который любил старшего сына. В то время как молодой

Великий Князь часто задумывался о кризисе внутри страны, но не останавливался всерьез на этих раздумьях, а искал развлечения в женщинах, вине и игре, второй был озабочен лишь одной мыслью — как уничтожить Распутина. И чем больше он над этим размышлял, тем сильнее все его существование подчинялось этой мысли, которая в конце концов стала навязчивой идеей. Я часто видал первого в клубе и, начиная с Сентября, все реже общался со вторым, но всегда подолгу. Так вот, меня поражало ребячество в рассуждениях первого и серьезное, глубокое страдание второго, такое сильное, что, когда он в последний раз завтракал у меня 11 Декабря незадолго до драматической развязки, я ему об этом сказал.

Теперь Вы увидите всюду только нездоровый интерес к подробностям этого значительного события, исторического дня освобождения величайшей страны, каковой является Россия, от дьявола в образе мужика, который хотел ею управлять и фактически довлел над нею. Всем интересно знать, где, как и кто уничтожил Григория Распутина. А это смешно и глупо. Ежели в самом деле вдохновителем, организатором и маэстро того «ужина Борджии»⁸ был Феликс, а Великий Князь со своей извечной гитарой, которой он искусно владеет, — трувером, а также были и другие молодые люди, чьи имена остались неизвестными, но которые долгие месяцы жили с теми же мыслями в голове, — то драма объясняется просто. И ежели это сделали они — послушайте меня внимательно — никто из них никогда в этом не сознается, потому что, вероятнее всего, прежде чем выполнить этот свой патриотический долг, они поклялись друг другу хранить вечное молчание. — Плешивый, пишущий Вам эти строки, долго размышлял, много передумал, провел не одну бессонную ночь, шагая на заре по пустынным улицам Петербурга — и он хочет Вам сказать: не пытайтесь больше искать имена храбрецов, совершивших поступок гражданского мужества, высшего патриотизма и свободы.

Слово — серебро, молчание — золото!

Н. М.

2) Государыня безумна как никогда. Ночью 19-го после вскрытия трупа поступил приказ окольными путями перевезти тело несчастного в Царское!!

3) Двумя назначениями мы еще обязаны посмертному влиянию убитого. Я имею в виду *утверждение* ничтожного Протопопова и назначение сенатора Добровольского⁹, друга покойного, министром юстиции. Оба они ежедневно видались с Григорием в последние месяцы его жизни. Добровольский — человек, готовый на всякие услуги. Он погряз в долгах и изгнан из Сената, где был прокурором, *за взятки. Взрыв негодования во всем судебном ведомстве*.

4) Вчера, 20 Декабря, Трепов, узнав об этих назначениях, подал в отставку, пока неизвестно, будет ли принята его отставка, потому что он твердо заявил, что не останется вместе с Протоповым.

5) К сожалению, царит полное смятение. Не только среди министров, но и среди Великих Князей. Имели место семейные собрания вместе с М[арией] П[авловной] (каков позор!), составлено письмо, которое Павел послал Ники, а потом Сандро отправился к Нему сам и говорил в том же духе. Разумеется, я не принимал участия в этих собраниях, но добрый Сандро позволил себя увлечь, и Сергей¹⁰, который тоже вернулся, будет участвовать в этих беседах, на которых не будет сказано ничего, кроме глупостей. Наверное, Ваш зять даст Вам отчет о них. Я бы еще понял, если бы устроили собрание во главе с Вами, а то с М[арией] П[авловной]! Что за убожество!

6) Государыня упрямится все больше и больше и давит на Ники с помощью Протопопова, который приближен (уже!) к Ним и представляет собой в эти минуты Григория II. Вместо того чтобы отпустить Феликса и Д[митрия] П[авловича], бесконечно обсуждают, не принимая никакого решения. А время идет, слухи растут, как и всеобщее возбуждение. Все это пугает.

7) Я ставлю перед Вами все ту же дилемму. Покончив с гипнотизером, нужно постараться обезвредить А[лександр] Ф[едоровну], т. е. загипнотизированную. Во что бы то ни стало надо отправить ее как можно дальше — или в санаторий, или в монастырь. Речь идет о спасении трона — не династии, которая пока прочна, но царствования нынешнего Государя. Иначе будет поздно.

8) Макаров¹¹, Трепов, Игнатъев¹² подали в отставку, но пока принята отставка только первого. Его заменил *Добровольский, взяточник* и мот — другим не дали ответа. Однако они все высказали, не трагичная единственного вопроса — удаления А[лександр] Ф[едоровны]. Так же говорили и писали Государю Павел, Сандро, Трепов, Игнатъев и другие — не касаясь главного, т. к. вся Россия знает, что конец Распутина означает конец и А[лександр] Ф[едоровны]. Ежели первый убит, то другая должна быть удалена. Общее спокойствие возможно только такой ценой.

9) В довершение ко всему Она похоронила негодяя в *соборе*, построенном *Вырубовой* напротив *Федоровского собора*. Какой стыд для *Царского* и Царей, чьей резиденцией оно является. Я краснею от стыда, когда пишу эти строки. *Разве это не провокация, не вызов всей России?!*

10) Сандро и Сергей обижаются на меня за то, что я действую самостоятельно и что я решительно отказался принять участие в коллективном выступлении Высочеств¹³. Воздайте мне должное, ведь я же прав.

11) Я все надеюсь, что Ники позовет меня, и ежели это случится, я подниму вопрос о Его супруге,

никак не иначе, т. к. я не могу и должен самолично проникать в "Царское" — это так же революционно, как и действия распутинецов, которые выступают и горланят всюду, где их не спрашивают.

12) Сегодня Сандро брал приступом Добровольского по поводу Феликса, т. е. требовал разрешения на выезд из Петербурга. Вчера он говорил с Треповым и Покровским, а затем с Протопоповым, но так и не добился определенного ответа.

13) Что Вам сказать о себе? Я разбит от усталости после бессонной недели и перипетий, через которые мы прошли. Событие свершилось 17-го, а сегодня 23-е, однако неизвестность продолжается.

14) Аннета с того дня повторяет одну фразу: «Возмездие, возмездие!». Надо было бы и ее бросить в Невку. Какой грустный сочельник.

Да хранит Вас Господь!

Н. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Павел I (1754–1801) — император России (1796–1801). В первом браке женат (1773) на Вильгельмине Луизе (Наталье Алексеевне) Гессен-Дармштадтской, во втором (1776) — на Софии Доротее (Марии Федоровне) Вюртемберг-Штутгартской.
- 2 Яшвиль Владимир Михайлович (1764–1815) — князь, генерал-майор. Участвовал в заговоре против Павла I. На его могиле в Калужской Оптиной пустыни следующая эпитафия: «Он счастьем в мире сем душевным наслаждался, семейству верным другом был. Спокойной совестью с сей жизнью расстался и в мир иной бессмертия с надеждой воспарил» (ГАРФ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 380. Л. 87 об.).
- 3 Пален Петр Алексеевич (1745–1826) — граф, генерал от кавалерии, правитель Рижского наместничества (1792), генерал-губернатор Курляндский (1795), Петербургский губернатор (1798–1801). Участвовал в заговоре против Павла I.
- 4 Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) (1745–1826) — граф, генерал от кавалерии, главнокомандующий русской армией (1806), начальник главного штаба действующих армий в Отечественной войне (1812), командовал польской армией союзников (1813). Участвовал в заговоре против Павла I.
- 5 Дмитрий Павлович (1891–1943) — великий князь, флигель-адъютант, внук Александра II, сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, двоюродный брат Николая II. За участие в убийстве Распутина сослан в Персию в отряд генерала Баратова.
- 6 Елизавета Федоровна (Элла) (1864–1918) — великая княгиня, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, сестра императрицы Александры Федоровны, жена великого князя Сергея Александровича.
- 7 Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон, генерал-майор свиты, женат (1914) на княгине императорской крови Ирине Александровне, дочери великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, племяннице Николая II и великого князя Николая Михайловича.
- 8 Ассоциация с известной фамилией Борджиа, прославившейся внутрисемейными заговорами.
- 9 Добровольский Николай Александрович (1854–1918) — тайный советник, егермейстер, сенатор; 20 декабря 1916 г. был назначен министром юстиции.
- 10 Сергей Михайлович (Сергей) (1869–1918) — великий князь, внук Николая I, брат великого князя Николая Михайловича и двоюродный дядя Николая II, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, генерал-инспектор артиллерии (1905), полевой генерал-инспектор артиллерии при верховном главнокомандующем (1915–1917). Погиб под Алапаевском.
- 11 Макаров Александр Александрович (1857–1919) — действительный статский советник, сенатор, член Государственного совета, товарищ министра внутренних дел, директор департамента полиции (1906–1909), государственный секретарь (1909–1910), министр внутренних дел и шеф жандармов (1911–1912), министр юстиции (1916).
- 12 Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926) — граф, шталмейстер, товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством (1912), министр народного просвещения (1916).
- 13 Несколькими днями позже Николай Михайлович поставит свою подпись под письмом.

№ 10

5 Января 1917 г.
Киев

Любезная Минни,
Да благословит Вас Господь за всю Вашу доброту к Бимбо, безвинно попавшему в немилость и высланному в свои владения в Грушевку.

Никогда еще я не оставлял Вас такой напуганной, т. к. ход событий столь стремителен, что никто не может сказать, что нас ждет завтра. И в этом главная причина моего беспокойства. Где бы и когда

судьба ни уготовила нам встречу, знайте, что сей свирепый революционер остается навечно у Ваших ног. Как я уже писал в своей новогодней депеше, Вы представляете для всей России принцип власти и эмблему, которые возобладают над беспорядками, увы — всегда возможными, и сменами правительств, почти неминуемыми.

Итак, сохраняйте спокойствие и достоинство, несмотря на все возможные потрясения.

Удачи во всем и, надеюсь, до свидания со дня на день.

Н. М.

№ 11

19 Февраля 1917 г.

Грушевка

Любезная Минни,

Простите, что вновь докучаю Вам разговором о предмете, который мы с Вами часто обсуждали. Речь идет о самой насущной надобности, незамедлительной необходимости для Вас увидеться с Ники, когда Он будет в Ставке, и поставить точки над и настойчиво и решительно. На сей раз вмешательство Аликс во все дела и пагубное влияние, которое Она ежедневно оказывает на Государя, угрожает уже не только династии — оно угрожает самому существованию России, ее силе, славе, процветанию.

События стремительно сменяют одно другое, и после убийства прославленного хама вся Россия и все общество поняли, что несчастье состоялось не только в личности Распутина, но что вдохновительница и покровительница всех дурных дел, совершаемых только в интересах наших врагов немцев, не кто иной, как Александра Федоровна. Положение стало невыносимым и сулит катастрофы нашему дорогому и любимому Отечеству.

Итак, настали минуты, когда необходимо действовать, не теряя драгоценного времени. Вы должны посвятить себя этому святому долгу. Найдите Вашего сына и поговорите с Ним как мать, как глава Царской Семьи, как добрая мать всех Русских людей; не просите, но требуйте самым решительным образом от имени всех немедленного удаления А[лександры] Ф[едоровны] от Государя. Можно отправить ее в Ливадию под предлогом поправки ее здоровья или здоровья Алексея, но Она должна быть удалена от Ники. Это было бы первой Ее уступкой чаяниям всей России, а если этого окажется недостаточно, нужно запереть Ее в монастырь, чтобы полностью лишить ее пагубного влияния. Ежели это прозвучит как просьба или пожелание, Ники ни за что не согласится удалить ее даже в Ливадию, но ежели принять повелительный тон, а Вы знаете, что в жизни тон делает музыку, — Вы же меня понимаете с полуслова — велите Вашему сыну как Мать и вдова Государя Александра III сделать это.

Я понимаю, что это более чем тяжкая и горькая миссия для матери, но Россия и вся Ваша семья благословят Вас на сей мужественный и самоотверженный поступок. Ежели Ваше вмешательство и не принесет благого результата, на который мы уповаем, Ваша совесть будет чиста перед Богом и Вашими подданными. Я заканчиваю, мои слова могут задеть Ваши материнские чувства, умоляю Вас простить меня.

Что Вам сказать о себе? Я переносу наказание со смирением, но сердце мое исполнено гнева из-за постигшей меня вопиющей несправедливости. Ежели не будет другого приказа, я предполагаю покинуть Грушевку в последних числах Февраля и вернуться в столицу сплетен. Может быть, к тому времени и Вы будете в Аничкове. Рано или поздно Вам придется покинуть любезный сердцу Киев. Это письмо Вам передаст Сандро, к которому посылаю назад его солдата.

Да хранит и наставит Вас Господь в минуты тяжелых испытаний, через которые нам приходится пройти вопреки нашей воле.

*Целую Ваши ручки, и Бог Вам в помощь.

Ваш старый пес Н. М.*

№ 12

25 Марта 1917 г.

Петроград

Любезная Минни,

Хочу написать Вам пару слов и передать с Ксенией, которая подробно расскажет Вам обо всем, что произошло со времени моего приезда сюда с 1 Марта по 25-е.

Знайте, что мои мысли неизменно были рядом с Вами и моей единственной заботой все это время было утешать как умею в переживаемой нами драме ту, что передаст Вам эти строки. Ваша любез-

ная Ксения была на высоте и сумела завоевать сердца и обездоленных, и тех, кто удерживает ныне власть. Я бывал у нее два-три раза в день и держал ее в курсе событий и положения верхов и низов нынешнего бедственного кризиса, который — увы — я предвидел и предчувствовал еще несколько месяцев назад. Через несколько дней, если Бог даст, она будет рядом с Вами и перестанет наконец дышать зачумленным воздухом столицы, где все теперь вверх ногами.

Вероятно, Вам говорят обо мне много дурного, не верьте, а ежели Вы сомневаетесь, расспросите обо мне Ксению, она всегда была очень правдива.

Случай свел меня довольно близко к *Терещенко*¹, и через него мне довелось познакомиться с крайним социалистом Керенским, который несмотря на свои передовые взгляды человек сердечный и галантный. Он стержень, на котором держится все, и он один железной рукой сдерживает требования и страсти рабочих комитетов. Я мало знаю остальных, но князь Львов настоящий джентльмен и умело влияет на других. Благодаря трио — Керенский, *Терещенко* и он — Ваша поездка в Крым на специальном поезде была разрешена и ускорена без тени малейшего недовольства.

Ежели в своих письмах военного времени я говорил Вам о возможности влияния бошей и рисовал Вам в некотором роде генеалогическое древо, сам я боялся этого влияния после войны, на мирных переговорах. Увы, оно имело место не только после окончания военных действий, но и во время их, начиная с Июля 1914 г., когда Аликс и М[ария] П[авловна], несмотря на взаимную ненависть, не прерывали постоянной переписки со своими родственниками; и ежели и не было с их стороны прямого предательства, сам по себе этот факт преступен. Их привязанность к Фатерланду оказалась сильнее любви к России. Это достойно сожаления, но Богу угодно, чтобы некоторые дела не были разглашены, потому что нынешнее правительство, ежели оно удержится у власти, решило скрыть от народных масс слишком кричащие доказательства.

Недаром я всегда выступал против всех этих Эрн², Аби³, Павла⁴ и прочих мелких принцев, так часто являвшихся к нам. Ники содержится с должным почтением, и его охраняют более всего от возможности разнузданных действий со стороны крайних и посвященных; как только все немного успокоится, он сможет вместе с женой и детьми выехать в Англию. В настоящее время этот шаг был бы слишком рискованным во всех отношениях.

Надеюсь, Вы оцените Ирину Долгорукову⁵, которая стала настоящей подругой Ксении. Кроме нее восхищения заслуживают *София Ден*⁶, Вера Орбелиани, Мэри Трубецкая, София Ферзен⁷ и Анна Сабурова. Большинство окружающих проявило себя с худшей стороны, за исключением подавляющего меньшинства, таких, как Дмитрий Ден⁸, Полина Бенкендорф (неподражаемая), Валя Долгоруков, Виктор Кочубей (доказавший свою самостоятельность, продолжая выполнять свои должностные обязанности, дабы спасти хотя бы капиталы удельного ведомства), Сазонов, Саша Орлов-Давыдов — вот почти и все. Остальные из трусости бросили все даже прежде отречения. Заканчиваю эти строки с уязвленным сердцем из-за всех испытаний, через которые Вам пришлось пройти в Марте, и возлагаю свои надежды только на Промысел Божий, который сохранит Вас и Ваших близких в годину страшных потрясений.

Ваш старый пес Бимбо, обожающий Вас как никогда.

Н. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный сахарозаводчик, по политическим взглядам близок к прогрессистам. После Февральской революции министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства (1917).
- 2 Эрнст Людвиг (Эрни) (1868–1937) — великий герцог Гессен-Дармштадтский, брат императрицы Александры Федоровны.
- 3 Альберт (Аби) (1843–1902) — герцог Саксен-Альтенбургский.
- 4 Намек на то, что жена великого князя Павла Александровича получила графский титул от баварского короля.
- 5 Долгорукова Ирина Васильевна, урожденная Нарышкина (1879–1917) — в первом браке — за адъютантом великого князя Михаила Александровича И. И. Воронцовым-Дашковым, во втором — за С. А. Долгоруким.
- 6 Ден Софья (София) В., урожденная баронесса Шереметева — жена Ден Д. В.
- 7 Ферзен Софья А., урожденная княгиня Долгорукая — графиня, жена генерал-майора свиты Н. П. Ферзен.
- 8 Ден Дмитрий Владимирович — флигель-адъютант, штаб-офицер военно-морского управления при верховном главнокомандующем, штаб-офицер для поручений при императорской главной квартире.

«ТУРЦИЯ есть арифметическая задача: деление»

ЗАПИСКИ И ПИСЬМА Ф. Ф. МАРТЕНСА

В конце XIX в. экономические и политические противоречия между великими державами в Европе, Азии и Африке сплелись в тугой клубок. Соперничество за сферы интересов и сферы влияния вступило в новую стадию, открывавшую перспективу их передела.

Для России одной из болевых точек оставался Ближний Восток. Активизация политики в Дальневосточном регионе настоятельно требовала законсервировать положение в Османской империи и, прежде всего, на Босфоре. Поддерживая до известной степени авторитет султана и параллельно разрабатывая административные реформы, облегчающие положение его христианских подданных, Петербург рассчитывал сгладить остроту национально-освободительных движений в Османской империи, грозивших поставить Восточный вопрос в полном объеме. Россия стремилась помешать преобладанию в Константинополе какой-либо державы или установлению на развалинах империи Османов совместного господства европейских держав. Эту линию российская дипломатия достаточно успешно проводила в ходе ближневосточного кризиса 1894–1898 гг. Но тогда же стала очевидной новая расстановка сил в регионе.

Слухи об «умирающей» империи Османов оказались преувеличенными: победа Турции в войне с Грецией, казалось, влила в старые мехи новое вино — так велик был энтузиазм мусульман и лично султана. Порта направляет энергию на усиление боевых средств империи, сооружение железных дорог в ее европейской и азиатской частях. Этой благоприятной конь-

Ф. Ф. Мартенс.

Турецкий орден Меджидие «Большой крест».

юнктурой быстрее и лучше других воспользовалась Германия, влияние которой возросло в жизни страны и особенно в султанском дворце.

Первые камни в фундамент военно-политических позиций Германии в Турции заложила еще в 80–90-е гг. миссия генерала фон дер Гольца¹: немецкие офицеры в султан-

ской армии сформировали прогермански настроенную прослойку, армия оснащалась оружием почти исключительно германского производ-

ва, германское общество Анатолийской железной дороги получило концессию на проведение новых линий. Они были частью задуманного грандиозного проекта — Багдадской железной дороги. Этот стальной мировой путь, от берегов Босфора нацеленный на Индию и Дальний Восток с непрерывным рядом немецких колоний по обеим его сторонам, должен был создать оплот германской политической и экономической гегемонии в Малой Азии. На своем пути стальная змея германской дороги грозила вползти в сферы интересов и Англии, и Франции, и России.

На завершающем этапе кризиса в 1897 г. Николай II² поручил юрисконсульту МИД Ф. Ф. Мартенсу³ составить записку о возможных реформах в Турции. Весной 1898 г. Мартенс частным образом посетил Константинополь. Беседы и личные наблюдения привели опытного юриста к убеждению о невозможности проведения таких реформ при султанине Абдул Гамиде⁴. Свои впечатления Мартенс изложил в двух записках — «Заметки о современной Турции» и «Россия и Германия в Турции», которые публикуются ниже. Показательно, что наблюдения, выводы и предложения Мартенса во многом совпадают со взглядом на проблему полковника Н. Н. Пешкова⁵ — русского военного агента, прослужившего в Константинополе более 15 лет. Обеспокоенный тем, что первенствующее историческое положение России на Босфоре все сильнее оспаривается новым соперником в лице Германии, Пешков по собственной инициативе составил записки «О современном состоянии Турции» (в августе 1898 г.) и «Интересы России и Германии в Турции» (в декабре 1899 г.).

В отличие от военного агента юрисконсульт МИД излагает свое мнение очень осторожно и взвешенно. Он старается довести информацию, отражающую действительное положение дел, до сведения верхов так, чтобы не задеть личного самолюбия и великодержавных амбиций. Публикуемые здесь письма Мартенса к министру иностранных дел России М. Н. Муравьеву⁶ и товарищу министра В. Н. Ламздорфу⁷ хорошо отражают эту сторону проблемы.

Записки Мартенса и Пешкова были изучены царем и руководством МИД, но конкретные, разумные с экономической точки зрения предложения не были реализованы. Через два года Петербург после безуспешной попытки в 1899 г. договориться с Берлином о разграничении сфер интересов в Турции в результате длительных переговоров добился письменного обязательства Турции в течение 10 лет не выдавать другим державам концессий на строительство железных дорог в сфере русских интересов на Черноморском побережье. Однако методы запрета, логично вытекавшие из задачи сохранения статус-кво в регионе, давали лишь кратковременный эффект, но не были адекватной мерой укрепления позиций соперницы. Последствиями усиления Германии в Турции стали обострение англо-германского антагонизма и укрепление франко-русского союза.

Записки и письма Ф. Ф. Мартенса публикуются с сохранением орфографии и синтаксиса документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи в фонде Секретного архива министра иностранных дел. Слова, подчеркнутые в тексте, также подчеркнуты. Описки исправлены.

№ 1

Письмо Ф. Ф. Мартенса В. Н. Ламздорфу Вальдензе, близ Вольмара, 13го июня 1898 г.

Высокоуважаемый Граф Владимир Николаевич.

С прошлого понедельника я вернулся из Константинополя в Россию и поселился на лето в своем *Tusculum*^{*} в Лифляндской губернии, где я буду заниматься изучением всех томов по Англо-Венесуэльскому делу³ в ожидании каких-либо распоряжений графа Михаила Николаевича или Вашего Сиятельства.

Моею поездкою в Константинополь я остался чрезвычайно довольным. Поездка, вызванная желанием поехать на встречу жене, возвращающейся из Южной Италии в Россию, дала мне возможность познакомиться в Константинополе со многими чрезвычайно интересными Турками, посетившими меня в Pera Palace^{**}, где я остановился, без всякой, с моей стороны, инициативы. Эти представители турецкой интеллигенции и высшего чиновничества считали возможным быть со мною откровеннее, чем они могут быть с официальными представителями Императорского Правительства.

Но я их предупреждал, что нахожусь в Константинополе в качестве простого туриста, и ни в какие объяснения насчет текущих политических вопросов вступать не намерен и не могу. Имея в виду это обстоятельство я даже отклонил заявленное мне желание самого Султана принять меня на аудиенции после селамлика, на котором я присутствовал. В таком решении я был

Tusculum — одно из загородных имений Цицерона, где он сочинял свои речи. Мартенс, хороший оратор, таким образом сравнивает себя с Цицероном.
Отель Пера, в центре Константинополя.

еще более укреплен заявленным мне нашим послом И. А. Зиновьевым⁹ желанием, чтобы я избегал личного приема со стороны Султана.

Несмотря на такое нелюбезное отношение к падишаху, он все-таки просил посла выразить мне свое сожаление по поводу того, что ему не удалось со мною познакомиться, и он прислал мне орден Меджидие первой степени, а жене — орден Шеффакат также первой степени. Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство сообщить Его Сиятельству Г. Министру мою живейшую просьбу исходатайствовать (у) Государя Императора разрешение носить этот турецкий орден. Но совершенно не знаю каким порядком можно исходатайствовать Высочайшее разрешение для моей жены носить пожалованную ей ленту дамского ордена Шеффаката. Я был бы несказанно благодарен Вашему Сиятельству за сообщение мне Вашего доброго и компетентного совета и указания на этот счет.

Несмотря на мое кратковременное пребывание в турецкой столице я все-таки многому научился и весьма многое узнал. Мои наблюдения я позволил себе записать в форме «Заметок о современной Турции», которые имею честь представить при сем на Ваше благосклонное внимание. Я был бы чрезвычайно польщен еслиб Г. Министр и Ваше Сиятельство нашли в моих летучих «Заметках» кое-какие обстоятельства и соображения, которые не всегда встречаются в официальных донесениях и все-таки заслуживающие внимания. По моему крайнему уразумению в нынешнем политическом положении Турции кроется серьезная опасность для русской политики в будущем.

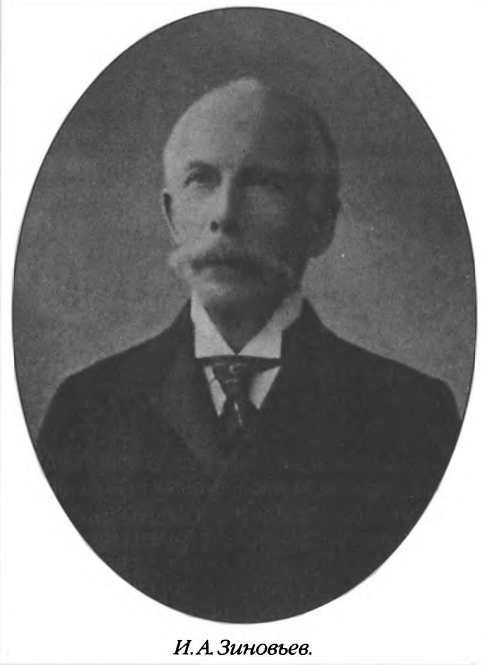
Наконец по предмету консульской юрисдикции в Турции я имел интересные частные разговоры с почтенным А. Е. Лаговским и служащими в нашем Генеральном Консульстве. Из этих разговоров я убедился, к моему великому удивлению, что все порядки Консульского суда, изложенные мною часто по догадке ровно 25 лет тому назад в моем сочинении «О Консулах и Консульской юрисдикции на Востоке», существуют поныне целиком в Турции. В этом отношении я ничего нового не узнал.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и искренней преданности.

Ф. Мартенс

P. S. И. А. Зиновьев осчастливил меня самым любезным и радушным гостеприимством. По долгу службы я сообщил ему о единственном политико-юридическом разговоре насчет отмены Капитуляций, который я имел с турецким юрисконсультлом турецкого Министерства И. Д. Но боюсь, что Иван Алексеевич не согласится с выводами моих «Заметок». Поэтому осмеливаюсь покорнейше просить их ему не сообщать.

Ut in litteris⁹.

И. А. Зиновьев.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 467. Д. 176. Л. 18–19 об. Автограф.

№ 2

Совершенно доверительно.

Заметки о современной Турции

Современная Турция есть арифметическая задача: деление. Делимое — сама Турция со всеми ее чудными и богато одаренными от природы провинциями; делитель — великие европейские Державы. И так как в одном делении не может быть несколько делителей, то спрашивается: какой великой Державе суждено судьбою совершить эту операцию деления?

- Как обычно пишется (*лат.*) Мартенс заменяет обычную формулу вежливости «Примите, милостивый государь», так как эта формула и его подпись уже имеются перед постскриптумом.

Современная Турция старается всеми силами предупредить наступление рокового момента, когда над нею должна свершиться дав-

Абдул Гамид II.

ным давно предсказанная операция. Но в тоже время султанское правительство собственными своими руками приближает стрелку на мировых часах к тому роковому часу, когда катастрофа неизбежным и неумолимым образом должна наступить.

Вообще Турция конца XIX века чрезвычайно богата поразительными противоречиями. Природа создала для Константинополя грандиозное по прелестям и чарующее по красоте положение. Турецкие же нравы и обычаи обратили эту чудеснейшую местность в клоаку, распространяющую на много миль кругом зловоние и всевозможные миазмы. На каждом шагу встречаешь в турецкой столице рядом с ослепляющим блеском и богатством поразительную нищету и непроходимую грязь. На селямликке, когда калиф правоверных мусульман каждую Пятницу совершает свою публичную молитву в мечети Гамида, нельзя не поражаться блеском придворных экипажей, красотою выводимых султанских чистокровных лошадей и богатством и разнообразием блестящих мундиров турецких генералов и гражданских чинов. Но вдруг в этой блестящей картине, имеющей своим очаровательным фоном чудный Босфор и Золотой Рог, появляются в виде черных пятен, какие-то оборванцы, которые совершенно свободно двигаются в среде блестящей султанской свиты.

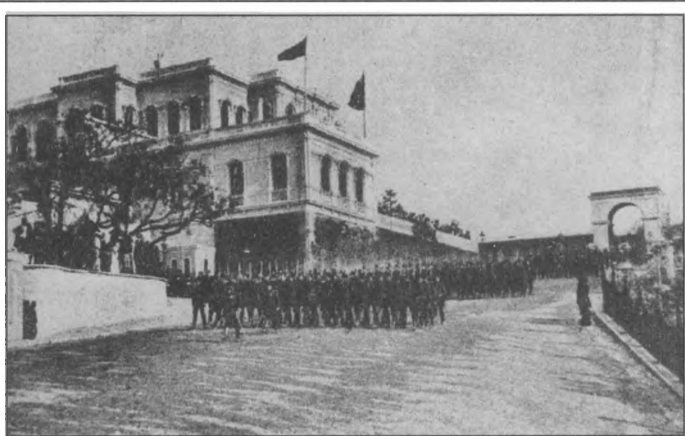
В то самое время, когда султан Абдулл-Гамид совершает в мечети свою молитву, будучи оберегаем чудовищными охранительными мерами, перед самую мечеть кладутся маты, на которых сотни дервишей¹⁰ и оборванцев также совершают свою молитву. Невольно возникает вопрос: что, если в числе этих дервишей и оборванцев окажется какой-нибудь фанатик-убийца?..

Политическое положение современной Турции усложняется с каждым годом, ибо покоится на двух устоях: 1) на всепоглощающем и всеподавляющем деспотизме султана Абдулл-Гамида и на его личной, дворцовой политике и 2) на неудержимом мирном завоевании Турции со стороны Германии.

I.

Трудно себе представить до чего доходит произвол и деспотизм нынешнего султанского правительства: он подрезывает все жизненные силы государства и обратил 40-миллионный народ в пассивную массу, неимеющую ни сознания своих прав, ни уверенности в завтрашнем дне. Как кошмар гнетет над турецким народом послушание и бессердечные исполнители султанской воли, преследующие только одну цель: безграничное поработение и самую бессовестную эксплуатацию подданных. Правительственная система султана Абдулл-Гамида есть ничто иное, как систематическое убийство действительных или мнимых врагов, соединенное с небывалою в истории народов организацией шпионства и доносов.

Вся правительственная власть в современной Турции сосредоточивается не в Высокой Порте¹¹ как в продолжении многих веков, но — в Ильдиз-Киоске, т. е. во дворце, в котором живет султан в Константинополе. По своему местоположению, на горе, этот дворец картинным образом выражает царящий над Константинополем и Турцией деспотизм. Великий Визирь¹² и турецкие министры ника-

Ильдиз-Киоск.

кой самостоятельности не имеют в пределах предоставленной им законами власти: они слепые и безгласные орудия султанской воли. Сам султан Абдул-Гамид управляет всеми внутренними и внешними делами. Ближайшими его слугами и орудиями являются личные секретари, постоянно живущие в Ильдиз-Киоске, куда министры во все часы дня и ночи, вызываются для дачи словесных объяснений и для получения Высочайших повелений. Часто бывает, что султан заставляет министров целые сутки жить в его дворце и ждать приказаний. Вот почему представители иностранных Держав принуждены постоянно обращаться к самому султану или во дворец Ильдиз-Киоск, оставляя совершенно в стороне министра иностранных дел и его Министерство. В настоящее время немислимы в Турции такие государственные люди, как Али¹³ или Фуад паши¹⁴, которые, в качестве Великих Визирей или Министров имели огромное личное значение и авторитет. В настоящее время в Турции имеются только две элементарные силы: султан и народ рабов. Первая сила безусловно подавляет и порабощает вторую.

Страх перед султаном, угнетающим весь турецкий народ, выражается, между прочим, в том, что только солдаты без боязни называют его настоящим именем падишаха. Народ же со страхом и с ненавистью называет его «Буадам», т. е. «этот человек!» Каждый Турок знает, кто — «этот человек». Этот безграничный страх поддерживается исполинской сетью шпионства, наброшенной на всю Турцию и затягиваемую искусною рукою самого султана в Ильдиз-Киоске. Глубоко был прав Montesquieu¹⁵, когда он назвал *la crainte* жизненным принципом деспотического государства, ибо, по его словам, «c'est la crainte qui fait agir, veivre, prosperer et finalement perir le gouvernement» (De l'esprit des lois, 1758).***

Шпионство обратилось в Константинополе в фундамент, на котором зиждется все государственное здание современной Турции. За каждым шагом, каждым визитом и каждым действием турецкого чиновника или военного установлен самый бдительный надзор. Обо всем составляется шпионами так называемый «журнал», т. е. доносится «наверху» (по-турецки «Жокаре») в Ильдиз-Киоск. Секретарь Оттоманского посольства в С.-Петербурге сознался, что об его посещении меня в Константинополе на другой же день было известно «наверху». Такая правительственная система должна была привести к возмущавшим весь цивилизованный мир убиениям Армян, Греков, Младо-Турок и всяких других лиц, могущих быть неудобными для султана Абдул-Гамида. Эта система неизбежным образом привела к искоренению малейших проблесков ума и таланта.

Один почтенный турецкий писатель мне рассказал, что султан запретил печатание его сочинения по Международному праву по следующим причинам: 1) автор назвал Францию — республикою чего «Буадам» не желал разрешить; 2) в книге говорилось об Египте и о Суэцком канале на основании международных трактатов — что также рассердило султана; наконец в 3) в книге доказывалась великая ересь, а именно то, что Государственное право есть право государства. Султан ответил автору, что Государственное право Турции есть исключительно право султана! На основании только что изложенных фактов совершенно понятно вытекающее из них заключение: при нынешнем порядке управления Турции никакие действительные преобразования этой страны абсолютно немислимы.

II.

Вторым устоем современной Турции является личная дружба между императором Вильгельмом II¹⁶ и султаном Абдул-Гамидом. Эта дружба привела к господству Германии во всех сферах деятельности турецкого правительства и к блестящим результатам германского «Drang nach Osten»***. Давным давно германские политические писатели и государственные люди указывали германскому народу на Турцию как на естественное поприще его колонизаторской деятельности. Императору Вильгельму II суждено было значительно приблизить германский народ к осуществлению этой заветной мечты. Энергическая поддержка Германским Императором султана Абдул-Гамида в области внешней политики привела к таким блестящим для Германии результатам, которые выражаются в беспорном господстве германского влияния во всей современной Турции. Благодаря таким замечательным германским военным инструкторам, как барон фон Гольц вся турецкая армия получила совершенно вид германского войска. Весь турецкий военный устав составлен по образцу германского. Турецкий солдат, стоящий на карауле, отдает честь крича: «Рахат» (т. е. по-немецки: Ruhe!****). На селамлике, после Османа¹⁷ и Эдхема-пашей¹⁸, первые места занимают германские генералы на турецкой службе (как Kamphoever-Pacha)¹⁹. В турецком военном фло-

Монтескье.

Страх (фр.).

«Страх — вот что заставляет действовать, жить, процветать и в конце концов гибнуть деспотию» («Дух законов», 1758) (фр.).

Натиск на Восток (нем.).

Смирно! (нем.).

рауле, отдавая честь крича: «Рахат» (т. е. по-немецки: Ruhe!****). На селамлике, после Османа¹⁷ и Эдхема-пашей¹⁸, первые места занимают германские генералы на турецкой службе (как Kamphoever-Pacha)¹⁹. В турецком военном фло-

те нет германских адмиралов по той простой причине, что нет самого военного флота. Злые языки говорят, что султан делит с Морским Министром все суммы, предназначенные на содержание турецкого военного флота.

В турецких министерствах финансов, юстиции и даже народного просвещения руководящие должности занимают германскими чиновниками, любезно рекомендованными Вильгельмом II. В самое последнее время султан вызвал из Германии профессоров медицины для преобразования турецкой Медицинской Академии. Доказательств такого господства Германии в Турции весьма много. Укажу еще на некоторые. Так гуляя по улицам Константинополя постоянно слышишь немецкий язык и видишь мужчин в турецких фесках, говорящих между собою по-немецки. Перед домом германского консула в Пере²⁰, в день отъезда германского посла в отпуск, музыка играла и толпа немцев пела на улице немецкую патриотическую песню: «Die Wacht am Rhein!»* Это было 1 (13) июня. Никакая турецкая полиция не противилась публичной патриотической демонстрации на улицах турецкой столицы.

Интимная дружба, соединяющая Германского Императора и турецкого султана, уже привела к весьма осязательным политическим результатам и обещает в ближайшем будущем много сюрпризов. Прежде всего не подлежит сомнению, что германский посол в Константинополе играет самую блестящую и первенствующую роль. Он легко добивается у султана всевозможных льгот и уступок в пользу германских подданных. Представитель России до сих пор еще не удостоился торжественного обеда в Ильдиз-Кioskе по случаю своего назначения на пост посла²¹. В честь барона Маршала фон Биберштейна²² султан не только весьма скоро, после его назначения, устроил торжественный обед, но он пользуется всяким случаем, чтобы чествовать германского посла.

Так, во время моего пребывания в Константинополе, состоялся новый торжественный обед в Ильдиз-Кioskе в честь германского посла (по случаю его отъезда в отпуск!). На этом обеде присутствовал сам султан, его личные секретари, великий визирь и некоторые министры. С германской стороны были — кроме самого посла и его супруги и всех чинов посольства — еще все германские подданные, занимающие высокие военные или гражданские должности на турецкой службе. Таким образом констатировалась неразрывная связь между германским посольством и турецкими служащими германского происхождения, которые являются полезными и покорными орудиями германской политики в Турции. Само собою разумеется, что султан не приминул воспользоваться случаем, чтоб пожаловать всевозможные знаки отличия, как баронессе Маршал, так и членам посольства. На другой день после обеда «Жокаре», у «Буадама», состоялся отъезд германского посла. Проводы были самые блестящие и трогательные: на станции железной дороги были генерал-адъютант султана Абдул-паша, чтобы от имени падишаха, пожелать счастливого пути дорогому послу. Сверх того, были еще другие высокопоставленные турецкие сановники, по повелению султана. Наконец были опять в фесках германские генералы и чиновники. Перед станцією же распевалось: «Die Wacht am Rhein!»

Если таким образом чествует султан германского посла, то не трудно себе представить каким образом будет принят в Константинополе Вильгельм II нынешнею осенью. К приготовлениям, которые султан делает для достойного приема своего сердечного друга по истине можно применить русскую пословицу: «Для милого дружка и серезку из ушка». Не только строится «наверху» новый дворец, обои которого будут осыпаны драгоценными камнями, но по повелению султана разрушаются старые дома и строятся новые на главной улице Перы, по которой должна будет проехать в Ильдиз-Кiosk германская императорская чета. Не трудно себе представить насколько этот ослепительный блеск и это сказочное великолепие, окружающее германского императора должны будут еще более возвышать его в глазах всего турецкого народа, который сперва из страха, а потом из привычки, станет поклоняться перед представителями германской политики и цивилизации в Турции. Император Вильгельм II отлично знает, что в особенности на Востоке престиж и действительное влияние совершенно пропорциональны внешнему блеску и представительству. В странах «Сказок тысячи и одной ночи» мерилом ума и могущества являются внешний блеск и великолепие.

Когда подъезжаешь морем к Константинополю, то нельзя не заметить на горе Топхане — громадное казарменной архитектуры здание, на четырех углах которого красуются четыре орла с расправленными крыльями, готовыми, кажется, броситься на всякого приближающегося к этому зданию. Это германское посольство, занимающее наиболее возвышенное местоположение в сравнении с другими посольствами, которые приютились внизу в грязных улицах Перы.

Возле германского посольства находится мизерный деревянный домик, который очевидно охраняется германским посольством от всех ветров и, в особенности, от северных — из Черного моря²³. Этот домик — казенная квартира турецкого министра иностранных дел! В нем живет, в настоящее время, Тевфик-паша. Султан купил недавно этот домик у бывшего итальянского посла барона Блан²⁴ для своего министра иностранных дел, который таким образом приютился под крыльями герман-

* Стража на Рейне (нем.).

ских орлов, и будучи вызываем султаном в Ильдиз-Киоск, всегда может до и после аудиенции навещать совершенно незаметным образом своего покровителя — соседа.

III.

Вышеизложенные впечатления, вынесенные мною из кратковременного пребывания в Константинополе, основаны не на личных чувствах симпатии или антипатии, но на наблюдениях и личных беседах с выдающимися представителями турецкой интеллигенции. Если эти впечатления и наблюдения бесслуживают внимания, то на основании их можно сделать следующие выводы.

Во-первых, относительно правительственной системы султана Абдул-Гамида нельзя не заключить, что пока она будет господствовать над Турцией не может быть и речи о каких-либо реформах в этой стране. Пока весь правительственный режим Турции будет покоиться на неограниченном произволе, возмущающих душу коварных убийствах и страшном шпионстве, совершенно безрассудно говорить о каком-либо преобразовании в центральной или местной администрации этого несчастного государства.

В виду такого положения вещей все рассуждения и проекты о реформах в Турции представляют совершенно лишнюю тратую времени. Великая европейская Держава, уважающая свое достоинство, не может участвовать в дипломатических переговорах о введении в современной Турции каких-либо реформ. Только после смерти или исчезновения султана Абдул-Гамида вопрос о турецких реформах может быть поставлен серьезным образом.

При таких обстоятельствах возникает вопрос: можно ли ожидать улучшения нынешних порядков от наследников Абдул-Гамида? Едва ли. Наследником престола считается младший брат султана — Решад-эффенди, который содержится во дворце Долмабачче под строжайшим надзором, т. е. в одиночном тюремном заключении. Никого, кроме дам своего гарема и евнухов, он не видит и ни с кем он разговаривать не смеет под страхом смертной казни для каждого нарушителя султанского повеления. По слухам Решад-эффенди человек ничтожный, но добрый. Тюремное же заключение едва ли может считаться удачною системою воспитания и образования для наследника престола. По мнению некоторых Турок нынешняя династия султанов совершенно выродилась и, по их мнению, ее место должен занять новый царствующий род.

Ближайшими законными претендентами на султанский престол являются так называемые шерифы, которые считаются прямыми потомками пророка Магомета. Их набирается в настоящее время около 15 человек. Некоторые из них живут в Мекке. В Константинополе живет в полном уединении, но на свободе, шериф Абдул-Эффенди, который пользуется репутациею очень умного человека. Не будет ли Абдул-Эффенди когда-нибудь на султанском престоле?

Обращаюсь ко второму фактору современной политической жизни Турции — к господству Германии — нельзя не придти к заключению, что это влияние не ограничивается приготовлениями к сказочному приему Германского Императора или торжественными обедами в честь германского посла. Нет, оно весьма осязательным образом обнаруживается во внутренних делах Турции и в дипломатических с нею переговорах. Отношение Германии к Критскому вопросу постоянно служило мерилom для определения султаном своей политики в отношении требований великих Держав. Наиболее поразительным доказательством германского влияния в Турции является поступательное развитие германской колонизации в пределах турецких областей. В настоящее время уже образовалось несколько сот германских колоний в Палестине и в Сирии, которые основаны германскими подданными на пожалованных им султаном землях. На основании секретного соглашения между Германией и Турцией эти колонии сами управляют своими внутренними делами. В настоящее время учреждаются новые германские колонии в Малой Азии, на таких же льготных условиях. Если такое мирное завоевание Турции со стороны Германии будет продолжаться беспрепятственным образом, то не трудно представить радикальную перемену обстоятельств на берегах Босфора. Может наступить время, когда в укреплениях на Дарданеллах и Босфоре окажутся не турецкие, но германские солдаты! Тогда песнь «Die Wacht am Rhein» превратится в гимн «Die Wacht am Bosphorus»^{*} Тогда Германия может оказаться — делителем! Во всяком случае, с точки зрения жизненных интересов России, не может подлежать сомнению крайняя необходимость зорко следить за поступательным мирным завоеванием Турции Германиею и положить ему во время непреодолимый предел.

* Стража на Босфоре (нем.).

Личное

Вальдензе, близ Вольмара,
9го июля 1898 г.

Милостивый Государь Граф Владимир Николаевич.

Вчера имел честь получить письмо Вашего Сиятельства от 6го июля, которым Вам угодно было уведомить меня о сообщении моих «Заметок о современной Турции» на Высочайшее воззрение.

Принося Вашему Сиятельству мою глубочайшую благодарность за исполнение моей покорнейшей просьбы, я не могу скрыть от Вас, что меня глубоко огорчили слова Вашего Сиятельства, будто бы я мог «заподозрить» Вас «в преступном эгоизме». Такой, по истине, ужасной мысли никогда у меня не было и быть не могло. Постоянно высказываемым мне Вашим Сиятельством доверием и расположением Вы связали меня на всегда узами самой глубочайшей благодарности и самой покорнейшей Вам преданности. Моя покорнейшая просьба, обращенная непосредственно к Его Сиятельству Г. Министру, сообщить мои «Заметки» Государю Императору, была вызвана единственно тем обстоятельством, что о поручении Его Величества составить записку о турецких реформах я имел случай докладывать лично Его Сиятельству и от него я имел разрешение повременить исполнением этого поручения. Исключительно желанием быть окончательно освобожденным от исполнения поручения, которое я считаю несообразным с моими силами, было вызвано мое последнее письмо к Его Сиятельству Г. Министру, которому Ваше Сиятельство всегда сообщали мои доложенные Вашему Сиятельству мысли или предложения. Пользуюсь случаем, чтоб выразить за эту высокую честь мне оказываемую мою сердечную благодарность.

С другой стороны, письмо Вашего Сиятельства от 6го числа меня вполне убедило в одном пропуске в моих «Заметках», о котором я, в настоящее время, чрезвычайно сожалею. В моем этюде не достает Postscriptum'a* касательно положения России на берегах Босфора. Чистосердечно каюсь Вашему Сиятельству, что я умышленно избегал в моем маленьком этюде говорить о России и о русской политике. Только в конце его я, в трех строках, указал на опасность, угрожающую России от завоеваний Германии. Причина такого умолчания была следующая: мне казалось настолько неуместным излагать перед Вами мои собственные взгляды на виды и цели Русской политики в отношении Турции, насколько было бы, с моей стороны, крайне предосудительным критиковать действия Императорского Кабинета. Далека была от меня мысль высказывать в этих «Заметках» простого туриста какое либо суждение о современной Русской политике на Востоке.

Наконец, была еще другая серьезнейшая причина, заставившая меня ничего не говорить о положении России на берегах Босфора. Наше отечество занимает в отношении Турции такое неприступное положение, созданное историею, географическим положением и блестящими победами русского оружия и дипломатии в продолжении веков, что мне кажется совершенно немыслимою окончательная победа какой либо иностранной Державы над Россиею, на Босфоре. Указывая на происки Германии, я только желал констатировать факты из жизни современной Турции. Но ни на одну минуту я не поддавался мысли, что эти происки могут когда либо увенчаться успехом, и что Немцы осмелятся сочинить гимн «Die Wacht am Bosphorus!». Такой чудовищной мысли я, правда, никогда не имел. Вот почему, указывая на возвышенное положение дома Германского посольства в Константинополе, я даже не осмелился сравнить его с домом Императорского посольства, который стоит, правда, немного ниже дома Германского посольства, но, по своему живописному положению и своей внутренней отделке и богатству, исключает возможность такого сравнения. Равным образом, наш даровитейший и энергический посол бесспорно может выдержать сравнение со всяким представителем иностранной Державы в Константинополе. Никогда я не сомневался, что И. А. Зиновьеву наверно удастся, в конце концов, победить злую волю султана и все направленные против Императорского Правительства происки. Одержанные им в последнее время блестящие победы вполне подготовили мое глубокое и незыблемое убеждение. Я душевно радуюсь его победам.

Всех этих щекотливых сравнений я намеренно избегал, не усматривая в них ни малейшей надобности в виду исключительного многовекового положения России в Турции, с которым не может быть сравниваемо положение современной Германии.

Беру смелость думать, что Ваше Сиятельство одобрите эту точку зрения. В таком случае имею честь объяснить цель и содержание моих «Заметок» следующим сравнением: мой этюд есть ничто иное как «моментальный» фотографический снимок, сделанный аппаратом, поставленным

* Постскрипtum (лат.).

прямо против дворца Ильдиз-Киоск. Фотограф желал сделать снимок только этого дворца. Но, по месту своего положения, дом Германского посольства должен был войти в поле зрения фотографа. Снимаемая площадь входила в фокус негатива. Мне кажется, что трудно винить фотографа, если, поставив свой аппарат против султанского дворца, он неизбежным образом принужден был снять снимок также с Германского посольства. Таким фотографом был я в моем маленьком этюде о современной Турции. Мой этюд несомненно односторонен и очень многих важных и интересных обстоятельств не касается. Но и всякий фотографический снимок односторонен, ибо передает только то, что входило в фокус негатива. Для того, чтобы дать верную картину данной местности надо сделать несколько видов ее.

Дворец русского посольства в Пера.

Я был бы душевно рад, еслиб когда либо обстоятельства позволили мне представить Вашему Сиятельству еще другие виды с берегов Босфора и делать снимки еще с других султанских дворцов, турецких порядков и посольских домов. Мне было бы очень прискорбно, еслиб Вашему Сиятельству не понравились ни избранный для снимков штандпункт, ни полученный мною снимок. Но смею еще раз уверить Ваше Сиятельство, что я был бы чрезвычайно польщен всегда действовать по Вашим просвещенным указаниям и всегда заслуживать Вашего столь дорого мне доверия и одобрения.

С совершенно спокойной совестью я могу сказать, что при составлении моего этюда я искал только — истины и правды. Я мог ошибиться и мог быть виноватым в пропуске объяснительного Postscriptum'a. Как небо далеко от земли, так далека была от меня мысль умять в чем бы то ни было, историческое и современное положение России на берегах Босфора, стоящее выше всякого сравнения с положением даже Германии или другой великой Державы.

Не менее я был чужд желанию бросить малейшую тень на многотрудную деятельность И. А. Зиновьева, к личности и способностям которого я всегда питал искреннее почитание.

Оканчивая настоящее письмо позвольте мне Ваше Сиятельство выразить надежду, что Вы изволите признать извинительным сделанный мною пропуск в моих «Заметках» и признаете уважительными данные, в настоящем письме, чистосердечные объяснения. Я слишком дорожу добрым расположением Вашего Сиятельства, чтобы не признаться в моем величайшем нетерпении, с которым буду ожидать Вашего доброго, надеюсь, ответа.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и искренней преданности Вашего покорнейшего слуги

Ф. Мартенс

Там же. Л. 30–32. Автограф.

№ 4

Письмо Ф. Мартенса В. Н. Ламздорфу

Доверительно. Вальдензе, близ Вольмара
17го июля 1898 г.

Милостивый Государь Граф Владимир Николаевич.

Письмом от 9го июля я имел честь представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства все соображения, которые, по моему крайнему разумению, могли бы устранить все недоразумения вызванные моими «Заметками о современной Турции». С величайшим нетерпением ждал я успокоительного ответа от Вашего Сиятельства. Но зная, насколько Вы обременены делами, не смею повторить моей просьбы. Однако, не желая, чтоб оставалась у Вашего Сиятельства малейшая тень сомнения насчет мо-

их взглядов на положение вещей в Константинополе, я решился, в приложенной при сем заметке, подробнее изложить соображения, которых я коснулся в письме от 9го июля.

Чрезвычайно буду польщен, если Вы признаете изложенные в моей записке соображения достойными внимания. В одном достоинстве, смею думать, им отказать нельзя — в искренности и преданности пользе России.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и искреннейшей преданности Вашего покорнейшего слуги

Ф. Мартенс

Там же. Л. 33. Автограф.

№ 5

Письмо Ф. Мартенса М. Н. Муравьеву.

Вальдензе, близ Вольмара, 27го июля 1898 г.

Милостивый Государь Граф Михаил Николаевич.

Письмом от 13го июня я имел честь представить Е. С. Графу Владимиру Николаевичу записку под заглавием: «Заметки о современной Турции». Я льщу себя надеждою, что Ваше Сиятельство также удостоили Вашего благосклонного внимания мой маленький труд. Если Ваше Сиятельство признаете изложенные в нем мысли и впечатления насчет современного политического положения Турции согласными с действительным положением вещей, то осмеливаюсь напомнить, что в прошлом году Государю Императору благоудно было мне повелеть написать записку о реформах в Турции. Я очень затруднялся исполнить столь лестное, но и чрезвычайно трудное поручение. Ваше Сиятельство спасли меня из этого трудного положения, разрешив мне повременить исполнением сего Высочайшего повеления. Мое кратковременное пребывание в Константинополе привело меня к незыблемому убеждению, что при нынешнем Султানে не может быть речи о каких либо реформах в Турции. Этот абсолютно отрицательный вывод, к которому я пришел, лишает меня возможности написать какую бы то ни было записку о преобразованиях в современной Турции.

Однако, вышеупомянутое Высочайшее повеление существует и меня угнетает мысль, что я его до сих пор не исполнил. Имея в виду это обстоятельство, я беру смелость обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою довести до сведения Его Величества мою записку, если Вы признаете ее достойною этой высокой чести. Таким образом я освободился бы от угнетающей меня мысли, что был до сих пор ослушником Высочайшей воли и Государь

М. Н. Муравьев.

Император соизволил бы усмотреть почему я не могу исполнить возложенного на меня неисполнимого, хотя и лестного поручения.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем почтении и искреннейшей преданности Вашего покорнейшего слуги

Ф. Мартенс

Доверительно.Россия и Германия в Турции.

В моих «Заметках о современной Турции» я сделал попытку с фотографической точностью передать политическое значение султанского дворца Ильдиз-Киоска и приютившегося в его близости дома Германского посольства. Беспристрастная характеристика нынешних турецких порядков привела к заключению, что устоями современной Турции являются, с одной стороны, неограниченный и кровавый деспотизм султана Абдулл-Гамида, с другой, решительное влияние Германии на дела Турции и «мирное завоевание» Германским народом экономических сил и ресурсов турецких подданных. Такой замечательный для Германии результат основывается не на выдающейся деятельности германских государственных людей, но покоится, прежде всего, на беспредельном расположении султана к Германии, к ее Императору, и к германским военным порядкам.

Если, таким образом, по глубокому убеждению самого султана Абдулл-Гамида, весь фундамент современной Турции зиждется на страхе, поддерживаемом в народе его деспотизмом, и на его личной сердечной преданности Германии, то спрашивается: как должны относиться другие великие Державы к такому положению вещей на берегах Босфора? В особенности России касается этот животрепещущий вопрос. Может ли Россия стоять в Турции ниже Германии? Подвергаются ли русские интересы на берегах проливов и в Малой Азии серьезной опасности со стороны «мирного завоевания» Германией турецких провинций и самого Константинополя, благодаря «Буадаму» в Ильдиз-Киоске? Наконец, если эта опасность существует, то какими средствами можно ее предупредить или парализовать ее вредные последствия?

Всех этих вопросов не коснулся я в моих «Заметках», имеющих исключительную целью рельефно выставить только одну сторону медали. Теперь я обращусь к обратной ее стороне.

Положение России в Турции стоит так незыблемо высоко, что нет ни малейшего основания серьезно опасаться окончательного торжества Германии в случае наступления рокового кризиса в Оттоманской Империи. Географическое положение России, незыблемые основы ее многовековой блестящей политики, заложенные в сердца христианских подданных Падишаха, и, наконец, блистательные победы, одержанные в самое последнее время над злою волею султана и над проискамии его иностранных советников, — все это обеспечивает за Россию непоколебимую уверенность в свою силу и в свое право. Но иметь в виду и считаться с вышеупомянутыми устоями современной Турции Россия обязана для лучшего обеспечения своего блестящего торжества.

I.

Первым устоем современного политического положения Турции является кровавый деспотизм султана Абдулл-Гамида и связанная с ним система шпионства. России чрезвычайно трудно бороться против этой правительственной системы, ибо в таком случае требовалось-бы постоянное вмешательство во внутренние дела Турции. Однако опыт показывает, что Императорское Правительство вовсе не относится равнодушно к тем вопиющим злодеяниям, которые совершались в недавнее время против турецких христиан и, в частности, против армян²⁵. Великодушное заступничество России было на высоте ее исторического призвания и согласно с лучшими традициями русской политики на Востоке. Мне кажется, что Россия не может отречься от своей исторической роли защитницы угнетаемых турецким правительством христиан. Вся политическая задача заключается лишь в том, чтобы эта защита не была основана на чувствах благодарности покровительствуемых народов, но на уважении к обязательным интересам России.

В этом отношении русская политика в Турции построена на таком незыблемом фундаменте, с которым не могут сравниться основы восточной политики Германии или любой другой великой Державы. Со времен султана Солимана II²⁶ турецкие султаны сознавали, что наиболее опасный враг Оттоманов на Босфоре — Россия, потому, что в самых недрах турецкого государства русский православный народ имеет своих естественных и постоянных союзников. Этого мало: сам турецкий мусульманский народ боится и, в тоже время, уважает Русских. Он привык говорить: «Москов наш враг, но и наш друг!»

Вот народные чувства, с которыми должен считаться Абдулл-Гамид. Вот чрезвычайно благодарная почва для серьезного противодействия увлечениям султана дружбой Германии и ее Императора. На этой почве кровавому деспотизму султана Абдулл-Гамида уже был положен предел великодуш-

ным заступничеством Императорского Правительства. Нет сомнения, что и в будущем эти благородные традиции русской политики будут служить ей путеводной звездой.

Однако, пока султан Абдулл-Гамид будет находиться на престоле правоверных калифов нельзя ожидать от него ни честного исполнения принятых в отношении России обязательств, ни добросовестного отношения к законным требованиям Императорского Правительства.

С этой точки зрения интересы России совершенно сходятся с интересами и сердечными желаниями лучших людей турецкого народа: те и другие могут только желать прекращения султанского деспотизма, шпионства и доносов. Само собою разумеется, что чувство собственного достоинства запрещает России принимать какое либо участие в могущем возникнуть в Турции государственном перевороте, хотя последний и положил бы навсегда конец проискам Германии. Но, с другой стороны, желательно предусмотреть возможность такого переворота, и, на всякий случай, обратить внимание на того из шерифов, который может иметь шансы на занятие султанского престола. Таковым является шериф Абдулл-Эффенди, находящийся в Константинополе.

Я не сомневаюсь, что нынешний даровитейший Императорский посол в Константинополе сумеет также в этом случае подготовить почву в смысле обеспечения в будущем, со стороны вновь воцарившегося султана, большей преданности России и меньшей покорности в отношении Германии.

II.

Обращаясь теперь к рассмотрению второго устоя современной Турции, я должен, прежде всего, напомнить, что современное огромное влияние Германии в совете султана Абдулл-Гаида есть неминуемое последствие двух исторических событий: погрома Франции в 1870 году²⁷ и Берлинского конгресса 1878 года²⁸. Война 1870 года показала полную слабость Франции, когда-то игравшей блестящую роль на Востоке и обнаружила невиданное могущество Германии. Берлинский Конгресс послужил крепким цементом для завязавшихся между Германскою Империею и Турциею дружеских отношений. Личная дружба между Императором Вильгельмом II и султаном Абдулл-Гамидом крепчайшим образом завязала сеть политических и экономических интересов, которыми современная Германия систематическим образом опутывает несчастный турецкий народ.

Таким образом современное решительное влияние Германии в Турции выработывалось постепенно, в продолжении, по меньшей мере последних двух десятков лет. Это тяжелое наследство перешло к императорскому Правительству и к его нынешнему, недавно назначенному представителю при Порте.

Однако серьезным образом бороться против все развивающейся эксплуатации Турции Германиею требуется настоятельною необходимостью. Средства такой борьбы должны быть двойкие: политические и экономические.

К первым относятся: неуклонное противодействие России всем шахматным ходам Германии в Константинополе, имеющим целью еще более закрепить влияние ее на турецкое правительство. Не смотря на систематическое потворство Германского правительства упрямству и самодурству султана, Императорское Правительство неизменно пойдет вперед по избранному пути. Так оно поступило в Критском вопросе: отзывание германского флота из Критских вод значительно облегчило действия четырех великих Держав на Крите²⁹

Если Германия влияет на Турцию посредством дружеских рукоплесканий подвигам «Буадама» на попрание систематического избиения своих подданных — христиан, то Россия должна влиять на нее поддержанием в султанине непобедимого страха перед ее могуществом и перед ее престижем в глазах всего турецкого народа, для которого могущественная Германия всегда останется — далекою Державою, и престиж ее постоянно подрывается торгашеством и промышленною эксплуатациею Турок Германцами. В глазах мусульманского народа никогда не стоит высоко человек коммерческий или промышленник. Лучшее тому доказательство: Англия. Эта Держава всеми силами старалась играть роль защитницы неприкосновенности и прав Турции. Но никогда Турки не питали к Англичанам ни чувства полезного страха, ни чувства искреннего уважения. Весьма вероятно, что Германцы пожнут те же самые плоды, если они не остановятся в своей бесцеремонной эксплуатации экономических сил турецкого народа.

С точки зрения политической нельзя упускать из виду того огромного впечатления, которое производит на умы восточных народов внешний блеск и роскошь. Император Вильгельм это отлично понимает: он страстно желает окружить себя таинственным ореолом Лоэнгрин не только в трезвой и скучной Германии, но в особенности в странах сказок «Тысячи и одной ночи». Этою страстью отчасти объясняются приготовления к предстоящей его поездке в Иерусалим, Египет и Константинополь³⁰

Вид на Святую Софию.

Смею думать, что не излишне было бы парализовать, насколько возможно, впечатление, которое произведет путешествие Германского Императора. Может быть в будущем году поездка члена Императорского Дома на Восток, обставленная подобающим блеском и великолепием, могла бы сгладить впечатление, произведенное Вильгельмом II...

Гораздо труднее России бороться против мирного завоевания Германии в области экономических интересов. Предприимчивость Германцев и их громадные финансовые и технические ресурсы делают тут противодействие весьма трудным. Однако мне думается, что приемы весьма удачной борьбы, в области торгово-промышленных оборотов, которые Императорское Правительство применяет в последнее время на Дальнем Востоке³¹ могли бы находить также применение в Турции.

Как в Китае, так и в Турции Россия может энергичным образом противодействовать выдаче султаном германским подданным концессий на постройку железных дорог. Например, германская компания владеющая Анатолийской железною дорогою давно добивается права продолжать ее до Багдада. В Германии надеются, что Императору Вильгельму II во время предстоящего пребывания в Ильдиз-Киоске удастся получить эту концессию от султана, в виде подарка дорожному гостю и другу³². Весьма желательно, чтобы этот подарок остался в портфеле султана³³. Имеется очень простое средство достигнуть этой цели: Императорское Правительство могло бы предъявить султану требование на выдачу концессии русской компании на постройку железной дороги от Трапезунда до Багдада и Басры. Трудно исчислить те огромные политические и экономические выгоды, которые получила бы Россия приобретением в свои руки этого знаменитого многовекового караванного пути. Не только была бы значительно парализована германская эксплуатация Малой Азии, но Россия приобрела бы одним шахматным ходом крепчайший базис для своих политических стремлений как в Турции, так и в Персии. Смею думать, что русская железная дорога от Трапезунда, через Багдад, на Басру близ Персидского залива, никак не меньше имела бы значение для будущности России на Востоке, нежели строящаяся Маньчжурская дорога на Дальнем Востоке³⁴.

Если вышеупомянутые соображения основательны, то нетрудно сделать окончательный вывод относительно положения России и Германии в современной Турции. Велико влияние Германии на внутренние дела и международную политику Турции. Но это влияние почти исключительно основывается на одной личности султана Абдулл-Гамида, любовь которого к Германии и к Императору Вильгельму II беспредельна. Когда сойдет со сцены эта личность, влиянию Германии будет нанесен роковой удар.

Совершенно на иных основаниях покоятся влияние и престиж России: ближайшее соседство, неисчерпаемое военное могущество, прошедшее и настоящее русской политики и — *last but not least** — естественное тяготение турецких христиан к русскому народу — вот незыблемые основы неприступного положения России на Востоке вообще, а в Турции в особенности. Этим основ не могут поколебать ни чувства личной дружбы или вражды какого-нибудь царствующего турецкого султана, ни хитрые происки какой либо великой Державы. Вот почему пламенное желание Германцев переделять свою песнь: «Die Wacht am Rhein» в новую песнь: «Die Wacht am Bosphorus» останется на

* Последнее по порядку, но не по значению (*англ.*)

вечные времена причудливою фантазиею и сладкою мечтою. Вот почему дом Германского посольства в Константинополе, занимая, по местности, возвышенное положение, может приковывать к себе взоры туристов, но, ни по своей казенной архитектуре, ни по внутренней отделке, он не выдерживает ни малейшего сравнения с домом Императорского Посольства, который построен на скале и уже выдержал много бурь и невзгод. Если же на Ильдиз-Киоск обрушится ураган, то неизбежным образом должен пострадать дом Германского посольства. Русское же посольство останется неприкосновенным и неприступным в самом сердце Константинополя.

Такой ураган неудержимым образом снесет Ильдиз-Киоск, если султан не уважит предъявленных ему именем России требований. Эта истина начертана неизгладимыми штрихами в летописях истории Оттоманской Империи. Эту истину глубоко сознает султан Абдулл-Гамид.

Когда Государю Императору благоугодно было после погрома греческих войск при Лариссе³⁵, Своєю вечнопамятною телеграммою султану спасти несчастную Грецию от неминуемой смерти, потребовав от него немедленного прекращения военных действий³⁶, Абдулл-Гамиду осталось только одно — покориться воле Самодержца Всероссийского. Султан знал, что его непокорность может стоить ему престола, а Турции неисчислимых жертв. Такие исторические телеграммы, останавливающие как по мановению волшебного жезла победоносные турецкие армии, может посылать только Русский Царь!..

Июль 1898 г.

Ф. Мартенс

Там же. Л. 35–41. Писарская копия. Подпись — автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Гольц, Кольмар фон дер (1843–1916) — немецкий генерал, возглавлявший германскую военную миссию в Турции в 1885–1895 гг., помощник начальника генерального штаба турецкой армии.
- 2 Николай II Романов (1868–1918) — российский император (1894–1917), сын Александра III.
- 3 Мартенс Федор Федорович (1845–1909) — русский юрист-международник, профессор международного права С.-Петербургского университета, неперемный член Совета российского МИД, делегат от России на 1-й и 2-й конференциях мира. По поручению руководства МИД и по собственной инициативе неоднократно составлял записки по актуальным политическим вопросам.
- 4 Абдул Гамид II (1842–1918) — турецкий султан династии Османов в 1876–1909 гг.
- 5 Пешков Николай Николаевич (1857–?) — полковник Генерального штаба, русский военный агент в Константинополе в 1886–1900 гг.
- 6 Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900) — граф, русский дипломат, посланник в Копенгагене в 1893–1897 гг., министр иностранных дел в 1897–1900 гг.
- 7 Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) — граф, русский дипломат, директор Канцелярии МИД в 1880–1897 гг., товарищ министра в 1897–1900 гг., министр иностранных дел в 1900–1906 гг., член Государственного совета.
- 8 Англо-венесуэльский конфликт 1886–1899 гг. из-за границы между Венесуэлой и Британской Гвианой.

- ной. В 1886 г. Венесуэла разорвала дипломатические отношения с Англией и обратилась с просьбой о посредничестве к США. В 1895 г. Англия отказалась от разрешения конфликта с помощью арбитража, но, оказавшись в изоляции, согласилась на эту меру. В феврале 1897 г. в Вашингтоне был заключен англо-венесуэльский договор для определения границы на основе решений третейского суда. Мартенс был одним из членов комиссии третейского суда.
- В октябре 1897 г. был избран суперарбитром по англо-венесуэльскому делу.
- 9 Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) — русский дипломат, директор Азиатского департамента МИД в 1884–1890 гг., посланник в Стокгольме в 1891–1897 гг., посол в Константинополе в 1897–1909 гг.
  - 10 Дервиш — бедняк, нищий.
  - 11 Высокая (Блистательная) Порты — общее название правительственных учреждений в Османской империи.
  - 12 Великий Везир (садрасам) — глава османского аппарата управления, после 1836 г. председатель Совета Министров.
  - 13 Али-паша, Мехмед Эмин (1815–1871) — турецкий государственный деятель, с 1852 по 1871 гг. пять раз был Великим Везиром и семь раз возглавлял Министерство иностранных дел. Был во главе турецкой делегации на Парижском конгрессе 1856 г. и Лондонской конференции 1871 г.
  - 14 Фуад-паша (1815–1869) — турецкий дипломат и государственный деятель; в 1848 г. был в С.-Петербурге со специальной миссией; делегат Турции на Парижском конгрессе 1856 г., Великий Везир в 1860–1861 гг., затем военный министр.
  - 15 Монтескье Шарль Луи (1689–1755) — граф, французский просветитель, правовед, философ, писатель, социолог, историк.
  - 16 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг.
  - 17 Осман Нури-паша (1832–1900) — турецкий маршал, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал войсками под Плевной, военный министр в 1878–1885 гг.
  - 18 Эджем-паша — начальник турецкого генерального штаба, главнокомандующий турецкими войсками во время греко-турецкой войны 1897 г.
  - 19 Кампховенер-паша — капитан германской армии, один из четырех немецких офицеров генерального штаба, прибывший в Турцию в мае 1882 г. в составе первой военной миссии во главе с полковником Кёлером.
  - 20 Пера — квартал Константинополя, где располагались здания посольств европейских держав.
  - 21 И. А. Зиновьев был назначен послом в Константинополь в декабре 1897 г.
  - 22 Маршал фон Биберштейн, Адольф Герман (1842–1912) — германский дипломат, статс-секретарь ведомства иностранных дел в 1890–1897 гг., посол в Константинополе в 1897–1912 гг. Назначение такого крупного деятеля послом в турецкую столицу имело важное значение, которое придавали в Берлине отношениям с Турцией.
  - 23 Под «северными ветрами» Мартенс подразумевает политическое влияние России в Константинополе.
  - 24 Блан Альберто, барон (1835–1904) — итальянский дипломат, посол в Турции в 1887–1891 гг., министр иностранных дел в 1893–1896 гг.
  - 25 Решениями Берлинского конгресса 1878 г. Блистательная Порты обязывалась незамедлительно провести улучшения и реформы в областях, населенных армянами, под наблюдением европейских держав. Султанское правительство не выполнило постановлений конгресса, а с 90-х годов перешло к политике геноцида армянского населения империи. Национально-освободительное движение в турецкой Армении в 1890–1893 гг. было жестоко подавлено. Осенью 1894 г. в Сасуне, Муше, ряде других городов и их окрестностях было зарезано около 10 тысяч армян. Зверства турок вызвали возмущение мировой общественности. Несмотря на протесты европейских держав и попытки понудить Порту провести реформы насилия турок продолжались: в результате армянских погромов 1894–1896 гг. в Турции погибло до 300 тысяч армян. Германия в ходе армянских событий подчеркнуто проводила политику невмешательства. Россия с начала армянских волнений добивалась от турецкого правительства гарантии безопасности армян, проведения реформ административного управления в областях, населенных армянами, но в то же время старалась не подрывать авторитета султана.
  - 26 Сулейман II — турецкий султан династии Османов в 1687–1691 гг.
  - 27 Речь идет о франко-прусской войне 1870–1871 гг. Война между Францией и Пруссией, выступавшей в союзе с некоторыми другими германскими государствами, из-за гегемонии в континентальной Европе завершилась разгромом Франции и созданием единой мощной Германской империи, к которой перешло лидерство в решении дел.
  - 28 Берлинский конгресс 1878 г. проходил с 1 (13) июня по 1 (13) июля. Созван по инициативе Австро-Венгрии и Англии для решения спорных вопросов, возникших из-за результатов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., выгодных для России и государств на Балканах, и пересмотра условий прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией.
  - 29 Национально-освободительное движение христианских народов Османской империи, начавшееся с выступлений армян, стало детонатором волнений и в европейских владениях Турции. На острове Крит оно вылилось в вооруженное восстание в январе 1897 г. В Греции началось движение в поддержку повстанцев, в феврале небольшой греческий отряд высадился на острове. Великие державы потребовали от Греции отозвать войска, от Турции — предоставить Криту автономию, но заявили о том, что не допустят присоединения острова к Греции. В критские воды державы направили военные корабли, на северном побережье острова был высажен

- англо-русско-французский десант. Разногласия между державами усилили кризис; в апреле Турция объявила Греции войну. После заключения перемирия в сентябре 1897 г. Германия и Австро-Венгрия встали на сторону Турции. В ноябре 1897 г. они вышли из «европейского концерна». К совместным действиям Англии, Франции и России присоединилась Италия.
- 30 Речь идет о поездке императора Вильгельма II на Ближний Восток в октябре 1898 г. под предлогом посещения «святой земли» Палестины. 6 (18) октября Вильгельм II прибыл в Константинополь, где пробыл несколько дней, затем посетил Иерусалим и Дамаск, где произнес речь, в которой назвал себя другом султана и 300 миллионов мусульман. Из Дамаска через Бейрут кайзер вернулся в Германию.
- 31 Мартенс имеет в виду учреждение Русско-Китайского банка, предоставление через него цинскому правительству займов, получение от него концессии на строительство и эксплуатацию железной дороги через Маньчжурию.
- 32 Султан щедро одарил своего гостя. По свидетельству французского посла в Константинополе П. Камбона, кайзер увез с собой «бесчисленное множество подарков»; он «опустошил целую фабрику ковров, прикарманил для императрицы ожерелье из старых бриллиантов ценностью в 500–600 тысяч франков и в обмен оставил хозяину сувенир в виде двух маленьких бронзовых бюстов своего деда и бабки и бронзовую статуэтку арабской лошади — все вместе ценностью в 700–800 франков».
- 33 Во время визита в Константинополь кайзера сопровождали статс-секретарь по иностранным делам Б. фон Бюлов и директор «Дейче банка» Г. фон Сименс. Переговоры с Абдул Гамидом вели по отдельности Вильгельм II и Сименс. Обсуждались вопросы помощи германских вооруженных сил и промышленности в реорганизации и перевооружении турецкой армии; была получена концессия на строительство порта в Хайдарпаше и прокладку телеграфной линии между Констанцей и Константинополем. Но самым главным результатом переговоров стало решение султана о предоставлении «Дейче банку» концессии на продление Анатолийской железной дороги до Багдада.
- 34 Речь идет о строительстве Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), которая строилась с 1897 г.
- 35 Превосходящая по численности и техническому оснащению турецкая армия, обученная германскими инструкторами, нанесла греческим войскам ряд тяжелых поражений. Война началась 6 (18) апреля 1897 г., всего через неделю турецкие войска овладели городом Лариса; 6 (18) мая война закончилась поражением Греции.
- 36 Мартенс имеет в виду личную телеграмму Николая II Абдул Гамиду от 6 (18) мая 1897 г., в которой царь, ссылаясь на отношения «искренней дружбы и добрососедства», взывал к возвышенным чувствам султана и просил «увенчать добытые его доблестными армиями в героической борьбе успехи не менее славными свидетельствами умеренности и великодушия» — остановить наступательные действия войск в Греции и принять посредничество великих держав в восстановлении мира. Николай II подчеркнул, что этим актом султан окажет «лично ему услугу, память о которой будет сохранена».

Публикация доктора исторических наук **Ирины РЫБАЧЕНОК**

«Цель моей жизни — окончательно устроит Обитель Милосердия»

ДУХОВНАЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ

Великая княгиня Елизавета Федоровна родилась 20 октября (1 ноября по н. ст.) 1864 г. Она была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и принцессы Алисы и по матери приходилась внучкой английской королеве Виктории.

По словам современников, Елизавета была необычайно красива. Ее подлинное очарование не смогли отразить ни портреты, ни фотографии. Очевидно, причиной этого была не столько нефотогеничность Елизаветы, сколько утрата в этих изображениях присущей ей гармонии внешней и внутренней красоты. 3 июня 1884 г. принцесса становится женой великого князя Сергея Александровича¹. Новобрачные венчались в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце сначала по православному обряду в Придворном соборе, а затем по лютеранскому — в Александровском зале у специально устроенного алтаря²

Для великой княгини переход из протестантизма в православие не был обязательным. Однако в 1891 г. Елизавета принимает вероисповедание нового Отечества. Оставив прежнее имя, она избирает небесной покровительницей святую Елизавету, мать св. Иоанна Крестителя³

Елизавета Федоровна и ее родная сестра Алиса, последняя российская императрица Александра Федоровна, отличались глубокой религиозностью, унаследованной ими от матери, поэтому решиться на переход в иную веру Елизавета могла, лишь повинаясь глубокой убежденности в правильности этого шага⁴.

Великая княгиня Елизавета Федоровна.
Дармштадт. 1903 г.

Французский посол в России Морис Палеолог писал: «Все задатки мечтательности и чувствительности, веры и нежности нашли себе вдруг применение в таинственных обрядах и великолепной пышности православия... Она познала тогда такую душевную полноту и такие порывы, о которых раньше не подозревала»⁵ Именно религия, а также дела милосердия и благотворительности, которым Елизавета Федоровна всегда уделяла большое внимание, стали тем главным, в чем она нашла смысл жизни и утешение после трагической гибели мужа⁶. Лишь очень узкому кругу лиц было известно, что в этот период к ду-

шевной боли Елизаветы Федоровны добавилась и физическая. Стала прогрессировать болезнь (фибромиома), которая причиняла ей невыносимые страдания. 8 января 1908 г. великая княгиня перенесла тяжелую операцию, закончившуюся благополучно⁷

Вскоре Елизавета Федоровна полностью отходит от светского образа жизни и посвящает свои силы устройству в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия, которая начала свою деятельность 10 февраля 1909 г.⁸ С 1910 г. Елизавета — настоятельница этого созданного ею и на ее средства уникального учреждения, где служение богу сочеталось с работой по уходу за пациентами больницы обители и посещениями бедных и больных в их жилищах, оказанием им медицинской, моральной и материальной помощи. Кроме того, при Марфо-Мариинской обители существовали также приют для девочек, воскресная школа для женщин-работниц, библиотека, столовая для бедных, квартиры для бедных студенток и работниц, дом-больница для чахоточных женщин, аптека. Среди жителей Москвы пользовались популярностью воскресные беседы в обители — в соборе Покрова Пресвятой Богородицы. Дальнейшее воплощение замысла Елизаветы по возвращению духовного содержания благотворительности, служения делу просвещения, а также нравственного и физического развития народа было прервано революционными событиями 1917 г.

Утверждаю.
Николай
25-го апреля 1914 г.
Ливадия¹⁰.

Духовное завещание

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Тысяча девятьсот четырнадцатого года февраля двадцатого дня Я, нижеподписавшаяся, находясь в здравом уме и твердой памяти, объявляю, на случай Моей смерти следующую Мою волю:

1. С принадлежащими Мне лично вещами Я желаю, чтоб было поступлено так: 1) Мои Сестры Принцесса Виктория Баттенбергская и Принцесса Ирина Прусская, а также мой брат Великий Герцог Гессенский Эрнст Людвиг¹¹ могут оставить себе, что пожелают из всех Моих вещей. Остальные вещи должны быть проданы и деньги пойти в общее распределение капитала. 2) Вещи Мои, находящиеся в Сергиевском Дворце в Петербурге¹², в селе Ильинском¹³ и селе Усове¹⁴ Московской губернии Звенигородского уезда, Я передала Моему Племяннику Великому Князю Димитрию Павловичу¹⁵. 3) Мои иконы, находящиеся в Петропавловской церкви Николаевского Дворца в Москве и в коридоре второго этажа и на лестнице между этим Дворцом и Чудовым монастырем¹⁶ — прошу оставить навсегда на этих местах. 4) Столовое белье, серебро, хрусталь и также фарфоровые сервизы с Вензелями Великого Князя Сергея Александровича, сверх того, что уже Мною передано Великому Князю Димитрию Павловичу, прошу отдать Ему. 5) Вещи Моего дворцового имущества, как-то: белье без вензелей, предметы ливрейной и конюшенной должностей и экипажи прошу Моих Душеприказчиков продать и деньги причислить к капиталу. 6) Все Мои не ценные вещи, как-то: картинки, фотографии, рамки, мелкие вещи и т. п., прошу Моих Душеприказчиков роздать Моим близким знакомым или сжечь. 7) Всю Мою переписку разобрать прошу состоящих при Мне: Гофмейстеру Корнилову и в д[олжности] Егермейстеру Зурову

Твердо придерживаясь избранного ею пути, Елизавета Федоровна отказалась воспользоваться предложенной ей помощью для того, чтобы покинуть Россию. В апреле 1918 г., на третий день Пасхи, она была арестована чекистами и выслана в Сибирь. В ночь на 18 июля Елизавета Федоровна вместе с другими узниками была сброшена в шахту близ г. Алапаевска⁹. Тела погибших были извлечены из Нижней Селимской шахты в октябре 1918 г. при расследовании убийства членов императорской фамилии представителями армии Колчака, занявшей Урал. Не суждено было сбыться желанию Елизаветы Федоровны быть захороненной в Марфо-Мариинской обители. После длительного путешествия ее останки с 1921 г. покоятся в Иерусалиме у храма св. Марии Магдалины.

В Российском государственном историческом архиве хранятся завещания Елизаветы Федоровны, составленные ею 16 мая 1911 г. (РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 135. Л. 1а—5) и 14 февраля 1914 г. (Л. 1а—6). Их отличия заключаются в основном в увеличении капиталов, предназначенных на обеспечение будущего существования Марфо-Мариинской обители милосердия, и упрощении церемониала ее собственных похорон.

Публикуемое завещание 1914 г. написано рукой Аркадия Петровича Корнилова, заведующего Двором великой княгини Елизаветы Федоровны, подписано ею и утверждено Николаем II.

В публикации сохранены особенности стиля и правописания.

и Свиты Его Величества Генерал-Майору Гадону¹⁷ Переписку с духовными лицами прошу передать в Мою Обитель и прошу духовника обители ее просмотреть и исключить все слишком интимные места, касающиеся Меня и разных лиц; остальное разрешаю Обители издать через несколько лет — для духовного руководства. Переписку с Родственниками Моими и другими лицами прошу отдать Моему Брату и Старшей Сестре за исключением писем, касающихся событий в России, хранение коих за границей будет признано нежелательным; такие письма передать на усмотрение Государя Императора.

II. На седьмое декабря тысяча девятьсот тринадцатого года по книгам Конторы Моего Двора¹⁸ числилось в капиталах и недвижимом имуществе нижеследующее: А) Капиталы, состоявшие из процентных бумаг на номинальную сумму: в залоге в Главном Управлении Уделов¹⁹ по ссуде — двести пятьдесят тысяч рублей; из них внесены в ноябре 1913 года в Главное Управление Уделами, для получения ссуды, сто тридцать пять тысяч восемьсот рублей, а остальные сто четырнадцать тысяч двести рублей хранятся постоянно в Главном Управлении Уделами, как «дар Государя Императора ко дню Моей свадьбы в 1884 году» — Я имею право этот последний капитал, после погашения ссуды, завещать согласно письма и. д.* Начальника Главного Управления Уделами к Графу Менгдену от 29 Мая 1907 года за № 9662; затем в Московской Конторе Государственного Банка двадцать пять тысяч семьсот двадцать пять рублей и в Гвардейском Экономическом Обществе восемьсот шестьдесят рублей. Б) Земли две тысячи девятьсот шестьдесят четыре и две сотых квадратных сажени с Церковью Мною построенной²⁰, часовнями, со всеми жилыми домами и прочими хозяйственными постройками, а также с садом — находящейся в Москве, Якиманской части, по Большой Ордынке под №№ купленной Мною 24 Мая 1907 года у Потомственного Почетного Гражданина Владимира Дмитриевича Бабурина. В) Земли около семисот пятидесяти шести квадратных сажен с жилым домом, хозяйственной постройкой и садом, находящейся в Москве, Якиманской части, первого участка по Денежному переулку под № 290 325, купленной Мною у крестьян Василия и Пелагеи Хвостовых 29 Ноября 1908 года. Г) Земли пятьсот квадратных сажен, находящейся в Москве, Якиманской части, первого участка по Денежному переулку, купленной Мною у Потомственного Почетного Гражданина Николая Дружинина седьмого Июня 1913 года. Д) Земли в Московской губернии, Волоколамского уезда, при селъце Власов — шесть десятин пятьсот пятьдесят три квадратных сажень с жилыми и нежилыми постройками и мебелью, принесенной Мне в дар вдовой Действительного Статского Советника Екатериной Николаевной Самариной 19 Ноября 1910 года и проданной Мною жене Статского Советника Анне Степановне Вериге за шестнадцать тысяч рублей; в обеспечение этой продажи Я получила задатка две тысячи рублей, в чем выдана задаточная росписка 2 Декабря 1913 года. Все вышеозначенные капиталы и недвижимые имущества завещаю следующим образом: капиталы**, в зависимости от их наличности ко дню Моей смерти, в указываемой ниже последовательности: а) имея сердечное желание обеспечить содержание церкви-усыпальницы, Мною построенной в нижнем этаже Московского Кафедрального Чудова Монастыря, где погребен в Бозе почивший Мой Супруг Великий Князь Сергей Александрович, Я завещаю капитал в двадцать пять тысяч рублей процентными бумагами по выбору Моих душеприказчиков, который прошу передать на вечные времена Московскому Дворцовому Управлению согласно Высочайше одобренного положения 2 Ноября 1912 года о содержании Усыпальницы в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича — храма во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. На негасимую лампаду у памятника — Креста в Кремле г. Москвы у Никольских ворот²¹ бывший Московский Митрополит Владимир пожертвовал капитал в триста рублей, хранящийся в Конторе Моего Двора, который должен быть передан Московскому Дворцовому Управлению. В устройстве храма-усыпальницы прошу ничего не менять и не прибавлять. б) Для выдачи единовременных по-

Великая княгиня Елизавета Федоровна — настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве. После 1910 г.

* Исполняющий дела. — *Ред.*

Здесь и далее подчеркнуто автором завещания. — *Ред.*

му Дворцовому Управлению. В устройстве храма-усыпальницы прошу ничего не менять и не прибавлять. б) Для выдачи единовременных по-

собий Моим низшим служащим и прислуге, не выслужившим пенсий, назначаю капитал в процентных бумагах, который, при продаже, составил бы тридцать тысяч (30.000 р.) рублей наличными деньгами; распределение этой суммы, в зависимости от числа лет службы, поручаю совещанию под председательством Управляющего Моим Двором в составе Управляющего Конторою Двора и Моего Секретаря, заведывающего прошениями. в) Назначаю Моей племяннице Принцессе Алисе Греческой или ее детям (а в случае смерти их — Ее мужу) тридцать тысяч рублей процентными бумагами по номинальной стоимости по выбору Моих душеприказчиков. г) Учрежденной Мною Марфо-Мариинской Обители Милосердия в Москве завещаю в полную собственность весь остаток процентных бумаг и наличных денег, указанные выше четыре недвижимых имущества со всем движимым имуществом, находящимся в них, и закладную на шестьдесят одну тысячу восемьсот рублей на недвижимое имение, состоящее в Киевской губернии в черте города Бердичева, принадлежащее Гофмейстеру Двора Его Императорского Величества Аркадию Петровичу Корнилову, утвержденную и. д. Старшего Нотариуса Киевского Окружного Суда 10 Декабря 1913 года по реестру за № 11184.

III. Все оставшиеся ко дню Моей кончины наличные деньги и процентные бумаги в Конторе Моего Двора прошу употребить следующим образом: а) уплатить все неоплаченные счета и расчеты, жалованье и прочее следуемое по день Моей смерти. б) Весь, затем, остаток прошу присоединить к капиталу (§ II). в) Прошу хранящиеся в настоящее время в Конторе Двора Моего процентные бумаги и наличные деньги Мне не принадлежащие, как-то: залоги и прочее, передать немедленно по принадлежности.

IV. Все чины Моего Двора, Конторы и вся прислуга, служившие при Дворе Великого Князя Сергея Александровича, продолжавшие и продолжающие службу у Меня после 4 Февраля 1905 года — обеспечены Мною пенсиями согласно «Положения о пенсиях», Мною утвержденного 12 Августа 1906 года* и 7 Марта 1909 года. Пенсии эти выдаются из особого капитала на сей предмет с Высочайшего соизволения отложенного. Согласно сего «Положения о пенсиях», в случае упразднения Конторы Моего Двора все суммы этого капитала прошу хранить в Государственном банке и передать в заведывание одного из уполномоченных Министерством Императорского Двора управление капиталом и выдачу пенсий согласно указанного выше «Положения».

V. Мое недвижимое имущество в Москве и часть Моего капитала образовались следующим образом: а) Я продала Мои личные драгоценные вещи (кроме тех, кои я уже роздала родным в России и за границей), за которые Я получила до 290324 рубля; сверх того Я продала через брата Моего и Лично вещей на сумму более тридцати тысяч рублей и б) Согласно Высочайшего разрешения, изложенного в письме Министра Императорского Двора от 28 Мая 1905 года за № 4344 — Я вложила капитал, полученный от продажи имения Веры Николаевны Родзянко Полтавской губернии близ города Хорола, завещанного ею Моему покойному Мужу на дела благотворения. Ввиду того, что Моя Марфо-Мариинская Обитель предназначена исключительно для благотворения, Я употребила эти деньги на Мою Обитель; этот капитал числился по книгам Конторы Моего Двора на 27 Июля 1907 года в сумме 125059 р. 96 к. На вышеозначенные (а и б) деньги Я купила три имущества (§ II) в Москве за 368 000 рублей, построила Церковь и помещения и оставляю еще капитал.

VI. По Указу Святейшего Синода Марфо-Мариинская Обитель Милосердия вполне принята Церковью, а потому не может быть речи о ее закрытии. В случае недостатка средств, Обитель должна употребить все усилия, чтобы изыскать новые средства на поддержание учреждений Обители. Если пожертвования не будут поступать в достаточном количестве, то Обитель должна, по возможности, сократить размеры своих учреждений и расход на содержание их, соразмеряя с доходами Обители. Во всяком случае, Я ставлю в неперемное условие Обители: а) содержать Церковь Обители с причтом, б) содержать скит при Обители, если таковой Мною будет при жизни устроен, в) содержать пожизненно: Настоятеля Церкви Обители Отца Митрофана Сребрянского, его жену, дьякона Церкви Обители Михаила Сытника и сестер Обители, главным образом тех, которые останутся в Обители ко дню Моей кончины.

VII. Целью Моей жизни окончательно устроить Обитель Милосердия и скит при ней, а затем собственными деньгами накапливать капитал, чтобы содержать Мою Обитель на тот случай, если добровольные пожертвования не будут для сего достаточны.

VIII. Все капиталы, суммы и вещи, до сего переданные и могущие быть и впредь переданными Мною или Конторою Моего Двора при жизни Моей в Марфо-Мариинскую Обитель Милосердия, должны оставаться в пользу этой Обители. Всякое движимое и недвижимое имущество, а также процентные бумаги и деньги, которые могут быть пожертвованы или завещаны на Мое Имя — оставляю после Моей смерти в пользу Моей Марфо-Мариинской Обители Милосердия в Москве.

IX. Желая что-либо сделать для города Москвы, Я устроила, с Божьей помощью, Мою Обитель Милосердия с утвержденном Святейшим Синодом уставом и чином посвящения.

* С окончательными к оному дополнениями и изменениями, утвержденными Мною 29 мая 1908 г. — Прим. автора завещания.

*Елизавета Федоровна с сестрой Варварой.
Иконописное изображение.*

X. Прошу Меня похоронить в склепе под ныне построенной Мною церковью во Имя Покрова Пресвятой Богородицы в Моем владении на Большой Ордынке в Москве при Моей Обители Милосердия на месте, указанном Мною для настоятельниц Обители, опутив Мой гроб в самый низ, в землю. Прошу похоронить меня в белой одежде Настоятельницы Обители; в случае, если Я буду пострижена и жить в скиту и там умру, то похоронить меня все-таки в Моей Обители в Москве на указанном выше месте, но в монашеской одежде. Прежде чем хоронить меня, прошу вполне удостовериться в действительности наступившей смерти (ввиду могущей быть летаргии). После Моей кончины прошу Меня не бальзамировать, а только заморозить и положить в простой деревянный гроб. Омовение тела прошу поручить сестрам Моей Марфо-Мариинской Обители Милосердия. После помещения в гроб прошу Лицо Мое, если возможно, иметь закрытым простой густой кисеей. В случае, если умру за границей или вне Москвы, прошу положить в гроб, закрыть его совсем, перевезти в Москву и похоронить (не открывая гроба) там, где Мною выше сего указано. Отпевание совершить там, где Я скончаюсь. Прошу Моих Душеприказчиков предупредить всех, что Я очень прошу не возлагать венков на Мой гроб и на Мою могилу; лучше, если предназначенные на покупку венков деньги будут пожертвованы в Мою Обитель Милосердия. Если, все-таки, венки окажутся, прошу металлические роздать в приюты, а серебряные обратить в слитки, из коих сделать ризы на образа, церковные сосуды с надписями лиц и учреждений, возложивших эти венки, и передать их в церковь Моей Обители или в скит при Моей Обители.

XI. Для исполнения настоящего Моего духовного завещания прошу быть Моими душеприказчиками Моего Брата и Мою Старшую Сестру, которых прошу пригласить к Себе в помощь одного или двух из состоящих или состоявших при Мне на службе близких лиц по их усмотрению.

XII. В конторе Моего Двора будет храниться копия с сего Моего духовного завещания. При этой копии будут находиться разные бумаги, имеющие отношение к сему Моему духовному завещанию.

XIII. Драгоценные вещи, принадлежавшие в Бозе почившей Императрице Марии Александровне и бывшие у Великого Князя Сергея Александровича, возвращены Мною, как *fidei — commis**, Великим Князьям Алексею и Павлу Александровичам²². Согласно письму Великого Князя Сергея Александровича к Великому Князю Павлу Александровичу, принятому с Высочайшего разрешения, за духовное завещание²³ — Великая Княжна Мария Павловна (ныне Принцесса Шведская) получит после

* Доверенное лицо (*фр.*)

Моей смерти капитал в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича, хранящийся ныне в Главном Управлении Уделами и в Московской Конторе Государственного банка, а сверх того Я уже выдала Ей на постройку дворца в Стокгольме 275.000 рублей процентными бумагами из пожизненного капитала. В Бозе почивший Великий Князь Сергей Александрович выражал желание, чтобы Великий Князь Дмитрий Павлович и Великая Княжна Мария Павловна получили от Него состояние по возможности поровну. Согласно Его желанию и с одобрения Государя Императора, Великий Князь Дмитрий Павлович имеет получить после Моей кончины в собственность Сергиевский Дворец с его движимым имуществом, служебный дом при нем (в Петербурге) и Ильинско-Соколоваровскую-Луцкую дачу (в Московской губернии при с. Ильинское). Сергиевский Дворец Я передала ему в пользование с 6 сентября 1911 года, а Ильинско-Соколоваровскую-Луцкую дачу в 1908 году одновременно с имением «Село Ильинское».

XIV. Для руководства Марфо-Мариинской Обители Милосердия Я оставлю особое наставление, копия с коего будет храниться в запечатанном конверте в Конторе Моего Двора.

XV. Прошу Его Императорское Величество поручить Министерству Императорского Двора озаботиться устройством служебного помещения Моих служащих при Дворе и Конторе и прислуги и, по возможности, устроить их на места.

XVI. Этим Моим духовным завещанием все Мои прежние духовные завещания уничтожаются.

В сем духовном завещании написано десять страниц и пятнадцать строк. В сем завещании исправлено: на 5 странице 19 строке надписано: по номинальной цене, на 8 странице 8 строке сверху приписано «р», а на 28 строке приписано «в». Со слов Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны писал и. о. Заведывающего Ее Двором Гофмейстер Высочайшего Двора Аркадий Петрович Корнилов.

Елисавета

Вера Ивановна Иванова²⁴.

В д[олжности] Егермейстера Двора Его Императорского Величества состоящий при Великой Княгине Елисавете Федоровне Александр Александрович Зуров.

В зв[ании] Камер-Юнкера Двора Его Императорского Величества Василий Евгеньевич Пигарев.

Скреплено завещание надписью: В д[олжности] Егермейстера Двора Его Императорского Величества состоящий при Великой Княгине Елисавете Федоровне Александр Александрович Зуров.

На конверте, в который было вложено завещание, надпись: «Духовное завещание Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Хранить до востребования. Министр Императорского Двора, Генерал-Адъютант Граф Фредерикс. 29 июня 1914 г.». На обороте конверта — сургучная печать.

РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 136. Л. 1а–6. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, сын Александра II, дядя Николая II.
- 2 РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 41. Л. 28–61.
- 3 Прежней покровительницей великой княгини была св. Елисавета Тюрингская, числящаяся среди ее предков по женской линии.
- 4 Более подробно об этом — в письмах самой Елизаветы Федоровны (Источник. 1994. № 4).
- 5 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: 1991. С. 117–118.
- 6 Великий князь Сергей Александрович был убит террористом, эсером Иваном Каляевым 4 (17 по н. ст.) февраля 1905 г. Елисавета Федоровна оказалась на месте покушения почти сразу же после трагедии и помогала собирать останки мужа. Известно, что она посетила Каляева в тюрьме и, несмотря на его отказ раскаяться, просила Николая II о помиловании преступника.
- 7 РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (195/2683). Д. 3. Л. 2–3. Отчет почетного лейб-медика, профессора С. Боткина и академика Рейна.
- 8 Имена евангельских сестер Марфы и Марии в названии обители символизируют два жизненных пути — духовное служение и деятельное милосердие. Обитель была закрыта в 1926 г.
- 9 В Алапаевске погибли также великий князь Сергей Михайлович и его секретарь Федор Михайлович Ремез; сыновья великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. — Иоанн, Константин и Игорь; сын великого князя Павла Александровича

- от второго брака князь Владимир Полей, а также крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева.
- 10 Автограф. Согласно российским законам, завещания представителей императорской фамилии считались действительными только после утверждения их императором.
  - 11 В семье Людвига IV было семеро детей: Виктория (р. 1863 г.), Елизавета (р. 1864 г.), Ирена (р. 1866 г.), Эрнст Людвиг (р. 1868 г.), Фридрих (р. 1870 г.), Алиса (р. 1872 г.) и Мария (р. 1874 г.). Фридрих и Мария умерли в детском возрасте.
  - 12 Дворец в Санкт-Петербурге на Невском проспекте, д. 41 (в литературе обычно называется дворец Белосельских-Белозерских), принадлежал Сергею Александровичу с 1884 г.
  - 13 Село Ильинское — имение Сергея Александровича, полученное им в наследство от матери, императрицы Марии Александровны.
  - 14 В Усове находилась зимняя усадьба Сергея Александровича.
  - 15 Дмитрий Павлович (1891–1942) — великий князь, сын великого князя Павла Александровича. Дмитрий Павлович и его сестра Мария Павловна воспитывались Сергеем Александровичем и Елизаветой Федоровной после того, как Николай II выслал их отца из России в связи с мorganатическим браком с разведенной О. В. фон Пистолькорс.
  - 16 Сергей Александрович и его жена жили в Николаевском дворце в Кремле. Чудов монастырь в Московском Кремле, основанный в 1365 г., был полностью разрушен в конце 20-х гг.
  - 17 Корнилов Аркадий Петрович — гофмейстер, управляющий двором е. и. в. Елизаветы Федоровны, бывший директор Бердичевского отдела Общества попечения о тюрьмах, участник сербской войны, кавалер российских и иностранных орденов.
  - Зуров Александр Александрович — егермейстер, управляющий Конторой двора е. и. в. Елизаветы Федоровны.
Правильно: Годон Владимир Сергеевич — генерал-майор.
  - 18 Документы Конторы двора е. и. в. Елизаветы Федоровны после 1917 г. почти полностью утрачены. Фонд конторы (РГИА. Ф. 554) состоит из 20 единиц хранения за 1877–1913 гг., включающих документы, связанные с бракосочетанием Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны, деятельностью православного Палестинского общества, 17 учебных тетрадей Елизаветы Федоровны по русскому и французскому языкам (1884–1887), поздравительную корреспонденцию и несколько писем за 1883–1905 гг.
  - 19 Главное управление уделов Министерства императорского двора ведало управлением недвижимым имуществом, выделенным на содержание членов императорской фамилии.
  - 20 Соборный храм Покрова Пресвятой Богородицы был заложен 22 мая 1908 г., построен по проекту архитектора А. В. Щусева и расписан художником М. В. Нестеровым.
  - 21 Памятник-крест (проект художника Васнецова) был воздвигнут на месте гибели Сергея Александровича; снесен в первые годы советской власти.
  - 22 Алексей и Павел Александровичи — родные братья Сергея Александровича, сыновья Александра II.
  - 23 Подлинник этого письма хранится в РГИА (Ф. 468. Оп. 46. Д. 142. Л. 2–4).
  - 24 После подписи Елизаветы Федоровны идут подписи заверителей завещания. Сведений о В. И. Ивановой обнаружить не удалось.

Публикация кандидата исторических наук **Галины СОМИНИЧ**
С.-Петербург

«В настоящее время много более важных задач, чем сбор исторических материалов...»

Публикуемые ниже документы раскрывают одну из страниц истории нашего отечества. Без прошлого нет будущего. Эту истину знают многие, но ежедневно делают все, чтобы ее опровергнуть. Документы о создании Государственного музея авиации, воздухоплавания и космонавтики раскрывают противоречия между находящимися у власти и живущими си-

юминутным и теми, кто отошел от суеты и задумался о сути бытия. Непонимание того, что настоящее существует только как миг, а все остальное — или прошлое, или проекты на будущее — всегда ведет к потере исторической памяти. К сожалению, того музея, о котором говорится ниже, до сих пор в нашей стране нет.

ЦК КПСС

Представляем на рассмотрение письмо авиационных деятелей и ученых о создании Государственного музея авиации, воздухоплавания и космонавтики.

Одновременно докладываем, что лучшим местом дислокации будущего музея явился бы Центральный аэродром, расположенный почти в центре города Москвы и являющийся историческим местом зарождения авиации в нашей стране. Поскольку на этом аэродроме имеется необходимое количество нужных для музея служебных, учебных, ангарных и других подсобных помещений, то переоборудование его под музей не вызвало бы больших затрат средств и времени.

Приложение

Справки о музеях.

Проект Положения о Государственном музее авиации, воздухоплавания и космонавтики*.

Постановление Секретариата Центрального Комитета ДОСААФ СССР.

• Не публикуется.

Инициативная группа по созданию музея:
генерал-лейтенант авиации в отставке Т. Куцевалов¹,
генерал-полковник авиации в запасе Н. Шиманов²,
генерал-полковник авиации в запасе И. Соколов³.

2 августа 1960 г.

ЦХСД, Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 52.

Самолет Пе-2.

**Постановление
Секретариата Центрального Комитета Добровольного общества
содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР)**

протокол № 30 пункт VII от 20 июля 1960 года

Информация тов. Куцевалова Т. Ф. о предложении инициативной группы по организации Центрального музея авиации.

Секретариат Центрального Комитета ДОСААФ СССР одобрительно относится к предложению инициативной группы по организации Всесоюзного музея авиации и выражает свою готовность оказывать поддержку в его организации.

п.п. Председатель ЦК ДОСААФ СССР
Верно (подпись и печать)

Лелюшенко⁴.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 53.

Справка № 1

В настоящее время в СССР существуют следующие авиационно-музейные учреждения:

— Центральный Дом авиации им. М. В. Фрунзе. Дом авиации открыт в 1927 году в бывшем 2-этажном здании ресторана, с общей экспозиционной площадью около 1500 кв. метров. В 1959 году в этом же здании по распоряжению ЦК ДОСААФ дополнительно размещен Учебно-методический центр противовоздушной обороны, который занял половину площади, около 800 кв. метров. Таким образом, Дом авиации организовать полноценный показ славной истории и сегодняшних достижений советской авиации и космонавтики возможности не имеет. Из-за крайней недостаточности помещения и малочисленности штата научных работников (2 человека) Дому авиации пришлось передать другим учреждениям экспонаты, имеющие большую историческую ценность, как-то: первый советский цельнометаллический самолет АНТ-2⁵, дарственный самолет Ферапонта Головатого⁶ Як-3⁷, гондолу стратостат ОАХ-1⁸ и т. д. Дому авиации негде развернуть художественные и производственные мастерские, фотолaborаторию, нет комнаты ожидания для посетителей. Имеющийся уникальный библиотечный фонд с отечественной периодикой, начиная с 1880 г. и до наших дней в количестве до 10 000 томов книжных изданий, размещен плохо.

— Музей-выставка Военно-Воздушных Сил при Краснознаменной Военно-Воздушной академии на ст[анции] Монино Сев[ерной] ж. д. организована в 1960 году, является учреждением закрытого типа и вследствие большой удаленности от города Москвы и неудобного транспорта не может рассчитывать на широкую посещаемость, даже в условиях разрешения свободного доступа.

— Музей Н. Е. Жуковского размещен в небольшом флигеле при Центральном Аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ). Существует с 1958 г., является общедоступным музеем. Экспозиции показывают только научно-техническое творчество Н. Е. Жуковского⁹, как это принято для мемориальных музеев.

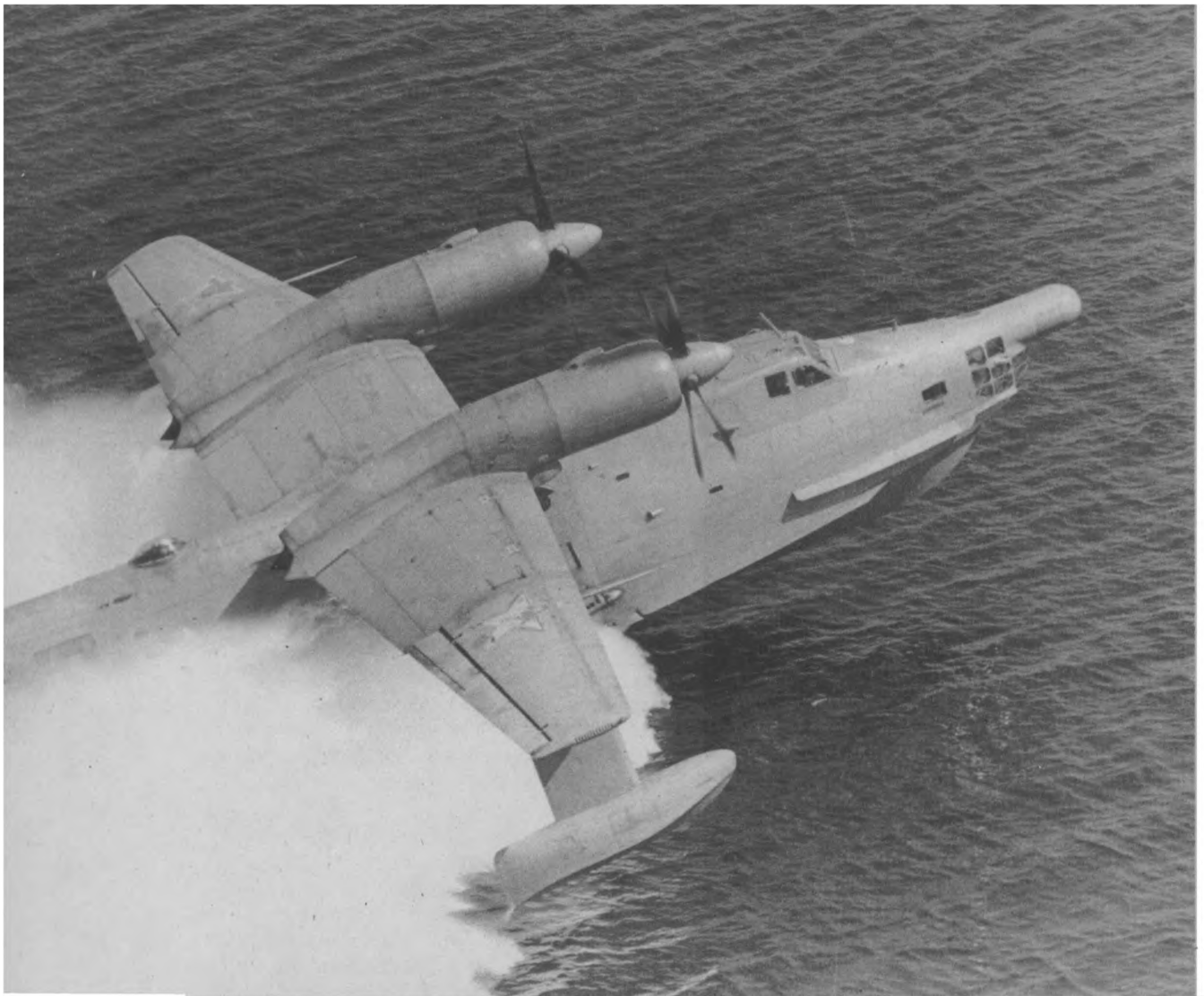
— Некоторые генеральные конструкторы по своей личной инициативе также имеют выставки показа своей авиационной техники, но эти выставки могут демонстрироваться только узкому кругу зрителей. Так, например, генеральный конструктор А. С. Яковлев¹⁰ экспонирует у себя в служебном помещении более 100 экземпляров прекрасных моделей летательных аппаратов, которые он лично сконструировал и построил в серийных и опытных образцах.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 54–55.

Справка № 2

О зарубежных авиационных музеях

— В США (штат Огайо, гор. Дайтон). Авиационный музей занимает аэродром 1-го класса, где имеются ряд зданий и обширная территория авиабазы с ангарами и подсобными сооружениями;

Старт самолета противолодочной авиации.

кроме того, в гор. Сан-Франциско есть небольшой музей русской авиации, организованный сербом Томичем.

— Во Франции в Париже (Шеле-Медон). Величина зданий национального музея авиации позволила разместить в нем десятки натуральных исторических самолетов и частей дирижаблей, а также многие сотни моделей летательных аппаратов и авиадвигателей. В частности, в парижском музее экспонирован макет в натуральную величину кабины советского стратостата «ОАХ-1», самолет Як-3 полка «Нормандия-Неман» и другие экспонаты по истории нашей отечественной авиации.

— В Италии в Казерте. Под авиационный музей предоставлено помещение бывшего Королевского дворца, где еще в 1929 г. открыт авиационный музей.

— В Германии до второй мировой войны существовал в центральной части Берлина большой музей авиации. Во время войны этот музей был разрушен и сожжен. Однако в 1960 г. правительство ГДР поставило вопрос о восстановлении германского авиационного музея, и организаторы его прибывали в СССР — в Центральный Дом авиации, для детального знакомства с основами его работы и содержанием экспозиций.

— Сохранился авиационный музей в гор. Мюнхене (ФРГ). Один из его стендов посвящен полету рязанского подьячего Крякутного¹¹ на тепловом аэростате в 1731 году.

Кроме того, ряд западно-капиталистических стран (Бельгия, Греция, Испания) также имеют учреждения музейного типа и ряд выставок, где пропагандируется развитие авиационной техники и ее приоритета в этих странах.

**В Центральный Комитет
Коммунистической партии Советского Союза**

Советская авиация имеет богатую и славную историю. Наша Родина является колыбелью первых аэро-статов и самолетов, теории и практики строительства, боевого применения авиации и ракетной техники.

Но в нашей стране нет государственного музея, где можно было бы на образцах авиационной техники, исторических документах, реликвиях и других экспонатах проследить богатейшую историю авиации, воздухоплавания и ракетной техники Советского Союза. В настоящее время в Москве имеется небольшой Дом авиации (ДОСААФ), который ни в какой степени не может выполнять функции Государственного музея.

В 1958 г. при Краснознаменной воздушной академии под Москвой в Монино был создан Авиационный музей-выставка. Но этот гарнизон является закрытого-типа, удален от гор[ода] Москвы на 46 км, поэтому эта выставка не может быть достоянием широких народных масс. Ее посещают слушатели академии и незначительная часть жильцов академического гарнизона.

Отсутствие в нашей стране единого Государственного музея не позволяет сосредоточить в одном месте еще сохранившееся в авиационных учреждениях, конструкторских бюро, учебных заведениях и у отдельных лиц значительное количество ценнейших, неповторимых экспонатов всех видов авиатехники и документов; часть этих исторических реликвий приходит в ветхость, а многое и пропадает.

Создание единого Государственного музея авиации, воздухоплавания и ракетной техники позволило бы собрать в одном месте все образцы еще сохранившихся самолетов и другой авиационной техники, состоявшей на вооружении русской и советской авиации, сконцентрировать документальные материалы по истории авиации и объединить многочисленную научную авиационную общественность для разработки трудов по истории авиации, воздухоплавания и ракетной техники. Создание единого государственного музея положит конец кустарничеству и будет способствовать значительному усилению пропаганды авиационно-технических знаний среди трудящихся и упрочению наших позиций за рубежом в борьбе с реакционными буржуазными историками в области авиации, которые проявляют большую активность в фальсификации истории и в оспаривании нашего приоритета по многим авиационным изобретениям. Одной из важнейших задач музея будет также являться пропаганда достижений советской науки в развитии ракетной техники и завоевании межпланетных пространств.

Такой музей мог бы успешно и правдиво показывать развитие авиационной, реактивной и ракетной техники в нашей стране и являлся бы национальной гордостью советского народа.

А. Туполев¹²
А. Яковлев
С. Ильюшин¹³
А. Архангельский¹⁴
А. Микоян¹⁵
М. Миль¹⁶
В. Пышнов¹⁷
А. Голованов¹⁸
М. Громов¹⁹
Ф. Астахов²⁰
А. Маресьев²¹
Ф. Агальцов²²
Т. Куцевалов
Н. Шиманов
И. Соколов

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 57—58. Машинопись. Автографы.

Секретно*
Экз. № 1

ЦК КПСС

Государственный комитет СМ СССР по авиационной технике, ознакомившись с предложением конструкторов авиационной промышленности, маршалов и генералов ВВС и ДОСААФ об организации Государственного музея авиации, считает его правильным и целесообразным.

На бланке председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по авиационной технике № Ка-9/3448с от 28 сентября 1960 года.

В настоящее время в Москве имеется большой Дом авиации (ДОСААФ), в Монино (Московская область) при воздушной академии авиационный музей-выставка закрытого типа,

мемориальный музей Н. Е. Жуковского при ЦАГИ, показывающий, главным образом, научно-техническое творчество Н. Е. Жуковского.

Создание Государственного музея авиации позволило бы собрать в одном месте все образцы сохранившихся самолетов и другой авиационной техники, состоящей на вооружении отечественной авиации, сконцентрировать материалы по истории авиации и объединить научную авиационную общественность для разработки трудов по истории авиации.

Кроме того, музей будет способствовать усилению пропаганды авиационно-технических знаний среди советской общественности.

Прошу рассмотреть это предложение, и в случае положительного решения этого вопроса Государственный комитет по авиационной технике подготовит проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров по этому вопросу.

П. Дементьев²³

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 67. Машинопись. Автограф.

Секретно

ЦК КПСС

Группа авиационных конструкторов, генералов и маршалов ВВС вносит предложение об организации Государственного музея авиации, воздухоплавания и космонавтики. Госкомитет по авиационной технике и ЦК ДОСААФ поддерживают это предложение.

В настоящее время в нашей стране имеются следующие авиационно-музейные учреждения:

- Центральный дом авиации ДОСААФ в Москве с экспозиционной площадью 1500 кв. метров;
- Авиационный музей-выставка закрытого типа при Военно-Воздушной академии ВВС на станции Монино под Москвой;
- Мемориальный музей Н. Е. Жуковского при ЦАГИ Госкомитета по авиационной технике, показывающий, главным образом, научно-техническое творчество Н. Е. Жуковского.

По мнению авторов, в этих учреждениях, в связи с их узким назначением, недостаточностью помещений и штатного персонала, нельзя сосредоточить сохранившиеся образцы авиационной техники как исторические экспонаты, сконцентрировать документальные материалы по истории авиации и организовать их широкий показ. Поэтому они считают необходимым создать в ведении Государственного комитета по авиационной технике единый Государственный музей авиации, воздухоплавания и космонавтики.

По ориентировочным данным, на строительство помещений и создание музея потребуется около 20 млн. рублей, кроме того, затраты на содержание и деятельность музея ежегодно будут составлять 2,5 млн. рублей.

Учитывая, что организация Музея авиации, сбор и экспонирование в нем исторических реликвий при современных темпах развития науки и техники не смогут оказать реальной помощи в деле дальнейшего развития и создания новых образцов авиационной и ракетной техники, а демонстрация современных достижений в этой области в музее открытого типа будет крайне затруднена по соображениям секретности, и считая также, что у Госкомитета по авиационной технике в настоящее время много более важных задач, чем сбор исторических материалов, предложение о создании Музея авиации не поддерживаем.

Просим согласия сообщить об этом авторам предложения.

Заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС

16 ноября 1960 г.

И. Сербин²⁴

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 39. Д. 160. Л. 68. Машинопись. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Куцевалов Тимофей Федорович (1904–1975) — генерал-лейтенант авиации (1941), Герой Советского Союза (1939).

2 Шиманов Николай Сергеевич (1901–1972) — генерал-полковник авиации (1944).

3 Соколов Иван Михайлович (1900–1982) — генерал-полковник авиации (1944).

4 Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901–1987) — генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза (1940, 1945). В 1960–1964 гг. председатель ЦК ДОСААФ.

- 5 АНТ-2 — цельнометаллический пассажирский самолет конструкции А. Н. Туполева. Первый полет совершил 26 мая 1924 г. Имел двигатель воздушного охлаждения «Бристоль-Люцифер» мощностью 100 л. с.
- 6 Головатый Феропонт Петрович (1890–1951) — Герой Социалистического Труда (1947), один из инициаторов всенародного движения по сбору средств в Фонд Красной Армии в годы войны, колхозник. В декабре 1942 г. и мае 1944 г. внес по 100 тысяч рублей на постройку двух истребителей, на которых сражался Герой Советского Союза гвардии майор Еремин Б. Н.
- 7 Як-3 — истребитель конструкции А. С. Яковлева. Имел дальность полета 900 км, максимальную скорость 660 км/ч.
- 8 Стратостат ОАХ-1 (Осоавиахим-1) был построен в 1933 г. 30 января 1934 г. потерпел катастрофу, все члены экипажа погибли. Подробнее см.: Источник. 1997. № 2. С. 89–108.
- 9 Жуковский Николай Егорович (1847–1921) — русский ученый в области механики, основоположник современной гидроаэродинамики, член-корреспондент Петербургской АН (1894).
- 10 Яковлев Александр Сергеевич (1906–1989) — генерал-полковник-инженер (1946), генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957), академик АН СССР (1976).
- 11 Подробнее см.: Корзинкин П. Воздушный шар Крякутного//Вестник воздушного флота. 1949. № 11. С. 24–30.
- 12 Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) — генерал-полковник-инженер (1967), генеральный конструктор, трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972), академик АН СССР (1953).
- 13 Ильюшин Сергей Владимирович (1894–1977) — генерал-полковник-инженер (1967), генеральный конструктор, трижды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974), академик АН СССР (1968).
- 14 Архангельский Александр Александрович (1892–1978) — первый заместитель генерального конструктора, Герой Социалистического Труда (1947), доктор технических наук (1940).
- 15 Микоян Артем Иванович (1905–1970) — генерал-полковник инженерно-технической службы (1967), генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1957), академик АН СССР (1968).
- 16 Миль Михаил Леонтьевич (1909–1970) — главный конструктор вертолетов, Герой Социалистического Труда (1966), доктор технических наук.
- 17 Пышнов Владимир Сергеевич (1901–1984) — генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1946), профессор, доктор технических наук.
- 18 Голованов Александр Евгеньевич (1904–1975) — главный маршал авиации (1944), председатель группы ВВС секции бывших фронтовиков Советского комитета ветеранов войны.
- 19 Громов Михаил Михайлович (1899–1985) — генерал-полковник авиации (1944), Герой Советского Союза (1944), профессор.
- 20 Астахов Федор Алексеевич (1892–1966) — маршал авиации (1944).
- 21 Маресьев Алексей Петрович (р. 1916) — Герой Советского Союза (1943), майор (1944). В 1956–1983 гг. ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны.
- 22 Агальцов Филипп Александрович (1900–1980) — маршал авиации (1962), Герой Советского Союза (1978). В 1958–1962 гг. заместитель Главнокомандующего ВВС.
- 23 Дементьев Петр Васильевич (1907–1977) — генерал-полковник-инженер (1967), дважды Герой Социалистического Труда (1941, 1977). В 1957–1963 гг. председатель Государственного комитета по авиационной технике.
- 24 Сербин Иван Дмитриевич (1910–1981) — в 1958–1981 гг. заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС.

Публикация
Владимира ИВКИНА

«В память о нашей беседе»

Марк Касвинов при подготовке к публикации повести «23 ступени вниз» собрал весьма большой литературный и документальный материал о гибели монархии в России.

Ему удалось встретиться и беседовать с видным государственным деятелем России Василием Витальевичем Шульгиным.

Шульгин не только был лично знаком с царем многие годы, но и общался с ним, как говорится, в «минуты роковые». 2 марта 1917 г. члены Государственной думы IV созыва Шульгин и Александр Иванович Гучков приняли в Могилеве отречение царя от престола. Черновой текст отречения был составлен Шульгиным, а затем передан Николаю II. После редакции царь его подписал.

Василий Витальевич был активным политическим и государственным деятелем — издателем черносотенной газеты «Киевлянин», членом Государственной думы II, III и IV созывов, где он возглавлял группу националистов.

После Октябрьской революции Шульгин эмигрировал в Европу и многие годы жил в Югославии. Там в 30-е гг. он отошел от политической жизни. Во время освобождения Югославии Красной Армией в 1944 г. Шульгин был арестован вместе с женой и переправлен в Москву. Его судили и приговорили за «многолетнюю активную антисоветскую деятельность» к 25-летнему заключению.

В 1956 г. Шульгин по указанию Н. С. Хрущева был освобожден и перевезен во Владимир, где ему была предоставлена однокомнатная квартира. В ней вместе с Василием Витальевичем находились две женщины. Одна жила на кухне, ухаживала за ним, обеспечивала быт — покупала продукты, варила пищу, убирала комнату; другая приходила на некоторое время после работы — она оберегала Шульгина от «нежелательных» посетителей, вела учет всех, с кем он общался.

В. В. Шульгин формально был свободен: получал пенсию — 120 рублей и даже в 1958 г. участвовал в съемке исторической киноленты «Перед судом истории», где блистательно сыграл самого себя — монархиста, бескомпромиссно преданного государю. Царя Николая II В. Шульгин неизменно почтительно называл «Государь».

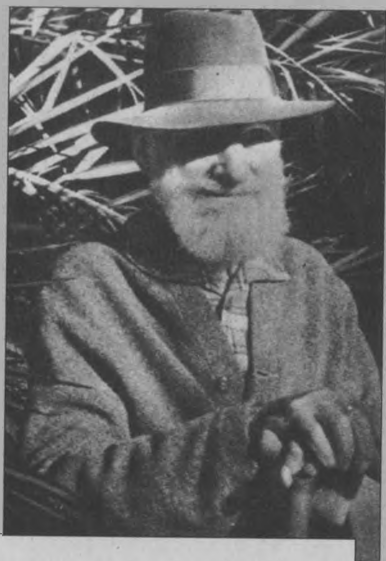
Шульгин благоговейно относился к государю и его семье. В июле 1968 г. он обратился к руководству города Владимира с просьбой разрешить ему организовать молебен в церкви в связи с 50-летием гибели царской семьи. Ему в этом было отказано: «У себя дома можете поминать, а в церкви нельзя».

Марк Касвинов посетил Шульгина во Владимире, когда ему уже исполнилось 95 лет. Несмотря на столь преклонный возраст Василий Витальевич сохранял ясное мышление, хорошую память и даже звучный молодой голос. Однако передвигался уже с большим трудом, а писать почти не мог. После этого он посещал его дважды.

Неоднократно Касвинов обсуждал с Шульгиным острую проблему рационального обустройства Русского государства. И всякий раз Василий Витальевич настойчиво и неизменно утверждал: «монархия, православие и народность» являются основой благоустройства России — великой мировой державы. После чего шутливо замечал, что история СССР подтверждает эту истину, так как монархия была олицетворена Лениным и Сталиным, а православие — марксизмом-ленинизмом, что, разумеется, к добру русский народ не привело.

Касвинов высоко оценил Шульгина как одного из самых значительных, духовно богатых людей, с которыми ему приходилось когда-либо встречаться.

Предлагаем вниманию читателей фотографии из архива М. Касвинова, подаренные ему В. В. Шульгиным.

*В. Шцльгин.
1 сентября 1972 г.
г. Владимир.*

*Марку Константиновичу
Касвинову
на добрую память.
В. Шцльгин. 1974 г.*

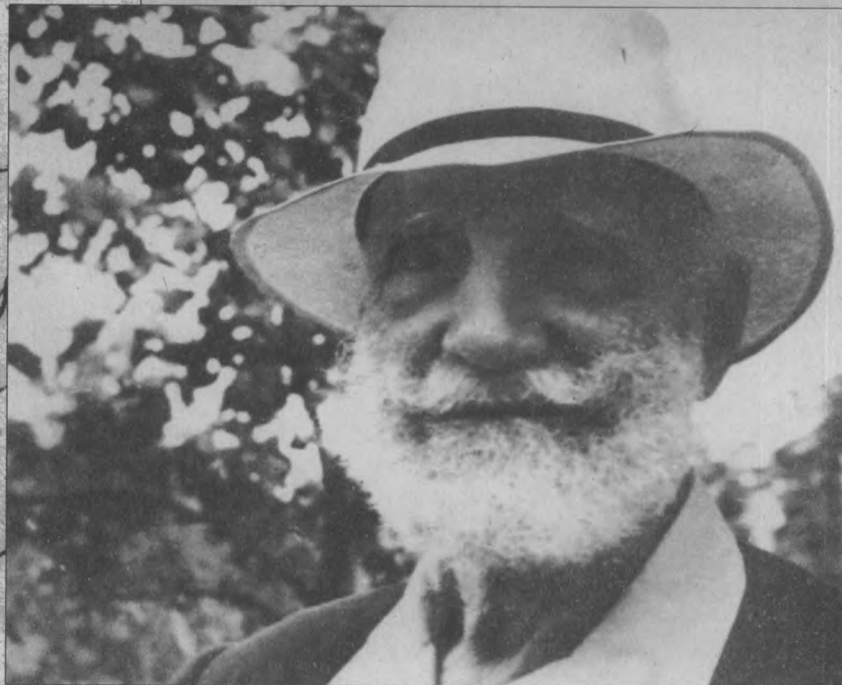

*Марку Константиновичу
Касвинову.
В. Шцльгин. 1974 г.*

Марку Касвинову

Касвинову
в память о
всех

В. Шульгин
г. Владимир

Марку Константиновичу Касвинову
в память о нашей беседе
В. Шульгин

г. Владимир

В. Шульгин.
1 сентября 1972 г.
г. Владимир.

На добрую память
М. К. Касвинову.
В. Шульгин. 1975 г.

Подписаться на журналы «Родина» и «Источник» через редакцию выгодно и удобно!

Адресную подписку на 1998 и 1999 гг. на любой срок — месяц, два, полгода и т. д., на любое количество экземпляров оформляйте через редакцию только при помощи помещенного в этом номере бланка. Если редакция присвоила вам личный номер, непременно укажите его. В стоимость подписки входит и цена доставки журнала до вашего почтового ящика!

- 1. Подписаться через редакцию на «Родину» или «Источник» может любой читатель.** Независимо от места вашего проживания стоимость одного номера «Родины» составляет 20 рублей, «Источника» — 18 рублей.
- 2. Оформление платежного документа.** На лицевой стороне бланка разборчиво впишите свой почтовый индекс, подробный адрес, а также фамилию, имя, отчество. Напротив выбранного вами журнала укажите общую сумму подписки (например, вы подписались на «Родину» на 3 месяца, значит, нужно поставить цифру — 60 рублей). На обратной стороне бланка зачеркните нужные вам номера журнала (например, вы зачеркнули клеточки с цифрами 1, 2, 8, 10 — это означает, что редакция пришлет вам январский, февральский, августовский и октябрьский номера журнала).
- 3. В соответствии с договором между Сбербанком России и журналом «Родина» никаких денег за выполнение перевода по данному платежному документу с вас не взимается** — эти расходы взяла на себя редакция. Платежная квитанция остается у подписчика и в редакцию не высылается.
- 4. Если вы не располагаете необходимой суммой** для полугодовой или годовой подписки, то оплачивайте журналы по мере возможности на 1, 2 месяца (бланк платежного документа будет печататься в каждом номере. Им, кстати, можно воспользоваться, чтобы подписаться на текущие номера этого года). Но помните: подписная цена на журнал после 30 сентября с. г. может измениться, и в таком случае, возможно, за последующие номера придется платить дороже.
- 5. И последнее.** Оплату нужно производить не позднее 20 числа месяца, предшествующего тому, с которого вы оформляете подписку.

ИЗВЕЩЕНИЕ	<p style="text-align: center;">Редакция журнала «РОДИНА» <small>получатель платежа</small></p> <p>расчетный счет № <u>40503810500000000219</u> в «Внешторгбанке» г. Москва <small>(наименование банка,</small> к/с № 30101810700000000187 в ОПЕРУ-2 ГУ ЦБ РФ <small>другие банковские реквизиты)</small></p> <p>лицевой счет № <u>БИК 044541187 ИНН 7704042384</u></p> <hr/> <p style="text-align: center;"><small>фамилия, имя, адрес плательщика</small></p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 70%; text-align: left;">Подписка на:</td> <td style="width: 30%; text-align: center;">Сумма</td> </tr> <tr> <td>Журнал «Родина»</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Журнал «Источник»</td> <td></td> </tr> </table>	Подписка на:	Сумма	Журнал «Родина»		Журнал «Источник»	
Подписка на:	Сумма						
Журнал «Родина»							
Журнал «Источник»							
Кассир	Плательщик						
КВИТАНЦИЯ	<p style="text-align: center;">Редакция журнала «РОДИНА» <small>получатель платежа</small></p> <p>расчетный счет № <u>40503810500000000219</u> в «Внешторгбанке» г. Москва <small>(наименование банка,</small> к/с № 30101810700000000187 в ОПЕРУ-2 ГУ ЦБ РФ <small>другие банковские реквизиты)</small></p> <p>лицевой счет № <u>БИК 044541187 ИНН 7704042384</u></p> <hr/> <p style="text-align: center;"><small>фамилия, имя, адрес плательщика</small></p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 70%; text-align: left;">Подписка на:</td> <td style="width: 30%; text-align: center;">Сумма</td> </tr> <tr> <td>Журнал «Родина»</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Журнал «Источник»</td> <td></td> </tr> </table>	Подписка на:	Сумма	Журнал «Родина»		Журнал «Источник»	
Подписка на:	Сумма						
Журнал «Родина»							
Журнал «Источник»							
Кассир	Плательщик						

Заполните этот бланк и оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

Журнал «Источник» — это 160 страниц увлекательного чтения. В нем публикуются уникальные документы по русской и советской истории из отечественных и зарубежных архивов. Это единственный журнал в стране, в котором регулярно печатаются рассекреченные документы из Архива Президента Российской Федерации, из бывшего архива Сталина и Политбюро. Подписываясь на «Источник», Вы получаете возможность самостоятельно разбираться в перипетиях нашей истории.

Заполните этот бланк и оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

Внимание! Если редакция присвоила вам личный номер, обязательно укажите его:

«Родина»

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9	№ 10	№ 11	№ 12
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	------	------	------

«Источник»

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
-----	-----	-----	-----	-----	-----

Отметьте, пожалуйста, продолжительность вашей подписки по номерам и зачеркните нужный год.

1998	1999
------	------

Правила подписки

1. Вы можете подписаться на любое из предложенных изданий.
2. Вы можете подписаться с любого месяца, подряд или выборочно.
3. Стоимость одного номера журнала «Родина» — 20 руб. с учетом пересылки. Стоимость одного номера журнала «Источник» — 18 руб. с учетом пересылки.
4. Извещение должно быть заполнено печатными буквами и оплачено. В случае неразборчивого почерка или ошибок в адресе отправителя претензии не принимаются.

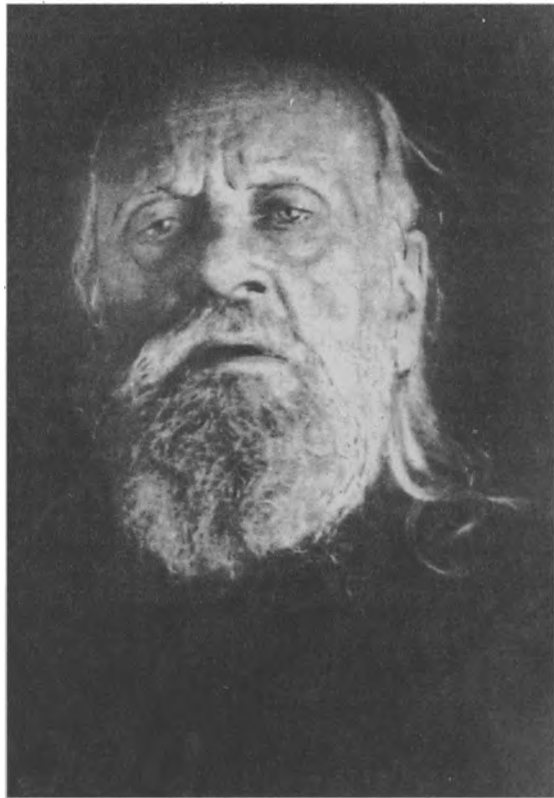
«На почве ложного доноса или судебной ошибки»

ПИСЬМА В ЗАЩИТУ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

а) ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА МИТРОПОЛИТА СЕРАФИМА (ЧИЧАГОВА) И ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА СТЕФАНОВСКОГО

Серафим (в миру Чичагов Леонид Михайлович) (1856–1937) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник русско-турецкой войны, Георгиевский кавалер, герой Плевны. С 1893 г. священник, с 1898-го иеромонах, с 1905-го епископ. На протяжении тридцати лет был духовным сыном Иоанна Кронштадтского. Составитель «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (выдержала два издания: в 1896 и 1903 гг., издание 1903 г. неоднократно воспроизводилось с конца 1980-х: опубликован и текст купюр, сделанных в этой книге духовной цензурой, см.: «Угодник Божий Серафим». Т.1. М. 1993. С. 342–350), инициатор открытия мощей преп. Серафима Саровского. Как правящий архиерей Тверской епархии участвовал в Поместном Соборе 1917/18 гг. После Собора возведен в сан митрополита с назначением в Варшаву, но из-за сложившейся политической обстановки не смог отправиться к месту назначения. В январе 1921 г. получил предписание синода о необходимости ускорить возвращение в Варшаву православного духовенства. По этому поводу встречался с прибывшими в Москву представителями Польши. После встречи с поляками у Чичагова был проведен обыск, при котором изъяты письма к главе католической церкви кардиналу Каповскому и протоиерею Врублевскому, представлявшему в Варшаве интересы православного духовенства. 11 мая 1921 г. Серафим был вызван на допрос к следователю Шпицбергу, который вынес заключение о необходимости изоляции Чичагова.

По постановлению тройки ВЧК 24 июня 1921 г. митрополит приговорен к заключению в Архангельский концлагерь сроком на 2 года,

Серафим (Л. М. Чичагов).

«как активный враг трудящихся масс и опасный заговорщик против Российской рабоче-крестьянской республики». Арестован 12 сентября и помещен в Таганскую тюрьму.

После ходатайства его дочерей Натальи и Екатерины перед М. Калининым 14 января

1922 г. Президиум ВЧК вынес решение: постановление тройки ВЧК о высылке применить условно ввиду старческого возраста.

Вновь арестован 25 апреля 1922 г. Учитывая, что «лояльное советской власти духовенство не осмеливается открыто проявлять свою лояльность из-за боязни репрессий со стороны Чичагова», он по постановлению коллегии ГПУ от 25 апреля 1922 г. был отправлен в распоряжение Архангельского губотдела ГПУ для «вселения на местожительство как административно ссыльный» сроком по 24 июня 1923 г.

В конце апреля 1923 г. вернулся в Москву, но 16 апреля 1924 г. снова арестован по обвинению в участии в «контрреволюционной организации». 14 июля 1924 г. из-под стражи освобожден под подписку о невыезде из Москвы, а 29 августа 1925 г. по постановлению коллегии ОГПУ дело следствием прекращено, так как «собранный материал недостаточно изобличает Чичагова».

После освобождения поселился в Воскресенском Феодоровском монастыре под Шуей Владимирской области*. В 1928 г. назначен на ленинградскую кафедру, 14 октября 1933 г.

* В настоящее время Ивановской обл. — *Ред.*

указом синода уволен на покой (то есть на пенсию).

Арестован в последний раз осенью 1937 года в возрасте 82 лет, больным на носилках увезен в Таганскую тюрьму. Не признал предъявленных обвинений. Тройкой УНКВД Московской области 7 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 11 декабря в поселке Бутово под Москвой. Реабилитирован в 1988 г.

Архиерейский Собор Русской православной церкви в феврале 1997 г. причислил митрополита Серафима к лику священномучеников.

Стефановский Александр Николаевич (1870–?) — протоиерей. Арестован 11 июля 1922 г. по обвинению в антисоветской агитации. Коллегией ГПУ 19 марта 1923 г. дело прекращено за недоказанность. Вновь арестован 24 июля 1923 г., как «главный противник обновленческого движения». На заседании коллегии ГПУ от 15 сентября 1923 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. Арестован в третий раз 23 апреля 1924 г. По постановлению коллегии ОГПУ дело прекращено, так как «инкриминируемого ему преступного действия (антисоветской агитации) следствием не выявлено».

№ 1

Патриарх Тихон¹ — в секретный отдел ОГПУ

Начальнику 4 отдела СО ОГПУ

Ходатайствую пред Вами об освобождении арестованных и ныне находящихся в Бутырской тюрьме митрополита Серафима (Чичагова), престарелого и к тому ж больного, а равно и настоятеля церкви Адриана и Наталии протоиерея Александра Стефановского, за лояльное отношение которых к существующей гражданской власти я ручаюсь².

Патриарх Тихон

[Не позднее 9 апреля] 1924 г.
Донской монастырь

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-25821. Л. 16.

№ 2

Епископ Иларион³ — Е. А. Тучкову⁴

Начальнику 6-го отдела СО ГПУ Е. А. Тучкову

Ходатайствую об освобождении нужного для епархиальных дел протоиерея Стефановского.

Управляющий Московской православной епархией
Присоединяюсь к ходатайству об освобождении о. Стефановского⁵.

епископ Иларион

Патриарх Тихон

1 авг[уста] 1923 г.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-25103. Т. 2. Л. 7.

- 1 Тихон (в миру Беллавин (чаще употребляется неверное — Белавин) Василий Иванович) (1865–1925) — патриарх Московский и всея России. Возведен на Патриарший престол 21 ноября (4 декабря) 1917 г. Неоднократно арестовывался. Выступал и призывал верующих выступать в защиту «оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей (Церкви)».

Подробно о гонениях на патриарха Тихона, о его смерти и похоронах см.: Источник. 1996. № 5. В 1989 г. Архиерейским Собором Русской православной церкви патриарх Тихон канонизирован.
  - 2 На документе имеется резолюция: «Перешлите к делу. Е. Тучков. 9/4».
  - 3 Иларион (в миру Троицкий Василий Алексеевич) (1885/86–1929) — епископ Верейский, викарий Московской епархии (с 1920), архиепископ (с 1923); магистр богословия, профессор Московской духовной академии, секретарь патриарха Тихона.

Арестован 22 марта 1922 г. по обвинению в антисоветской деятельности. По постановлению коллегии ГПУ от 22 июня 1922 г. выслан в Архангельскую область на один год (по этому делу реабилитирован в 1994 г.). Повторно арестован 15 ноября 1923 г. по обвинению в «распространении ложных слухов и агитации против Советской власти под религиозным флагом». По постановлению комиссии НКВД по административным высылкам от 7 декабря 1923 г. заключен в Соловецкий лагерь сроком на три года (по этому делу реабилитирован в 1994 г.). Один из составителей обращения к правительству СССР православных епископов с Соловецких островов, так называемого «Соловецкого послания». 5 июля 1925 г. переведен из Соловецкого лагеря в Ярославский политизолятор (в одиночную камеру), где с ним дважды «беседовал» Е. Тучков по вопросам церковного управления. 25 февраля 1926 г. возвращен на Соловки.
- 19 ноября 1926 г. по Постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ, «принимая во внимание, что Троицкий срок наказания отбыл и что он является социально-опасным элементом», заключен в концлагерь (Соловецкий) сроком на три года.
  - 6 декабря 1926 г. привлекался в качестве обвиняемого: «изобличался в том, что, информируя разных лиц о своей беседе, происходившей в Ярославском изоляторе с начальником 6-го отделения СО ОГПУ Тучковым, придал ей окраску, возбудившую среди верующего населения враждебные отношения к политике Соввласти».
  - 14 октября 1929 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило Троицкого к высылке в Казахстан, и он был направлен в распоряжение Каракалпакского окротдела ОГПУ. При пересылке умер 28 декабря 1929 г. в больнице им. Газа в Ленинграде от сыпного тифа. Похоронен в Ленинграде. По последнему делу реабилитирован в 1993 г.
  - 4 Тучков Евгений Александрович (1892–1957) — с 1922 г. заместитель, затем начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ и одновременно секретарь комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства. В октябре 1931 г. за «огромную работу по расколу Православной церкви» награжден орденом Трудового Красного Знамени. С этого же года назначен на должность полномочного представителя ОГПУ по Уралу, с 1933-го заместитель особоуполномоченного по Москве. Осенью 1939 г. уволен из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». Работал лектором в союзе воинствующих безбожников (с 1941 г. ответственный секретарь). С 1947 г. на пенсии.
  - 5 На документе имеется резолюция: «Вызовите мне Стефановского. Е. Тучков. 1/8».

6) ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА В. И. ВЕРНАДСКОГО

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — естествоиспытатель, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель научной школы. Автор трудов по философии естествознания, науковедению; создатель учения о биосфере и ее эволюции, о мощном воздействии на окружающую среду человека и преобразовании современной биосферы в ноосферу. Первое внеакадемическое издание статей на эту тему «Начало и вечность жизни» вышло в 1989 г.

Окончил физико-мате-

матический факультет Петербургского университета (1885). Близкий друг Д. И. Шаховского и С. Ф. Ольденбурга, с которыми входил в так называемое Братство — кружок друзей-единомышленников.

Экстраординарный академик (1908), ординарный академик (1912), первый президент Украинской АН (1918). Профессор Московского университета (1898–1911), ушел в отставку в знак протеста против притеснений студенчества. Один из организаторов (совместно с академиками А. П. Карпинским, Б. Б. Голицы-

ным, Н. С. Курнаковым, Н. Д. Зелинским, А. Е. Ферманом, Я. В. Самойловым) и председатель Комиссии по изучению естественно-производительных сил (1915–1930). Организатор и директор радиового института (1921–1939), биогеохимической лаборатории (с 1928), Комиссии по урану АН СССР (1940).

Занимался земской деятельностью в Тамбовской губернии (1892–1907, 1910–1913). Участник проходившего в Швейцарии собрания российских либералов (П. Струве, Д. Шаховской, Н. Бердяев), основавших нелегальный «Союз освобождения» (1903); участник учредительного съезда Конституционно-демократической партии (1905), на котором избран членом ЦК (был в нем до конца 1917 г.). В марте 1906 г. избран членом Государственного совета от академической курии, но в июле подал в отставку в знак протеста против роспуска Государственной думы. В 1908 г. вновь избран в Госсовет, исключен в 1911 г. из-за протеста против политики министра народного просвещения Л. Кассо. С августа 1917 г. товарищ министра народного просвещения Временного правительства. В ноябре 1917 г. участвует в работе подпольного Временного правительства, подписывает воззвание «От Временного правительства», в котором большевики объявлялись узурпаторами. Под угрозой ареста был вынужден уехать из Петрограда. Во время гражданской войны находился на Украине (здесь вышел из кадетской партии, был избран президентом Украинской АН), затем в Крыму. Приход Красной Армии застал его на посту ректора Тав-

рического университета. В начале марта 1921 г. вернулся в Петроград.

Арестован 14 июля 1921 г. в числе группы лиц (42 человека), обвинявшихся в «проведении контрреволюционной деятельности и агитации». Допрошен 15 июля и в этот же день освобожден благодаря, по мнению Вернадского, обращению вице-президента АН В. А. Стеклова к заведующему Петроградским отделом народного образования Н. Н. Кузьмину, а также неперемного секретаря АН С. Ольденбурга к В. И. Ленину и А. В. Луначарскому.

В 1922–1926 г. читал курс лекций в Сорбонне (Франция). Продлевал (с помощью Ольденбурга) командировку, так как опасался ареста после реализации чекистами в 1923 г. дела так называемого «Киевского областного центра, действия», по которому был репрессирован его друг и основатель Украинской АН Н. П. Василенко (дети Вернадского — дочь Нина Вернадская-Толль и сын Георгий — эмигрировали).

Вернулся в СССР в 1926 г. Проходил по делу «Российской национальной партии» (1933–1934). В так называемой «формуле обвинения» указывается, что «Ленинградская организация возглавлялась центром в составе: академики — Вернадский В. И., Перетц В. Н., Курнаков Н. С. и профессор — Кораблев В. Н.». В качестве одного из главных фигурантов проходил также по делу Д. И. Шаховского в 1938 г. После 1936 г. за границу не выпускался.

Неоднократно сам ходатайствовал за репрессированных.

№ 1

**Н. Н. Кузьмин¹ — в Петроградскую губернскую ЧК
15.VII.1921 г.**

Тов. Иванову.

Прошу выпустить академика Влад[имира] Иван[овича] Вернацкого*, отпустить под мою личную ответственность. Я ручаюсь за него вполне. Прошу как можно скорее его отпустить. За границей Вернацкий не был, а прибыл с разрешения советского правительства из Крыма в январе 1921 г. Просьбу мою прошу удовлетворить возможно скорее.

Завед[ующий] Петр[оградским] Отд[елом]
Нар[одного] Обр[азования] и член П.К.

Н. Кузьмин

Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области.
Следственное дело № П-32585. Л. 189.

№ 2

**Н. Н. Кузьмин — в Петроградскую губернскую ЧК
15.VII.1921 г.**

Тов[арищ] Семенов.
Проф[ессор] академик Влад[имир]
Иван[ович] Вернацкий арестован по моему

* Так в тексте. Здесь и далее сохранены орфография и синтаксис подлинников. — *Ред.*

только за то, что в прошлом был Тов[арищем] Министр[а] Нар[одного] Просв[ещения] во Временном правительстве. Сейчас он ни в чем по моему не замешан, и потому я прошу его отпустить под мою личную ответственность. Проф[ессор] Вернацкий прибыл в январе с разрешения советск[ого] правит[ельства] из Крыма и занимается сейчас научной деятельностью. Надо ожидать телеграммы от Ильича с нахлобучкой за этот арест. Желательно отпустить его как можно скорее.

С коммун[истическим] привет[ом]

Н. Кузьмин

Там же. Л. 191.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Кузьмин Николай Николаевич (1883–1937) — политический деятель, участник трех российских революций, гражданской войны, подавления Кронштадтского мятежа. Член РВС и начальник политуправления Сибирского военного округа. 28 октября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу, как «руководитель военно-троцкистской, шпионско-диверсионной террористической организации в Сибирском военном округе». Приговор приведен в исполнение в тот же день в Новосибирске. Реабилитирован в 1956 г.

в) ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА И. Ф. МАКАРОВА

Иван Федорович Макаров (1878–?) — профессор, экономист. По постановлению коллегии ОГПУ от 17 сентября 1931 г. приговорен к ссылке в Казахстан сроком на три года по обвинению

в участии в Ленинградской областной организации «Трудовой крестьянской партии». Реабилитирован в 1989 г.

Н. И. Вавилов¹ — Р. П. Катаняну²
29 июля 1931 г.

Помощнику Прокурора Верховного Суда СССР*
Тов. Катаньян*.

Москва.
Спиридоньевский пер., 30.

* Так в тексте.— *Ред.*

4-го Ноября 1930 года в Ленинграде арестован профессор Иван Федорович МАКАРОВ, Заведующий Статистическим Бюро при Академии С[ельско]-Х[озяйственных] Наук имени Ленина.

В настоящее время И. Ф. МАКАРОВ находится в Д.П.З. на Арсенальной наб., 5.

Я знаю И. Ф. МАКАРОВА по службе в бывш[ем] Институте Опытной Агрономии, а затем в Академии С[ельско]-Х[озяйственных] Наук имени Ленина около 10 лет, притом исключительно с положительной стороны. И. Ф. МАКАРОВ был всегда исключительно предан своему делу, которое выполнял с исключительной тщательностью и добросовестностью. Им выполнены ответственные работы и им составлена впервые «КАРТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СССР», которая ныне вошла во все руководства по земледелию.

В течение последнего времени им подготовлялись большие работы по ГЕОГРАФИИ КУЛЬТУРЫ ПШЕНИЦ.

И. Ф. МАКАРОВ всегда интересовался вопросами исключительно статистики и выяснения статистических закономерностей; особенно его привлекала проблема урожайности в связи с метеорологическими факторами и им в этом направлении проявлялся большой труд.

В течение последнего времени под его руководством подготовлялся АТЛАС СЕЛЬСКО-ХО-

ЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР СССР. По самому существу работы мне постоянно приходилось интересоваться этими работами И. Ф. МАКАРОВА и внимательно следить за ними и постоянно обращаться к нему за содействием по статистическим вопросам. И. Ф. МАКАРОВ всегда охотно шел навстречу пожеланиям коллектива работников, выполнял большие общественные нагрузки. В течение ряда лет он состоял Членом Президиума Института Опытной Агрономии и постоянно принимал большое участие в организационной работе по строительству научно-исследовательской работы в СССР.

Вовлечение его в экономическую работу, поскольку мне известно, происходило помимо его желания, в силу необходимости и в силу отсутствия в составе Института Опытной Агрономии экономистов.

И. Ф. МАКАРОВ пользовался всегда всеобщим уважением и любовью, относясь исключительно хорошо ко всем работникам.

По происхождению он сын крестьянина.

Арест И. Ф. МАКАРОВА для всех, знающих его, явился полной неожиданностью.

Зная хорошо И. Ф. МАКАРОВА с самой лучшей стороны, я позволяю себе настоящим ходатайствовать об ускорении разбирательства его дела, предоставлении ему возможности работать в заключении, ибо, поскольку мне известно, невозможность работать больше всего угнетает И. Ф. МАКАРОВА, а также, ввиду его нездоровья, я позволяю себе просить о предоставлении ему лучших условий³

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ С[ЕЛЬСКО]-Х[ОЗЯЙСТВЕННЫХ] НАУК
ИМЕНИ ЛЕНИНА,
ЧЛЕН ЦИК СССР

Н. Вавилов

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-2311. Т.5. Л.232–233.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — ботаник, географ, генетик, селекционер, основоположник учения о биологических основах селекции и учения о центрах происхождения культурных растений. Член-корреспондент АН СССР с 1923 г., академик (1929), академик и первый президент ВАСХНИЛ (1929–1935). Организовал ботанико-агрономические экспедиции в страны Средиземноморья, Северной Африки, Северной и Южной Америки, установил на их территории древние очаги формообразования культурных растений. Собрал крупнейшую в мире коллекцию семян культурных растений, заложил основы госсортоиспытания полевых культур. Обосновал учение об иммунитете растений (1919), открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов (1920). Инициатор создания ряда научно-исследовательских учреждений. Президент Всесоюзного географического общества (1931–1940). В 1935 г. после докладной вице-президента Академии сельскохозяйственных наук Бондаренко и парторга академии Климова, адресованной Сталину, в которой Вавилову наряду с другими обвинениями ставилось в вину то, что «всегда горой стоит за вредителей», он был смещен с поста президента ВАСХНИЛ. Известно, что уже в начале 30-х гг. Вавилов приложил немало усилий, чтобы добиться освобождения 44 ученых-аграриев, арестованных по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии».

Арестован 6 августа 1940 г. и 9 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу по обвинению в том, что «являлся одним из руководителей контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия», активным участником антисоветской организации правых в системе Наркомзема СССР, занимался шпионажем в пользу иностранных разведок и имел антисоветскую связь с заграничными белоэмигрантскими кругами, проводил диверсионно-вредительскую работу, направленную на подрыв колхозного строя и ослабление социалистического земледелия в СССР». 23 июня 1942 г. Президиум Верховного суда СССР во изменение прежнего решения приговорил Вавилова к 20 годам лишения свободы. Умер 26 января 1943 г. в больнице тюрьмы № 1 г. Саратова. Реабилитирован в 1955 г.

2 Катанян Рубен Павлович (1881–1966) — прокурор, юрист, член РСДРП с 1903 г., после революции на партийной и дипломатической работе, с 1923 г. помощник Прокурора РСФСР, заведующий подотделом надзора за органами следствия и дознания ОГПУ, с 1933 г. старший помощник Прокурора СССР, заведующий отделом по спецделам Прокуратуры СССР. В 1937 г. арестован, в 1953-м реабилитирован.

3 На письме имеется резолюция: «Снять копию. Направить т. Валленбергу с просьбой затребовать из Ленинграда справку о деле и поставить нас в известность о сущности дела. 10/8. (Подпись неразборчива)».

Григорий Андреевич Левитский (1878–1942) — цитолог, морфолог растений, генетик. Автор трудов по строению и развитию митохондрий, морфологии и эволюции хромосом, кариосистематике, применению цитологии в селекции.

Родился в семье священника. В 1902 г. окончил физико-математический факультет Киевского университета. Примыкая к эсерам, в мае 1907 г. участвовал во Всероссийском съезде Крестьянского союза в Москве и был арестован. После восьми месяцев, проведенных в Бутырках, был выслан за границу на три года. В 1911 г. вернулся на родину, занимался научной и преподавательской деятельностью. В январе 1921 г. избран профессором Киевского сельскохозяйственного института.

В 1925 г. по приглашению Н. И. Вавилова переезжает в Ленинград и занимает должность заведующего цитологическим и анатомическим отделом Всесоюзного института растениеводства. Работал также в возглавляемой Вавиловым Лаборатории генетики АН СССР (1932–1934). 29 марта 1932 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

21 апреля 1933 г. тройкой ПП ОГПУ в ЛВО приговорен к высылке в Запсибкрай сроком на

три года, как «член контрреволюционной ячейки эсеровско-народнической организации во Всесоюзном институте растениеводства». Ссылку отбывал сначала в Ачинске, затем в Саратове. Особым совещанием при коллегии ОГПУ 14 ноября 1933 г. условно досрочно освобожден (по этому делу реабилитирован в 1956 г.) и в декабре 1933 г. вернулся в ВИР.

В 1934 г. приглашен на должность профессора кафедры генетики растений Ленинградского университета.

Вторично арестован 13 марта 1935 г. на основании оперативных данных («идеологически чуждый. Настроен к мероприятиям Советской власти враждебно»). Ввиду отсутствия улики в тот же день освобожден.

После ареста Н. И. Вавилова подвергался гонениям, как «наиболее яркий выразитель консервативного направления (генетики) биологической науки».

Арестован в третий раз 28 июня 1941 г. по делу «антисоветской вредительской группы в ВИРе, возглавляемой Н. И. Вавиловым». Умер 20 мая 1942 г. в тюрьме в г. Златоусте Челябинской области. Реабилитирован в 1989 г.

**Б. А. Келлер¹, Н. И. Вавилов, А. А. Рихтер², Н. В. Ковалев³ — И. А. Акулову⁴
11 сентября 1933 г.**

ПРОКУРОРУ СССР И. А. АКУЛОВУ.

Нижеподписавшиеся ходатайствуют о пересмотре дела Члена-Корреспондента Академии наук, профессора Григория Андреевича ЛЕВИТСКОГО, который постановлением ОГПУ выслан в Западную Сибирь на 3 года.

Профессор ЛЕВИТСКИЙ является крупнейшим мировым специалистом по вопросам цитологии и анатомии (материальные основы наследственности). В этой области он является не только самым крупным работником в Советском Союзе, но несомненно представляет крупнейшую величину в мировой науке в настоящее время.

В последние годы им и его учениками опубликован ряд оригинальных работ, разработаны новые методы. За свои работы проф[ессор] ЛЕВИТСКИЙ неоднократно получал премии.

Зная проф[ессора] ЛЕВИТСКОГО как исключительного труженика, крупнейшего ученого, создавшего целую школу, которая является гордостью Советского Союза, и зная его как работника, исключительно преданного научной работе, и активного соучастника в строительстве советской науки, мы позволяем себе просить о пересмотре его дела и, по возможности, возвращения его в Академию Наук для научной работы.

АКАДЕМИКИ:

Зам. директора ВИРа

Б. Келлер
Н. Вавилов
Андрей Рихтер
Ник. Ковалев

Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области.
Следственное дело № П-73283. Л.343.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Келлер Борис Александрович (1874–1945) — ботаник, академик АН СССР (1931) и ВАСХНИЛ (1935). Автор трудов по растительности степей, полупустынь и пустынь, по экофизиологическим аспектам эволюции растений.
- 2 Рихтер Андрей Александрович (1871–1947) — физиолог и биохимик растений. Академик АН СССР (1932) и ВАСХНИЛ (1935). Автор трудов по фотосинтезу, иммунитету, засухо- и солеустойчивости растений, биохимии технических культур.
- 3 Ковалев Николай Васильевич (1888–1969) — ученый-специалист в области систематики, экологии, географии и генетики плодовых культур. Заместитель директора ВИР (с 1931 г.), директор Майкопской опытной станции ВИРА (с 1936 г.). Арестован 28 июня 1941 г. по обвинению в участии «в контрреволюционной вредительской группе в ВИРе» (по одному делу с Левитским Г. А.) и заключен в Челябинскую тюрьму. Особым совещанием при НКВД СССР 28 апреля 1945 г. приговорен к ссылке в Северо-Казахстанскую область. После освобождения из тюрьмы работал главным агрономом Буденновского мясо-молочного совхоза Северо-Казахстанской области, заведующим плодовым отделом Среднеазиатской станции ВИРА. В 1951 г. перешел в Узбекский институт садоводства, виноградарства и виноделия АН Узбекской ССР. В 1958 г. вновь переехал на Майкопскую опытную станцию ВИРА, где продолжил изучение плодовых культур. Реабилитирован в 1956 г.
- 4 Акулов Иван Алексеевич (1888–1937) — первый заместитель председателя ОГПУ (1931). С 1933 г. Прокурор СССР. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован.

Д) ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА С. Л. СОВОЛЕВА

Сергей Леонидович Соболев (1883–1954) — профессор, растениевод. Арестован 31 марта 1934 г. по делу «к/р вредительской организации в научно-исследовательских учреждениях Дальневосточного края» и этапирован в Хабаровск. С 20 февраля по 7 марта 1935 г. дело рассматривал в закрытом судебном заседании Военный трибунал Особой Краснознаменной

Дальневосточной армии, который установил, что «материалы дела, на основании которых Соболев обвиняется в принадлежности к к/р организации, очень слабы и противоречивы». 22 ноября 1935 г. Управление госбезопасности НКВД по Дальневосточному краю постановило «уголовное преследование в отношении Соболева прекратить».

Н. И. Вавилов — в ОГПУ
9 апреля 1934 года

№ 15/1
ОГПУ
г. Ростов-н[а]-Д[ону]

1-го апреля с. г.* на станции Отрада Кубанская, где находится Северо-Кавказское Отделение ВСЕ-СОЮЗНОГО Института РАСТЕНИЕВОДСТВА, был арестован директор этого отделения профессор Сергей Леонидович СОБОЛЕВ и направлен в Ростов.

Арест этот явился совершенно неожиданным и для местных работников, и для Центра и поставил Отделение, представляющее крупнейшую [сельско]-Х[озяйственную] Опытную станцию, в очень тягостное положение, — ввиду полного разгара посевной кампании, большой и сложной работы, которая была проводима под личным руководством проф[ессора] СОБОЛЕВА по множеству культур.

Хотя нами и приняты меры к тому, чтобы обеспечить проведение работы, но все же часть работ, которая была связана персонально с проф[ессором] СОБОЛЕВЫМ, провести очевидно не удастся.

Проф[ессор] СОБОЛЕВ является крупным научным работником и организатором. В Институте Растениеводства он работает с 1929 г., когда ему было поручено заведование Дальневосточным Отделением; с 1931 г. он принял на себя заведование Северо-Кавказским Отделением.

Надо отметить определенно огромные заслуги проф[ессора] СОБОЛЕВА по организации работы на Северо-Кавказском Отделении. Несмотря на большие трудности, связанные с недостатком рабочих рук, тяжелым положением с продовольствием и недостатком строительных материалов, проф[ессор] СОБОЛЕВ привел Отделение в порядок, наладил прекрасно работу. В короткое время Северо-Кавказская Станция начала становиться образцовым учреждением. Работа проф[ессора] СОБОЛЕВА, проходившая на глазах большого коллектива рабочих и научных работников, в том числе центральных, приезжавших для работы в летнее время на Станцию, вызывала всеобщее уважение. Не покладая рук,

* Так в тексте. — *Ред.*

нередко буквально голодая, профессор СОБОЛЕВ показывал пример, как надо работать. В каких трудных условиях проходила эта работа, можно судить по тому, что в начале лета пр[ошлого] года проф[ессор] СОБОЛЕВ и его жена от недоброкачественного хлеба (большого количества мякины) перенесли тяжелую болезнь.

Повторяю, что глубокая преданность в работе, энтузиазм, организационные способности и большой научный авторитет выделяли проф[ессора] СОБОЛЕВА, вызывая к нему всеобщее уважение.

На Дальнем Востоке также проф[ессором] СОБОЛЕВЫМ проведена большая работа в довольно трудных условиях. В результате—им опубликована книга «РАСТЕНИЕВОДСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА». Несмотря на большую организационную и административную работу, проф[ессор] СОБОЛЕВ вел большую научную работу, подготавливая 2-ю часть по культурам Северного Кавказа.

Мне известна также и прошлая работа проф[ессора] СОБОЛЕВА, когда он состоял профессором Ленинградского С[ельско]-Х[озяйственного] Института в первые года, когда Институт только организовывался.

Во всей своей работе проф[ессор] СОБОЛЕВ проявил себя исключительно преданным делу, не смотря ни на какие трудности вел энергичную и продуктивную работу. Среди студенчества на Дальнем Востоке так же, как и в Ленинграде, и в Детском Селе, проф[ессор] СОБОЛЕВ пользовался исключительной любовью и уважением.

В последние годы, в особенности благодаря трудностям с питанием и нелегким условиям работы, здоровье проф[ессора] СОБОЛЕВА несколько пошатнулось, в особенности благодаря исключительно напряженной нервной работе, связанной с организацией Станции. Возраст проф[ессора] СОБОЛЕВА, несмотря на его внешнюю молодость, уже шестой десяток лет.

Принимая все вышеизложенное, учитывая большие заслуги профессора СОБОЛЕВА С. Л. в области советской науки, я позволяю себе просить ОГПУ об ускорении следствия и о предоставлении профессору СОБОЛЕВУ возможно лучших условий его содержания.

Президент Академии С[ельско]-Х[озяйственных]

Наук имени Ленина,

Член ЦИК СССР,

Академик

Верно: А. Хват¹.

Н. Вавилов

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-2311. Т. 5. Л. 230–231. Заверенная копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Хват Александр Григорьевич (1907–?) — следователь. Вел дело Н. И. Вавилова.

е) ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Е. М. КРЕПСА

Евгений Михайлович Крепс (1899–1985) — физиолог, член-корреспондент АН СССР с 1946 г., академик (1966). Герой Социалистического Труда (1969). Автор трудов по сравнительной физиологии и биохимии нервной системы. Установил влияние симпатической нервной системы на обменные процессы в мышце.

Арестован в 1933 г. по делу «вредительства на мурманской биологической станции». Через несколько месяцев освобожден. Вторично арестован в апреле 1937 г. и по постановлению Особого совещания при НКВД 28 июня 1937 г. «за к/р троцкистскую деятельность» пригово-

рен к 5 годам ИТЛ. 28 апреля 1939 г. Вышинским, бывшим в то время Прокурором СССР, вынесен протест на постановление Особого совещания и дело направлено на пересмотр, однако 29 октября по указанию сменившего Вышинского на посту Прокурора СССР Панкратьева дело с пересмотра снято. 27 февраля 1940 г. дело все-таки было пересмотрено, и Особое совещание заменило Крепсу заключение в ИТЛ на запрет проживания в трех городах СССР. 7 октября 1944 г. по постановлению Особого совещания Крепсу разрешено свободное проживание на территории СССР.

№ 1**Л. А. Орбели¹ — Л. П. Берия²****11 мая 1939 г.**

Народному Комиссару Внутренних Дел
тов. Берия Л. П.

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Исключительно в интересах советской науки и успешного развития ее я позволяю себе просить Вас обратить особое внимание на дело профессора Евгения Михайловича Крепса, направленное Прокуратурой Союза в НКВД для пересмотра.

Евгений Михайлович Крепс, мой ученик и сотрудник, бывший заместитель мой по должности Директора Физиологического Института им. Павлова Академии Наук СССР, крупнейший физиолог, автор большого числа научных трудов, был в апреле 1937 г. арестован в Ленинграде Органами Государственной безопасности и в августе того же года постановлением Особого совещания при НКВД приговорен к пяти годам содержания в Исправительно-трудовом лагере. Направлен во Владивосток, где и содержится в пересыльном пункте. Зная Крепса со времени его студенчества, наблюдая за его научным ростом и за всей его служебной и общественной деятельностью на протяжении почти 18 лет, я составил себе впечатление о нем как о крупном ученом, выдающемся организаторе работ, трудных и сложных, участнике разработки актуальнейших вопросов обороны по заданиям Наркомата Обороны и Военно-Морских Сил, а потому счел себя обязанным тогда же обратиться в Упр[авление] НКВД Ленинградской области, но ничего достичь при руководстве того времени не мог. Тогда я обратился в Прокуратуру Союза. По имеющимся у меня сведениям, с делом Е. М. Крепса лично познакомился тов. А. Я. Вышинский и, не найдя состава преступления, опротестовал постановление Особого совещания. Дело, вероятно, будет в ближайшем будущем вновь рассматриваться в соответствующих органах НКВД.

Будучи уверен в политической честности Е. М. Крепса и высоко ценя его как ученика, сотрудника и большого ученого, я и решил просить Вас помочь правильному разрешению этого дела, вероятно возникшего на почве ложного доноса или судебной ошибки. Это сохранит стране ценного человека.

С истинным уважением

Л. Орбели

Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области.
Следственное дело № П-71715. Л. 43–44.

№ 2**Л. А. Орбели — К. Е. Ворошилову****17 июня 1939 г.**

Народному Комиссару Обороны
Маршалу Советского Союза
тов. Ворошилову К. Е.

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

В течение ряда лет, начиная с 1929 года, Военно-Медицинская Академия РККА им. С. М. Кирова совместно с Краснознаменной Экспедицией подводных работ особого назначения (ЭПРОН) и Учебным Отрядом подводного плавания (УОПП) разрабатывает вопросы, связанные с изучением и улучшением условий работы водолазов и подводников.

Результатом этих работ явилось значительное углубление предела водолазных работ, создание в РККА специальных частей «водников», разработка режима выходов с больших глубин и наставления по индивидуально-спасательному делу, создание при УОПП специальной башни-лаборатории для обучения выходам с глубин, введение на вооружение специальных кислородных аппаратов типа ИПА в РККА и ИСА-М в ВМФ; практическое осуществление выходов из-под колокола и из подводных лодок через рубку и торпедный аппарат на больших глубинах в условиях открытого моря, наконец, спуски людей под воду и входы их в лежащую на грунте подводную лодку. Своего высшего развития эти работы достигли в 1935, 1936 и 1938 гг., когда специально созданная комиссия из работников В[оенно]-М[орской] А[кадемии], ЭПРОН и УОПП под моим председательством провела ряд обширных практических работ и учений в Черном море и дала выход в практику предварительным лабораторным исследованиям по индивидуально-спасательному делу.

В настоящее время встает вопрос об использовании выходов и входов не только с целью выполнения тактических заданий. Все это большое дело могло быть осуществлено только благодаря энтузиазму участников комиссии, самоотверженной напряженной работе преподавателей ВМА, преподавателей и инструкторов УОПП, врачей, специалистов и водолазов ЭПРОН'а.

Среди этих лиц первое место по научной подготовленности, по степени участия в работе, по инициативе, по активности, по самоотверженности принадлежит профессору Евгению Михайловичу Крепсу, который первым у нас вступил на путь объединения теоретической лабораторной работы с разрешением насущнейших практических вопросов водолазного дела.

С 1929 по 1936 г. он был неизменным участником всех работ, сначала в Баренцевом, потом на Черном море, был моим заместителем по председательствованию в комиссии, по проведению как лабораторных исследований, так и работ в условиях открытого моря.

На ранних этапах работы, когда еще только вырабатывались первые конструкции кислородных приборов, когда пользование ими было еще малонадежным, когда у нас не было точных данных

о режимах хождения под водой и выходов с глубин, проф[ессор] Крепс все первые наиболее опасные опыты проводил на себе и испытал все трудности и опасности, связанные с этим новым делом. Дважды нам пришлось вырывать Крепса из рук смерти. Только его редкая энергия, самоотверженность и глубокие научные знания помогли нам достичь тех успехов, которые мы сейчас имеем.

В 1936 г. я через начальника ВМА РККА ходатайствовал о награждении его орденом «Красной Звезды».

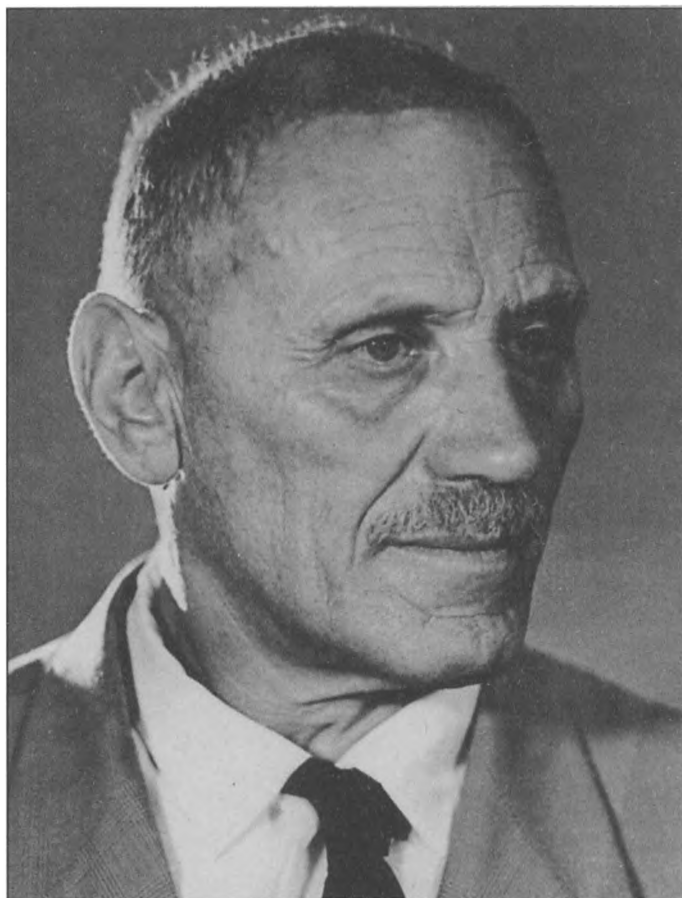
Будучи крупным научным авторитетом и образцовым работником, Крепс вместе с тем пользовался репутацией прекрасного общественника и вполне советского человека. Но вот весной 1937 г. он был арестован органами НКВД. Будучи уверен, что тут какая-то ошибка, я бросился к Ленинградским органам Гос[ударственной] Безопасности, но Заковский³, впоследствии оказавшийся врагом народа, не захотел откликнуться.

Постановлением Особого совещания при НКВД Крепс был приговорен к пяти годам содержания в исправительных трудовых лагерях. По моей просьбе Прокурор Союза т. А. Я. Вышинский затребовал дело Крепса для личного ознакомления и, убедившись в отсутствии состава преступления, по-

слал дело на доследование. Доследование продолжалось больше года. Получив наконец весь дополнительный материал, тов. А. Я. Вышинский опять-таки не нашел состава преступления и направил дело в НКВД на пересмотр. В настоящее время дело ушло из Прокуратуры Союза, но не дошло до рассмотрения в ОСО НКВД. Я обратился с письмом к Народному Комиссару Внутренних Дел тов. Л. П. Берия с просьбой обратить особое внимание на это дело ввиду большой ценности проф[ессора] Крепса, как большого ученого и честного советского гражданина, но ответа пока не имею.

По понятным причинам я не мог писать ни т. Вышинскому, ни т. Берия о той работе, которую проделал Крепс, и должен был ограничиться лишь указанием на то, что он проводил работы «оборонного значения».

Дорогой Климент Ефремович! Вы один можете оценить значение того дела, над которым работал вместе со мной Крепс, Вы один можете представить себе все трудности, которые ему пришлось преодолеть, Вы один имеете право объяснить роль Крепса в повышении обороноспособ-

Е. М. Крепс.

ности нашего Союза тем товарищам, от которых зависит его судьба, Вы один смеее поднять голос в защиту человека, который по недоразумению, на почве какого-то оговора и клеветы томится уже два года в заключении с позорным клеймом контрреволюционера вместо заслуженной награды.

Я надеюсь, что Вы поймете мое стремление сохранить стране ценного работника и гражданина и поможете в этом.

Прилагаю копию заявления, посланного Крепсом Прокурору Союза в 1938 г.*

С глубоким уважением

Л. Орбели

* Не публикуется. — *Ред.*

Там же. Л. 31–32.

№ 3

Л. А. Орбели — В. М. Молотову

Копия.

Секретно.

Академик Л. А. Орбели

Ленинград, 22

ул. Рентгена, 9, кв. 2

телеф. В-2-88-35 (дом).

А-6-81-10 (служ).

[4 февраля 1940 г.]*

* См. документ № 4. — *Ред.*

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР—
тов. Молотову Вячеславу Михайловичу.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Прошу простить мне это новое обращение к Вам, но, к сожалению, я все же вынужден беспокоить Вас, так как мои двухлетние попытки обойтись без этого обращения оказались безрезультатными.

Речь идет об очень ценном человеке и крупной научной силе, которая пропадает и может окончательно погибнуть, тогда как страна наша могла бы получить от него много пользы. В апреле 1937 года органами НКВД был арестован в Ленинграде мой ученик и сотрудник, заместитель директора Физиологического Института Академии Наук СССР, профессор физиологии, доктор биологических наук Евгений Михайлович Крепс, человек, которого я очень ценил и как большого ученого, и как безгранично преданного делу работника, оказавшего очень большие услуги нашему Военно-Морскому Флоту и Красной Армии.

Постановлением Особого совещания НКВД он был осужден на пять лет пребывания в исправительно-трудовом лагере и направлен на Дальний Восток. По моей просьбе тов. Андрей Януарович Вышинский, в то время Прокурор Союза, лично познакомился с этим делом и, не найдя состава преступления, опротестовал приговор и предложил пересмотреть дело. Вся эта проверка и переписка заняла около двух лет, и дело было поставлено на повестку одного из заседаний Особого совещания, но после перехода Андрея Януаровича на пост Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров снято с повестки. По полученным мною точным сведениям, профессор Е. М. Крепс в конце декабря 1939 г. из пересыльного пункта во Владивостоке, где он содержался в ожидании пересмотра, отправлен на Колыму и находится сейчас в карантинном пункте в Магадане. Будучи вполне убежден, что арест и осуждение Крепса Евгения Михайловича явилось результатом какого-нибудь случайного обстоятельства, и будучи уверен в нем, как вполне преданном Советскому Союзу человеку, я позволяю себе просить Вас о пересмотре дела и сохранении ценной научной силы.

С глубоким уважением и безграничной преданностью

Л. Орбели.

Верно: Можаява⁴

№ 4

Л. А. Орбели — В. В. Чернышеву⁵
17 июля 1940 г.Зам[естителю] Нар[одного] Комиссара Внутренних Дел
Комдиву Чернышеву.

Глубокоуважаемый тов. Комдив!

4 февраля с. г. я обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР т. Молотову с просьбой дать указание о пересмотре дела профессора физиологии, бывш[его] зам[естителя] директора Физиологического Института Академии Наук СССР в Ленинграде, доктора биологических наук Евгения Михайловича Крепса, арестованного в апреле 1937 г. и постановлением Особого совещания при НКВД осужденного на пять лет в исправительно-трудовые лагеря.

Ходатайство мое было основано на том, что, наблюдая за деятельностью Крепса как моего ученика, затем сотрудника и, наконец, заместителя моего по должности Директора Института, я имел возможность убедиться в его полнейшей честности, а вместе с тем не могу не ценить его исключительных способностей и больших научных заслуг как в общенаучных, так особенно в оборонных вопросах. Я просил сохранить для науки и для страны эту большую научную силу.

27 Февраля состоялся пересмотр дела, который привел к решению об освобождении проф[ессора] Крепса Е. М. с ограничением на два года в праве проживания в Москве, Ленинграде и Киеве (официальная справка НКВД).

Однако до настоящего времени проф[ессор] Крепс находится в Магадане и не может выехать из-за задержки документов. Так как является чрезвычайно желательным применить знания и способности проф[ессора] Крепса к делу и использовать его как единственного в нашей стране ученого, сочетающего в себе знания физиологии, биологии и гидрохимии, в одной из биологических станций Академии, убедительнейше прошу Вашего распоряжения о предоставлении ему возможности выехать из Магадана в РСФСР. Я сильно опасаюсь, что к нему в массовом порядке может быть применено какое-нибудь распоряжение об использовании на месте.

С истинным уважением
Академик Диввврач

Л. Орбели

Там же. Л. 42.

№ 5

Л. А. Орбели — Л. П. Берия
17 мая 1941 г.Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР
Генеральному Комиссару Государственной безопасности
тов. Берия Лаврентию Павловичу.

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Простите мне настоящее мое обращение к Вам, вызванное исключительно желанием в наибольшей мере использовать в интересах советской науки одного из крупнейших специалистов в области физиологии профессора Евгения Михайловича Крепса. Доктор биологических наук, профессор Евгений Михайлович Крепс, ученик академика И. П. Павлова и мой, был в течение многих лет моим сотрудником в Военно-Медицинской Академии К[расной] А[рмии], в В[сесоюзном] И[нституте] Э[кспериментальной] М[едицины] и Академии Наук СССР, где с 1936 года состоял в должности заместителя директора Физиологического института имени Павлова. Наряду с этим он несколько лет состоял членом и моим заместителем в Комиссии по разработке вопросов аварийно-спасательного и водолазного дела в Военно-Морском Флоте и имеет исключительные заслуги в этих важных оборонных работах.

В апреле 1937 года Е. М. Крепс был арестован органами НКВД Ленинграда и Ленинградской области и постановлением Особого совещания приговорен к исправительно-трудовым лагерям на 5 (пять) лет.

По моему ходатайству тов. А. Я. Вышинский, в то время Прокурор Союза, лично рассмотрел дело Крепса и, не найдя состава преступления, опротестовал приговор. Дело было назначено к пересмотру, но после перехода тов. Вышинского на пост Зам[естителя] Пред[седателя] Совнар-

кома СССР и вступления на пост Прокурора Союза т. Панкратьева⁶ снято с пересмотра, а Крепс направлен в Магадан и дальше. В результате моего обращения к Вам и к Председателю Совнаркома СССР тов. В. М. Молотову дело было пересмотрено, и в Феврале 1940 года Е. М. Крепс был освобожден, а в мае 1940 г. возвращен в Европейскую часть СССР с правом повсеместного свободного проживания и работы, за исключением трех городов: Москвы, Ленинграда и Киева до окончания срока приговора. Это ограничение лишило меня возможности использовать в истекшем году Крепса для работы полностью, и я вынужден был ограничиваться отдельными поручениями на договорных началах, а между тем передо мной стоит сейчас ряд задач, требующих участия высоко авторитетного ученого с большой эрудицией, с большим экспериментаторским и организационным опытом. Этим требованиям в полной мере удовлетворяет именно Е. М. Крепс.

Будучи убежден в полной преданности Крепса Советскому Союзу и интересам Социалистического строительства, я и позволяю себе просить Вас о полной реабилитации Крепса, снятии судимости и ограничений на оставшийся последний год. Я уверен, что Крепс своим честным и активным трудом вполне оправдает доверие Правительства и принесет большую пользу стране.

С глубоким уважением
Корврач Академик

Л. Орбели

Там же. Л. 40–41.

№ 6

Л. А. Орбели — В. Н. Меркулову⁷

Народному Комиссару Государственной Безопасности СССР
тов. В. Н. Меркулову

Глубокоуважаемый Всеволод Николаевич!

Я позволяю себе обратиться к Вам по делу моего старого сотрудника доктора биологических наук, профессора Евгения Михайловича Крепса.

Начав работать под моим руководством еще будучи студентом Военно-Медицинской Академии РККА, он дошел постепенно до должности моего заместителя, как директора Физиологического института им. Павлова Академии Наук СССР.

26 апреля 1937 года Крепс был арестован органами НКВД в Ленинграде и после 2-х месяцев предварительного заключения постановлением ОСО НКВД СССР от 8 июля 1937 г. осужден на 5 лет заключения в ИТЛ.

Зная Крепса свыше 20 лет и будучи совершенно убежден в его полной невиновности, я обратился с просьбой о пересмотре дела к занимавшему в то время пост Прокурора Союза А. Я. Вышинскому, к назначенному тогда на пост Народного Комиссара внутренних дел Л. П. Берия и к Председателю Совета Народных Комиссаров В. М. Молотову. В результате этих обращений дело Крепса было пересмотрено ОСО НКВД СССР и постановлением от 27.II.40 г. заключение заменено запрещением проживания в гг. Москва, Ленинград, Киев на оставшийся срок, т. е. до 26.IV.42 г., о чем я был специально извещен Народным Комиссариатом внутренних дел.

По истечении срока, в 1942 году, проживая в г. Казани, Крепс обратился в Народный Комиссариат внутренних дел Татарской АССР с просьбой об обмене паспорта, и по рассмотрению его ходатайства, распоряжением Зам[естителя] Наркома внутренних дел Татарии паспорт был ему обменен. Мною Крепс был снова принят на работу в Физиологический институт им. Павлова Академии Наук на должность старшего научного сотрудника и заведующего лабораторией.

В настоящее время в связи с реэвакуацией Физиологического института в Ленинград снова возникли затруднения, так как Крепсу было отказано в выдаче пропуска в Ленинград.

Профессор Крепс является очень ценным и высококвалифицированным научным работником, который с большой пользой участвовал в проведении специальных исследований, имеющих оборонное значение, как до ареста, так и после освобождения в период Отечественной войны. За годы войны он разработал ценные методы по диагностике и лечению ран и теперь участвует в важных работах, связанных с летным делом. В настоящее время встал вопрос о зачислении его опять в кадры К[расной] А[рмии] на исследовательскую работу.

Я прошу Вас рассмотреть его дело, снять с него судимость и вытекающие из нее ограничения

и дать распоряжение о предоставлении права проживания во всех городах Союза. Это устранил помехи для научной работы его на пользу обороны страны.

С истинным уважением

Л. А. Орбели

Адрес для ответа:

Москва, ул. Чайковского, 25, кв. 30.

Вице-Президент Академии Наук СССР,

генерал-полковник м[едицинской] с[лужбы] Л. А. Орбели⁸.

Там же. Л. 51.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Орбели Леон Абгарович (1882–1958) — физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик (1935) и вице-президент (1942–1946) АН СССР, Академии медицинских наук (1944), Герой Социалистического Труда (1945), генерал-полковник медицинской службы (1944). Автор трудов по физиологии вегетативной нервной системы, боли, анализаторов, подкорковых центров, подводящей и авиационной физиологии. Развил новое направление — эволюционную физиологию. Установил адаптационно-трофическую функцию симпатической нервной системы, роль мозжечка в регуляции вегетативных функций.
- 2 Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — в 1938–1945 гг. и в 1953 г. нарком (министр) внутренних дел. Репрессирован.
- 3 Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович) (1894–1938) — бывший начальник УНКВД Ленинградской области, затем заместитель наркома внутренних дел. 29 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Не реабилитирован.
- 4 На документе имеются следующие резолюции: «т. Берия, Панкратьеву. Прошу разобраться и сообщить мне результаты. 9.II-1940 г. В. Молотов». «Доложено т. Берия. 21/II [подпись неразборчива]». «т. Иванов. Поставьте дело Крепса на ближайшее заседание О. С. для замены ему заключения в ИТЛ запрещением проживать в 3-х городах. 21/II [подпись неразборчива]».
- 5 Чернышев Василий Васильевич (1896–1952) — заместитель наркома внутренних дел (1937–1952).
- 6 Панкратьев Михаил Иванович (1901–1974) — Прокурор СССР (1939–1940), затем смещен с должности.
- 7 Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) — нарком госбезопасности (февраль—июль 1941; 1943–1946). Репрессирован в 1953 г.
- 8 Документ не датирован. В секретариат НКГБ поступил 29 сентября 1944 г.

Публикация
Владимира ГОНЧАРОВА

«Слово «кулак» теперь самое страшное в деревне»

О НАСТРОЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА РОССИИ В НАЧАЛЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

В последние годы в научный оборот введено немало документов, раскрывающих положение и настроения разных групп советского общества в период проведения коллективизации сельского хозяйства в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. Но документы, публикуемые ниже, представляют особый интерес, так как они характеризуют не только настроения широких масс населения некоторых районов юга России, но и их восприятие человеком, с одной стороны, занимавшим довольно высокий пост в иерархии тогдашнего советского руководства, а с другой, по роду своей деятельности не имевшим отношения к проведению коллективизации.

Ромуальд Адамович Муклевич (1890–1938), член ВЦИК и РВС СССР, начальник Военно-морских сил РККА, совершил в январе—феврале 1929 г. по поручению Оргбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК поездку в Нижне-Волжский край для участия в отчетной кампании по пере выбо-

рам Советов. По итогам поездки Р. А. Муклевичем был составлен подробный отчет о ходе поездки, взглядах и настроениях жителей Нижне-Волжского края, охватывавшего тогда значительную территорию южной России.

Доклад, несмотря на стремление автора видеть в первую очередь положительное, показывает яркую и довольно объективную картину драматических перемен в начале «великого перелома».

Текст доклада Р. А. Муклевича и одно из приложений к нему публикуются по копиям, направленным наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошилову и возвращенным из его секретариата в Управление Военно-морских сил РККА, в архивном фонде которого (РГАВМФ. Ф. р — 1483) они и отложились. В публикации сохранены орфография, пунктуация и синтаксис документов. Слова, подчеркнутые в документах, подчеркнуты и в тексте публикации.

№ 1

ДОКЛАД*

о поездке в Нижне-Волжский край для участия в отчетной кампании по пере выборам Советов (Основание: Постановление оргбюро¹ от 3/ХІІ и Постановление Президиума ЦИК от 6/ІІ).

І.

Организационная сторона

Выехал в Саратов из Москвы 1-го января. В Саратове договорился с крайкомом и крайисполкомом, что основной моей задачей будет проведение докладов с отчетами правительства на основных промышленных предприятиях края и в ряде сельских местностей. Маршрут был определен следующий: Саратов и ближайший район, Астрахань с районом, Верхний Баскунчак и Владимировка (Астраханский округ), затем на лошадях через при-волжские селения в Сталинград; из Сталинграда по железной дороге в станицу Михайловскую

* Титульный лист с перечислением инстанций, куда был направлен доклад, не печатается.

Хоперского округа, отсюда через станицу Глазуновскую на лошадях в Урюпино и далее к станице Ново-Николаевской (прил. № 1).

Всего я находился в командировке 40 дней, считая проезд из Москвы и обратно. Провел всего 41 собрание, с отчетными докладами, в 16-ти различных пунктах, считая и г. Саратов, Астрахань и Сталинград. Общее число участников — 22 тыс. 900 рабочих и 14 тыс. 100 крестьян (см. приложение № 2). Попутно между собраниями знакомился с работой избиркомов и местных советских и партийных органов, связанной с переВыборами Советов. Особенно много времени этой второй части работы уделить не смог, т. к. львиную долю времени занимали отчетные доклады.

II.

Обстановка

Интерес к отчетам со стороны населения был огромный. Собрание занимало в среднем 5–6 часов, доклад — 1½ ч.; в прениях выступало в среднем от 20 до 30 человек. Кроме того, от собравшихся поступало от 50 до 100 записок по различным вопросам. Характерно, что крестьянские собрания проходили еще более оживленно и с большей активностью, чем рабочие собрания (хотя последние тоже были весьма активны), нередко затягивались за полночь по требованию самих собравшихся (Капустин Яр, Владимировка, Ленинск, Средняя Ахтуба, Михайловка). Более вяло проходили собрания в казачьих районах. Казаки слушают с большим вниманием, но задавать вопросы и выступать в прениях избегают. Это объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что в станицах, где мне приходилось выступать, до 75% взрослого мужского населения в свое время служило в рядах белых.

Настроение всех собраний определенно можно характеризовать, как положительное, отношение к советской власти повсюду хорошее. Докладчика встречали и провожали с большим подъемом. Из свыше 4 тыс. записок, полученных мною на собраниях, я отметил всего несколько записок с контрреволюционным духом. И рабочие, и крестьяне выступали повсюду свободно, без стеснения, смело указывая на недочеты нашего строительства и на собственные нужды. Только в Сталинграде на собрании рабочих мелких предприятий в городском театре выступил троцкист Герасимов с резкой критикой мероприятий правительства. Собрание его слушало только до того места, пока он не сказал: «Мы троцкисты». После этого собрание бурно запротестовало, единодушно потребовало лишения его слова, и Герасимов, несмотря на возражения президиума, должен был удалиться. Другой случай имел место в станице Михайловской, где одним из крестьян была прочитана «декларация» эсеровско-баптистского характера (приложение № 3)². Но и эта декларация успеха не имела, и оратор после собрания стухевался.

На рабочих собраниях наиболее существенными вопросами, вокруг которых происходят все прения, являются следующие: 1) безработица, 2) тяжелые жилищные условия, 3) спецедеческие настроения³, 4) затруднения с хлебом, 5) недостаток промышленных товаров, 6) уравнивательные тенденции и 7) вопрос о растратах. Не было ни одного собрания, на котором остро не выступал бы вопрос о растратах. Общие нарекания на то, что растратчиков судят слишком мягко. Политика индустриали-

Р.А. Мужлевич. 1922 г.

завать, как положительное, отношение к советской власти повсюду хорошее. Докладчика встречали и провожали с большим подъемом. Из свыше 4 тыс. записок, полученных мною на собраниях, я отметил всего несколько записок с контрреволюционным духом. И рабочие, и крестьяне выступали повсюду свободно, без стеснения, смело указывая на недочеты нашего строительства и на собственные нужды. Только в Сталинграде на собрании рабочих мелких предприятий в городском театре выступил троцкист Герасимов с резкой критикой мероприятий правительства. Собрание его слушало только до того места, пока он не сказал: «Мы троцкисты». После этого собрание бурно запротестовало, единодушно потребовало лишения его слова, и Герасимов, несмотря на возражения президиума, должен был удалиться. Другой случай имел место в станице Михайловской, где одним из крестьян была прочитана «декларация» эсеровско-баптистского характера (приложение № 3)². Но и эта декларация успеха не имела, и оратор после собрания стухевался.

На рабочих собраниях наиболее существенными вопросами, вокруг которых происходят все прения, являются следующие: 1) безработица, 2) тяжелые жилищные условия, 3) спецедеческие настроения³, 4) затруднения с хлебом, 5) недостаток промышленных товаров, 6) уравнивательные тенденции и 7) вопрос о растратах. Не было ни одного собрания, на котором остро не выступал бы вопрос о растратах. Общие нарекания на то, что растратчиков судят слишком мягко. Политика индустриали-

зации, само собой понятно, находит со стороны рабочих всеобщее одобрение и принимается с энтузиазмом. Женщины, кстати сказать, выступающие весьма активно на всех собраниях, остро ставят вопрос о водке и пьянстве, требуют больше внимания к вопросам создания яслей, общественных столовых, прачешных и всего того, что разгрузило бы женщину от домашней работы.

На крестьянских собраниях наиболее активно обсуждался вопрос о культурной отсталости деревни, об усилении темпа строительства школ, о тяжести сельхозналога. Настроение повсюду, как я уже указывал, вполне здоровое. Только в деревнях, расположенных поближе к городам, преобладали лозунг «даешь» и тенденции к рвачеству. Интересно, что почти во всех сельских районах, где мне удалось побывать, крестьянство тратит в два раза больше средств на водку, чем платит сельхозналога. Между тем, нигде со стороны крестьян не было предложения прекратить продажу водки, а повсюду было много нареканий на сельхозналог, особенно среди средняцкой* части населения. Против водки выступали только женщины. Крестьянки тоже весьма активны, а среди батрачек, даже в самых глухих углах, имеются очень способные общественницы, могущие толково выступать и хорошо формулировать свои мысли. Почти на все собрания являлись кулаки-лишенцы. Их тут же сами крестьяне устанавливали и удаляли с собрания, причем защитников кулаков почти не приходилось встречать. Слово «кулак» теперь самое страшное в деревне; крестьянин физически боится этого слова, нередки случаи, когда заведомый кулак уничтожает скот и сокращает свое хозяйство для того, чтобы избежать этого названия.

Активно ведет себя комсомол. Повсюду имеются комсомольские ячейки, даже в казачьих районах, но руководство деревенскими комсомольскими ячейками слабое, и нередко комсомольцы, благодаря отсутствию этого руководства, становятся в хвосте массы и выражают хвостистские настроения.

Посещаемость перевыборных собраний значительно возрасла по сравнению с прежними перевыборами, но все-таки она не такова, как пишется в официальных отчетах. В Сталинградском округе по тем сведениям, которые были в моем распоряжении на 24/11, общий % посещаемости редко переваливал за 60, а во многих случаях не достигал и 50%, например: Клецкий, Еловоевский, Нижне-Мирский и Ленинский районы. В газетах приходилось встречать сведения, явно дутые, о 80 и 90% посещаемости. Я думаю, что достигнуть процента посещаемости, близкого к 100, физически невозможно при нынешней системе, когда собрания назначаются в один день и все члены семьи прикрепляются к одному участку, потому что сразу всем уйти из дому невозможно, не на кого оставить маленьких детей и скот. Я полагаю, что в будущем надо семьи делить пополам и прикреплять к разным участкам; это даст возможность поочередного участия на перевыборах. В некоторых местах (Урюпино) во время перевыборов женщины приносили маленьких детей в школы, где были организованы импровизированные ясли под наблюдением пионеров. Это начинание следует признать полезным.

Все внимание местных органов было сосредоточено на перевыборах и хлебозаготовках. Несмотря на указания правительства и партии о подготовке к посевной кампании и об очистке семян, я на местах никакой заинтересованности к посевной кампании до начала февраля не обнаружил. Местные власти все ожидали каких-то указаний сверху, от районов и округов. Эти указания запаздывали, а триера и зерноочистительные машины лежали без действия и часто неисправные (Владимирский район). В станице Глазуновской председатель сельсовета даже не знал точно, сколько у него триеров. Он сказал мне, что работают два триера, а по проверке оказался всего один, другой же — безнадежно неисправный. Передовицы «Правды» и «Известий» по вопросам посевной кампании в качестве руководящего материала не признаются, хотя получают гораздо раньше, чем соответствующие циркуляры по линии исполкомов и партийных организаций.

III. В Ы В О Д Ы

1) Местные ячейки и районные комитеты партии почти повсюду выявили делячество и хвостизм. В прениях руководители ячеек выдвигали на первый план местные нужды (колодцы, дороги, школы, клубы и т. п.), предлагали сократить ассигнования на индустриализацию страны на миллион-другой и удовлетворить эти нужды, которые они считали самыми существенными.

2) Раздувание значения местных вопросов. Астраханские товарищи на всех собраниях ставят вопрос о важности укрепления берега и обвалования Волги во всем ее нижнем течении, начиная от Сталинграда, в целях предохранения населения от наводнений. Канал и укрепление берега в таком виде, как оно предлагается местными партийными и советскими органами, будут стоить сотни миллионов рублей. Имеет ли смысл такая затрата денег в ближайшую 5-летку — сомнительно; но тем не менее брожение в умах происходит. Там же вы-

* Так в документе.

4) Самокритика надлежащим образом нигде не развернулась. Повсюду были жалобы на зажим. Мне лично на многих собраниях пришлось столкнуться с тем, что президиум требовал четкой подписи под каждой запиской и учинял допрос выступавшим ораторам о том, кто они, где служат и т. д. Мои объяснения, что это вовсе необязательно, что я буду отвечать на записки и без всякой подписи, принимались массой с одобрением. Особенно эти явления заметны в селениях Астраханского и Сталинградского округов, но и на заводах были серьезные жалобы, например: Электролес в Сталинграде, Саратовская мануфактура.

5) Растраты и борьба с ними. Этот вопрос многих сильно волнует. Господствует мнение о значительных растратах в нашем социалистическом строительстве; сильно недовольство мягким отношением судебных органов к растратчикам. Во многих случаях мне приводили фамилии лиц, растративших по 10–15 тысяч и более и просидевших за это в тюрьме всего несколько месяцев. Озлобление рабочих против растратчиков объясняется еще разрывом между газетной шумихой вокруг отдельных растрат и судебными приговорами. Газеты, как правило, поднимают вокруг каждого случая большую возню, например: дело председателя Саратовского горсовета Акимова, растраты в центральных кооперативах в Астрахани и Сталинграде. А судебные органы, как правило, выносят слишком мягкие решения, не удовлетворяющие рабочих.

6) О сельхозналоге. Систему взимания сельхозналога, применявшуюся в истекшем году, следует признать неудачной. Почти во всех округах было допущено переобложение. В Хоперском округе налоговые списки и окладные листы менялись три раза и были весьма часты случаи, когда со средняка взималось 100 руб. налога, затем 20 возвращалось обратно, потом возвращалось еще 30 рублей. Дробление семей и раздел имущества в Хоперском и Сталинградском округах приняли повальные формы, т. к. закон сильно ударяет по большим семьям. Сильно переобложение зерновых посевов. Новый проект закона все эти недостатки устраняет. Первые сведения о нем были получены по радио еще во время моего нахождения на местах; мероприятия, проэктируемые новым законом, всемерно одобрялись бедняцкой частью крестьянства и особенно средняками.

7) Беднота. Как правило, бедноте уделяется мало внимания. Бедноту стали собирать и работать с ней только в связи с перевыборами. Из отпускаемых правительством средств бедноте даются мелкие подачки, а не серьезная производственная помощь. Между тем настроение бедноты повсюду очень хорошее, несмотря на недостаток хлеба. Она сама ставит вопрос об отказе от подачек, об организации ее в колхозы и об оказании ей производственной помощи.

8) Колхозы. Идея колхозов прививается лучше, чем я предполагал. Крестьянство интересуется ими и охотно идет в них; особенно полезны в этом деле демобилизованные красноармейцы и краснофлотцы. Например, даже в богатом казачьем Хоперском округе имеется около 700 колхозов, владеющих сотней тракторов. Среди этих колхозов имеются и ложные колхозы, в которых укрываются кулаки, есть и бесхозяйственные, рассчитывающие только на подачку от государства; но значительная часть стоит на пути здорового развития. Одно нужно определенно сказать, что сейчас крестьянство требует агитации за колхозы не рассказом, а показом. Колхозы должны демонстрировать крестьянству свои успехи, агитировать фактом своей успешной работы. Между тем, мне жаловались в Астраханском округе (Владимирский район), что даже хорошие колхозы с большими достижениями замыкаются в себе и крестьян для ознакомления допускают неохотно.

9) Борьба с сусликом. Ведется недостаточно хорошо, и от него чрезвычайно страдают селения, расположенные по нижнему течению Волги и в Хоперском округе. Борьба химическими средствами в прошлом году была произведена кустарно. Суслика выкуривали с одного места — он переселялся в другое, а не уничтожался. Повсюду жалобы на то, что Госторг стал принимать шкурки хорька, в связи с чем хорек поголовно уничтожается, а хорек для суслика, все равно что кошка для мышей, самый верный истребитель. Говорят, что до революции в тех местах, где водится суслик, истребление хорька воспрещалось.

10) Агрономов, как правило, повсюду недостаточно. Материальное положение их незавидное: агроном получает столько же, сколько машинист на мельнице, между тем последний работает 8 часов и имеет собственное хозяйство, а у агронома рабочий день не ограничен и ведение собственного хозяйства для него исключено. Агроном загружается бумажной работой, составлением всяких ведомостей и донесений, на полях и в крестьянских хозяйствах бывает редко, что вызывает большие нарекания крестьян.

11) О задачах обороны страны и о содействии Красной Армии повсюду умалчивается. В предвыборных воззваниях этот лозунг обходится молчанием. Впервые упоминание о нем появилось в резолюциях только после моих докладов и указаний на это. А между тем ЦК партии в своем обращении от 1/1 ставит этот лозунг на первое место.

12) Невнимание местных властей к демобилизованным красноармейцам и командирам запаса. 3-процентная броня выполняется кое-как, командиры сажаются на должности, оплачиваемые низко, при первом случае от них стараются отделаться, биржи труда демобилизованным красноармейцам работу вне очереди не предоставляют, коммунальные отделы комнат не дают.

13) Лишение права голоса часто происходит по усмотрению. В станице Глазуновской, где я подробно ознакомился с этим вопросом, лишали права голоса бедняков, середняков, учителей без всяких

на то оснований. В списке я не нашел ни одного лишенца-кулака, но зато были рабочие и батраки, лишенные за службу в белой армии. Семьи бывших стражников и полицейских тоже лишаются права голоса. Некоторые были лишены голоса за то, что, по объяснению избиркома, «мешают работать», причем эта помеха выражалась в том, что не все поступки местных работников одобрялись и кое-что они позволяли себе критиковать. Хоперский окружком заслушал мой доклад по этому вопросу и восстановил ряд лиц, неправильно лишенных голоса.

14) Недостаточное ознакомление рабочих масс с нашим социалистическим строительством. В газетах, в том числе и в «Правде» и в «Известиях», отдел наших недочетов в строительстве преподносится в очень удобоваримой и популярной форме — краткие заметки с рисунками и стишками. Это читается всеми, о похождениях инженера Глагольева, о здании Московского телеграфа, о недоразумениях с Туркестано-Сибирской железной дорогой⁴ все читали и все знают. А положительная часть нашего строительства преподносится газетами в виде докладов, занимающих целые полосы, или в виде длинных и неудобоваримых резолюций партийных и советских органов, или в виде цифровых выкладок Госплана. Этот материал усваивается рабочими с трудом, читается не всеми, и отсюда получается диспропорция.

15) Отчетные доклады правительства — весьма разумная мера, и самый факт их производит огромное впечатление на рабочих и крестьян. Местная пресса уделяла отчетным собраниям большое внимание. Исключение представляет только Астраханский «Коммунист». Эта газета почему-то за все время моего пребывания в Астрахани не дала ни одного отчета о рабочих собраниях. А между тем в Астрахани рабочие собрания были весьма многолюдны, активны и давали огромный материал для газеты. Этот материал остался неиспользованным.

- Приложения:
- 1) Маршрут.
  - 2) Перечень сделанных докладов⁵
  - 3) Записка, поданная крестьянином в ст. Михайловской.

Муклевич⁶.

20 февраля 1929 г.

РГАВМФ. Ф. р.—1483. Оп. 1. Д. 206. Л. 132–140. Копия. Машинопись. Подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Организационное бюро ЦК ВКП(б) — исполнительный орган ЦК партии, существовавший в 1919–1952 гг.
- 2 См. документ № 2.
- 3 Вероятно, речь идет о неприязненном отношении рабочих к т. н. «спецам» (специалистам, в данном случае инженерно-техническому персоналу предприятий).
- 4 Сведений о фактах, лежавших в основе упоминаемых здесь газетных публикаций, не обнаружено.
- 5 Не публикуется.
- 6 Муклевич Ромуальд Адамович (1890–1938) — советский военный деятель. В 1912–1917 гг. матрос и унтер-офицер царского флота. В 1917 г. член Петроградского совета и Военной организации при ЦК РСДРП. В 1918–1921 гг. участвовал в гражданской войне на Западном фронте (с апреля 1921 г. член РВС Западного фронта). В 1922–1925 гг. комиссар Военной академии РККА. В 1925–1926 гг. помощник начальника Военно-воздушных сил РККА. С августа 1926 г. начальник Военно-морских сил РККА и член РВС СССР. С 1931 г. инспектор ВМС РККА, с 1934 г. начальник Главного управления судостроительной промышленности, с 1936 заместитель наркома оборонной промышленности. Член ЦИК СССР и ВЦИК ряда созывов. Репрессирован.

№ 2

Записка¹, поданная неизвестным крестьянином на собрании в станице Михайловской

Тов. Муклевич

По прибытии с служебных общественных работ меня встречают земледельцы, не получившие билеты, и просят от них выступить меня. А я тоже не получил билета, но я уполномоченный от о-ва и общработник, чл. союза, секретарь избиркома и т. д.

Недовольная сторона:

1. Почему нет союзов хлеборобов?
2. Где нормирующий орган труда для земледельца, отставшего на 92% против рабочих и служащих?
3. Где охрана его труда и страхование (мы хуже быка и лошади), они за смерть получают, но мы ни за роды, ни за болезнь, ни по безработице, ни за смерть.
4. Куда зовут нас безголосых разъединенных, каждый по-своему с ума сходит и идет.
5. Крутом опасность благодаря нашей невоспитанности и лишению нас прав общественной защиты Союза. Где наш свет в окна, электрофикация, где спецодежда, содержание и проч., наш черный сухой хлеб, где 7–8 часов работы? Крутом 20, а заработок 80 руб. в год. Возьмите пример: две лошади и 1 домохозяйин с женой без семьи — сколько вы им заплатите, как спецам-хлеборобам по работе их в поле?
6. Нас звали в партию. Скажите, сколько явилось? Только кои занимались сами земледелием.
7. Зовут в коллективы, совхозы, коммуны:
Разберите — деревянные вилы, влево трехражки железные — вправо пятиражки железные, сзади кипящий котел смолы — вперед[и] луна, сверху, солнце, внизу под землей. Я крестьянин при луне впотмах путь свободный — демократический, куда хош, туда вступай — добровольно.
8. Кое-кто из собравшихся понимает общественность и будущее, но все же шагает если не вперед, не видя котла с смолой, так ждет солнца, когда взойдет.
Все недостатки упраздним, необходим свободный крестьянский труд. (Если признана собственность, ее нужно при ограничении удержать, предоставив льготы конкуренции выделяющимся.)

О налоге.

9. Не более чем на 1–2 года упразднить вышибание средняка от кого только и есть излишки, а от нас их ждать рано, а наоборот перевести на души трудоспособные 10–20 руб. или 10–20 дней работы общественной, а трудоспособных (детей) если просто снижать за каждого 2–3 руб. с трудоспособных, а если внимание разгрузки детей и беспризорных 5–7 р. за каждого нетрудоспособного с трудоспособного.
10. К чему ограничения и сокращение кредитов бедноте для поддержания и поднятия сельского о-ва, тогда как прошлые 1920–24 гг. брали семя для еды, теперь нет. Давно этого и убытков от этого не будет так остро, как раньше, а 10% покроют остальные взявшиеся 90%, а этим мы теряем больше.
Дух контрреволюции нас не возьмет, т. к., учитывая положение наследия прошлого, мы понимаем, что нам дали, чего недодали и чего нужно бы ожидать от прошлого отжившего.

РГАВМФ. Ф. р—1483. Оп. 1. Д. 206. Л. 144–144 об. Копия. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 В документе № 1 речь идет о «декларации», прочитанной крестьянином. Публикуемая записка и является текстом этой «декларации», переданным Р. А. Муклевичу.

Публикация **Алексея БОЧАРОВА**
г. С.-Петербург

«95 Воспоминаний»

Советское время оставило огромный коллективный труд под названием Лениниана. Интерес к личности, перевернувшей российскую историю, был чрезвычайно велик в течение многих десятков лет и не угасает в настоящее время. ЦК КПСС внимательнейшим образом контролировал работу авторов Ленинианы, заботясь о незыблемости хрестоматийного образа вождя. Свидетельства неусыпного контроля хранятся сейчас в архивных делах Центра хранения современной документации. Публикуемые документы воспроизводят любопытную историю воспоминаний о В. И. Ленине одного из его сподвижников, советского партийного и государственного деятеля Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Портрет В.Д. Бонч-Бруевича. Холст, масло. 1940 г.

№ 1

**Письмо В. Д. Бонч-Бруевича¹
Председателю Совета Министров
СССР Г. М. Маленкову. Не позднее
4 февраля 1954 г.***

На документе имеются записи:

«Тов. Хрущеву Н. С.

Прошу ознакомиться с письмом
т. Бонч-Бруевича.

Нельзя ли поручить т. Поспелову выслушать тов. Бонч-Бруевича, разобраться в этом вопросе и принять меры.

29/1

«Тов. Поспелову П. Н.

Н. Хрущев

3. II. 1954 г.».

Г. Маленков».

* Письмо не датировано. Зарегистрировано в Общем отделе ЦК КПСС 4 февраля 1954 г.

«В архив — хранить»

Тов. Бонч-Бруевич В. Д. был на беседе у тов. Поспелова П. Н. 28 июля 1954 г.

Рукопись «В. И. Ленин об устном народном творчестве» передана для публикации в журнале «Советская этнография».

12/VIII-54 г.».

А. Соловьев²

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Максимилианович!

Решил обратиться к Вам по одному очень важному для меня вопросу и прошу Вас уделить время на его решение.

Мне выпала счастливая доля в жизни быть знакомым и работать вместе с Владимиром Ильичом с 1894 года. За это долгое время мне есть что вспомнить из очень частого общения с Владимиром Ильичом, начиная с дней подпольной конспиративной партийной работы в Московском Рабочем Союзе, которая совершалась под руководством Владимира Ильича в 1894–1895 гг., когда в это же время мне приходилось часто сноситься с ним и в Москве, и в Петербурге, куда я доставлял ему для «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» литературу, шрифты для нелегальной типографии, где печатались брошюры «О штрафах», «Царь-голод», «Ткачи», «Рабочий день», а также mimeографы для печатания прокламаций, листовок и пр.

С этого началось и так продолжалось после, почти до дней его тяжелого заболевания, сведшего его в могилу.

До 1937 г. я довольно много писал, рассказывая рабочим о жизни и деятельности Владимира Ильича, о его соратниках по партии, отдельных эпизодах нашей партийной революционной жизни, и не имел ни одного замечания ни со стороны руководящих органов Партии, ни со стороны нашей партийной и советской *прессы* и общестственности. Некоторые мои работы имели большой успех и перепечатывались во множестве газет, журналов, издавались большими тиражами брошюрами, книгами и переводились на языки наших советских республик и на европейские языки. Некоторые книжки и брошюры были напечатаны в нескольких повторных изданиях. После войны все как рукой отрезало: все о В. И. Ленине стали запрещать печатать. По установленному правилу издательства, журналы, газеты, все что ни напишешь, где упоминалось о покойном Владимире Ильиче, *отсылалось в ИМЭЛ* и все подряд ИМЭЛ запрещал под всевозможными совершенно невразумительными предложениями.

За все это время из мною вновь написанного мне с трудом удалось напечатать фельетон «Мать Владимира Ильича», которую я очень хорошо и близко знал, могу сказать — дружил с ней. Я ее вместе с Анной Ильинишной и хоронил на Волковом кладбище. Этот мой рассказ был перепечатан во множестве газет, и я рад, что мне удалось это сделать в память этой чудесной старушки, печальной страдальце за своих детей. Все же другое запрещалось.

Позвольте мне остановиться на самом последнем случае. В *конце апреля* 1953 г. я послал мою работу, при сем прилагаемую, которой я дал заглавие «В. И. Ленин об устном народном творчестве», в журнал «Советская этнография» Академии наук СССР. Через несколько дней я получил ответ от редакции, что статью приняли и что ее пустят в ближайший номер.

5-го мая 1953 г. я получил от редакции этого журнала нижеследующее письмо:

«Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вашу статью «В. И. Ленин об устном народном творчестве» мы, согласно существующему положению, направляем в ИМЭЛ. По получении оттуда ответа сообщим Вам о результатах.

С искренним к Вам уважением

И/о ответ. секретаря редакции

«Советская этнография»

О. А. Корбе».

17-го июня 1953 г., т. е. через полтора месяца, хотя на чтение статьи надо было затратить самое большое три часа, я получил новое письмо от редакции того же журнала следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

К сожалению, ИМЭЛ, которому мы посылали на апробацию Вашу статью, предложил нам воздержаться от ее опубликования. Возвращаем Вам рукопись. С искренним к Вам уважением

И/о ответ. секретаря редакции журнала «Советская этнография» О. А. Корбе».

Здесь повторилось все то же, что и раньше: без объяснения причин печатать работу запретили.

Так как никакой рецензии на эту мою работу написано не было и так как узнать, хотя бы устно, мнение этого неведомого ни мне и никому рецензента никак было нельзя, ибо на телефонные вопросы редактора никакого ответа, кроме слов «надо воздержаться», не последовало, то я стал изучать те карандашные знаки, которые были рассеяны по полям моей рукописи. Я убедился, что никаких возражений по существу нет. Все знаки относятся к способу выражений, отдельным словам и пр., т. е. то, что совершенно несущественно, ибо каждый пишет своим языком, имеет свой стиль.

Я прошу Вас разрешить мне напечатать эту мою работу в журнале «Советская этнография» АН СССР, редакция которого желает напечатать эту мою статью.

Кроме того, я просил бы сообщить мне, разрешает ли Партия и Правительство современникам Владимира Ильича печатать свои работы, где приходится говорить о Владимире Ильиче, и, в частности, могу ли я продолжать свои работы именно в этом направлении? Я, например,

* Курсивом выделены исправления, внесенные В. Д. Бонч-Бруевичем в текст машинописного письма. — *Ред.*

написал книжку под заглавием «Смерть и похороны Владимира Ильича». Еще в 1951 г., не знаю почему, И. В. Сталин, через Поскребышева, затребовал к себе эту мою рукопись. Через четыре дня я получил по телефону от Поскребышева сообщение, что я могу печатать ее в Политиздате и что рукопись передана Кузнецову в ЦК ВКП(б), который внесет некоторые поправки. Кузнецова я лично не знал и снесся с ним по телефону. Он сказал мне, что в двух-трех местах он внесет маленькие поправки и через два дня пришлет мне рукопись для печати. Так как через два дня я мою рукопись не получил, то через шесть дней я позвонил по данному мне телефону к Кузнецову и получил ответ, что он более не работает в ЦК. А на мой вопрос, где же мне теперь его отыскивать, мне ответили: «Не знаем. Он, кажется, выбыл на Дальний Восток». Я спросил: кому же он передал дела и мою рукопись? — мне ответили: «Не знаем».

Так и пропала эта моя рукопись в ЦК у Кузнецова, а в ней было около восьми печатных листов. Мне стоило большого труда ее восстановить, но я не знаю, в силе ли осталось это разрешение и можно ли вообще писать теперь о смерти и похоронах Владимира Ильича, превратившихся в великую демонстрацию всенародной любви к нашему незабвенному вождю, начинателю всей новой жизни русского и иных народов, населяющих С.С.С.Р., теоретическому обоснователю и практическому осуществителю нашего социалистического государства, государства нового типа, великого вождя социалистической революции.

Прошу Вас, укажите мне, можно ли обо всем *этом* писать, и не только писать, но печатать в журналах, газетах, в издательствах брошюрами и книгами, без той все запрещающей о Ленине цензуры, которая была установлена приблизительно с 1937 года, т. е. вот уже более пятнадцати лет. Современники Владимира Ильича, работавшие с ним и под его руководством многие годы революционной борьбы и деятельности, все более и более исчезают из жизни по разным причинам, и вскоре никого не останется. Не надо ли хотя бы сейчас дать им возможность сообщить все, что они знают, для нашей истории?

В частности, прошу мне разрешить печатать мои работы-очерки из истории трех революций, живейшим участником которых я был, и не обходить в этих работах священную жизнь, деятельность, работу и борьбу Владимира Ильича.

Буду чрезвычайно благодарен Вам за ответ мне на эти мои, для меня животрепещущие, вопросы. С коммунистическим приветом и глубоким и искренним к Вам уважением

Влад. Бонч-Бруевич

Р. С. По миновании надобности рукопись прошу мне вернуть.

В. Б. Б.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 16. Д. 680. Л. 1–6. Подлинник. Машинопись. Подпись—автограф.

№ 2

Записка П. Н. Поспелова³ и В. С. Кружкова⁴ в ЦК КПСС Не позднее 4 февраля 1954 г.*

Тов. Бонч-Бруевич В. Д. обратился с письмом на имя тов. Маленкова Г. М., в котором он жалуется, что с периода Великой Отечественной войны в журналах и газетах перестали печатать его воспоминания о В. И. Ленине. Тов. Бонч-Бруевич просит разъяснить, может ли он продолжать писать о В. И. Ленине, а также разрешить ему издать брошюру «Смерть и похороны Владимира Ильича».

В связи с этим докладываем:

Воспоминания тов. Бонч-Бруевича о В. И. Ленине печатались в газетах, журналах и отдельными брошюрами много раз, всего опубликовано 95 его воспоминаний. Кроме того, воспоминания о В. И. Ленине содержатся в ряде его других работ. Ни один из авторов, близко знавших В. И. Ленина, не написал так много воспоминаний о В. И. Ленине, как тов. Бонч-Бруевич.

Об одних и тех же событиях из жизни и деятельности В. И. Ленина тов. Бонч-Бруевич писал по несколько раз. Так, о возвращении В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. воспоминания т. Бонч-Бруевича публиковались 19 раз; о покушении на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. — 24 раза; воспоминания «Как проводил Ленин Первое Мая» печатались 15 раз; воспоминания «Как Владимир Ильич писал Декрет о земле» публиковались в 8 газетах. По многу раз печатались и другие воспоминания тов. Бонч-Бруевича.

Тов. Бонч-Бруевичу Институтом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина оказывалась серьезная помощь в его литературной работе. Так, в 1948 г. для литературных работ ему было выдано на дом

* Записка не датирована. Зарегистрирована в Общем отделе ЦК КПСС 4 февраля 1954 г.

(в порядке исключения, по разрешению Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС) 161 копия историко-партийных документов.

Статья тов. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин об устном народном творчестве», направленная в журнал «Советская этнография», страдала целым рядом серьезных недостатков, поэтому Институтом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина было рекомендовано редакции журнала воздержаться от ее публикации. Нами дано указание редакции журнала «Советская этнография» напечатать эту статью, потребовав от автора доработки и уточнения фактов.

Считаем, что просьбу тов. В. Бонч-Бруевича разрешить напечатать его брошюру «Смерть и похороны Владимира Ильича» удовлетворять не следует. В связи со смертью и похоронами В. И. Ленина им написаны и опубликованы воспоминания уже 16 раз; издавать эти воспоминания отдельной брошюрой нецелесообразно.

Следует отметить, что воспоминаниям т. Бонч-Бруевича свойственен очень серьезный недостаток — он обычно преувеличивает свою роль и тем самым не совсем точно передает описываемые им события. Это вызывает со стороны редакций журналов и газет по отношению к его статьям обоснованное критическое отношение.

П. ПОСПЕЛОВ
В. КРУЖКОВ

Там же. Л. 7–8. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бонч-Бруевич В. Д. (1873–1955) — советский партийный и государственный деятель, доктор исторических наук. Член КПСС с 1895 г. Сотрудник «Искры», «Вперед», «Правды». Организатор ряда большевистских газет и издательств. Участник трех революций. В 1917–1920 гг. управляющий делами СНК. Выполнял множество неотложных дел, порученных В. И. Лениным. Имеет труды по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, сектанству, этнографии и литературе. Написал воспоминания о В. И. Ленине.
- 2 Соловьев А. А. — помощник секретаря ЦК КПСС Поспелова П. Н.
- 3 Поспелов П. Н. (1898–1979) — советский партийный и государственный деятель, историк, академик АН СССР. Член КПСС с 1916 г. В 1949–1952, 1961–1967 гг. директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1967–1979 гг. член Президиума АН СССР. В 1953–1960 гг. секретарь ЦК КПСС. Член ЦК ВКП(б)—КПСС в 1939–1971 гг. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1957–1961 гг. Имеет труды по истории КПСС. Член авторского коллектива и редактор «Истории гражданской войны в СССР», «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», «Истории Коммунистической партии Советского Союза», научной биографии В. И. Ленина. Лауреат Государственной премии СССР.
- 4 Кружков В. С. — заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Публикация
Татьяны КУЗЬМИЧЕВОЙ

«Пью за тех, которые хотят жить»

ТОСТЫ И. В. СТАЛИНА НА ПРИЕМЕ ПАПАНИНЦЕВ В КРЕМЛЕ
17 МАРТА 1938 ГОДА

Публикуемый текст извлечен из так называемого «архива 14-го тома Сочинений товарища Сталина» в бывшем Центральном партийном архиве. Как известно, выходявшее с 1946 г. собрание сталинских сочинений не было завершено изданием, в 1951 г. по неизвестным причинам оборвавшись на 13-м томе. В 1967 г. под руководством советолога доктора Роберта Мак Нила Гуверовский институт войны, революции и мира (Стэнфорд, США) издал три завершающих тома «Сочинений» Сталина. В 1997 г. в Москве аналогичная попытка была предпринята Р. И. Косолаповым. Ни в одно из указанных изданий публикуемый текст не включался; не вошел

он и в подготовленный работниками Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) макет 14-го тома, тиражированный в 1956 г. в небольшом количестве. Архивный подлинник представляет собой выправленную стенограмму (машинопись). Читателям «Источника» он предлагает любопытную экскурсию в весеннюю Москву 1938 г. — город, где несколько дней назад окончился судебный «процесс 21-го» (Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский, Ягода и др.), куда приехали после арктической эпопеи зимовщики станции «Северный полюс» — папанинцы и где прозвучал гимн таланту, отваге и мужеству человека, спетый «кремлевским горцем».

СТАЛИН. Товарищи, товарищ Чкалов¹ — человек способный, талантливый, человек, каких мало не только у нас, в СССР, но и во всем мире (аплодисменты). Там, на Западе, во Франции, в Германии, в Англии, в Америке, героев не создают, уверяю вас.

Вот интересное дело. Папанин со своей группой переживал на льдине большой кризис². Стало нам известно, — раньше мы этого не понимали, — что лед, идущий от Полюса, прибывает к гренландским берегам, а если людишки имеются на льдине, они погибают. Раньше мы об этом не знали, потом узнали, встрепенулись. Шмидт³ говорит, что ничего опасного нет. Мы стали его ругать — неверно это. В конце марта он хотел начинать кампанию. А мы говорим: нет уж, извините, начинайте сейчас. Норвежцы обратились к нам с предложением о помощи. Какая помощь — курам на смех! У нас, мол, на берегах Гренландии имеются рыбаки, если папанинцы пристанут туда, они им помогут. Мы им говорим: спасибо за помощь, помогите чем можете. Какой-то летчик, вероятно жулик большой, предлагает облетать те места и оказать помощь. Мы говорим: милости просим, помогайте. А сами-то знаем, что эти сволочи — я извиняюсь за грубое выражение — никакой серьезной помощи оказать не могут. Они только прикидываются. Ну какая тут выгода, по-иностранному профит? Вот ежели есть прибыль, выгода, профит, тогда немножечко можно помочь, но только без риска. Ежели с риском, там и капиталы потеряешь, и людей потеряешь. Так они рассуждают.

Мы для внешнего блеска сказали, что благодарим, готовы оказать всякое внимание помогающим, а вместе с тем наших товарищей мобилизуем, дескать — помогайте. Пошел один ледокол. Мало? Гони другой. Пошел другой. Мало? Гони третий. Пошел третий. Мало? Гони четвертый. (Бурные аплодисменты.)

Денег будет израсходовано страшно много, непонятно это европейцам и американцам. Но мы считаем: находятся в беде четыре человека талантливых — спасем их обязательно⁴. Чего это стоит, никто из европейцев или американцев оценить не может. Нет такого критерия в мире, чтобы оценить человека. Есть одна цель: прибыль, выгода, профит. Но вот оценить смелость человека, героизм, сколько рублей это стоит, каких капиталов это стоит, человек малоизвестный, но герой, который врывается в спокойную атмосферу и все переворачивает, — никому это не известно. А мы решили: никаких денег

Чкалов, Беляков, Байдуков. Перелет Москва—США. 1937 г.

не жалеть, никаких ледоколов не жалеть. Товарищ Шмидт, у вас там ледоколы застряли на Севере (смех), застряли там, где им застревать не следовало бы. Поехал первым Ульянов — вот мужик, морской волк! Маленький бот у него, как он там трепыхался — вы же знаете, ребята! Шмидт ему говорит: ты посмотри кромку. А черта ли в этой кромке, там люди сидят, четверо героев.

Так вот, товарищи, за то, чтобы европейско-американский критерий прибыли, выгоды, профита у нас был похоронен в гроб.

За то, чтобы люди научились ценить смелых, талантливых, способных людей, малоизвестных может быть, но цены которым нет. Кто знал Ширшова, Папанина, Федорова, Кренкеля? Кренкеля еще знали больше. Но мало их знали. Чего они стоят? Американцы сказали бы: «Ну, два доллара» (общий смех, аплодисменты). Французы сказали бы: «Десять тысяч франков». А франк стоит копейку. А мы говорим: героям нет цены, стоят они миллиарды.

За малоизвестных раньше, а теперь известных всему миру наших героев, за папанинцев!

За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними!

За то, чтобы мы, советские люди, усвоили, наконец, новую меру ценности людей, чтобы людей ценили не на рубли и не на доллары! Что такое доллар? Чепуха! За то, чтобы мы научились, как советские люди, ценить людей по их подвигам! А что такое подвиг, чего он стоит? Никакой американец, никакой француз, никакой англичанин вам этого не скажет, потому что у него есть одна оценка — доллар, стерлинг, франк. Только мы, советские люди, поняли, что талант, отвага, мужество человека — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков (слова товарища Сталина покрываются бурной овацией всех присутствующих).

Я еще не кончил.

Товарищ Чкалов говорит — «готов умереть за Сталина». Замечательно способный человек товарищ Чкалов, талант! (ЧКАЛОВ: За Сталина умрем!) Я очень извиняюсь за грубость, меня некоторые вообще считают грубым, — умереть всякий дурак способен (общий смех, аплодисменты). Умереть, конечно, тяжело, но не так уж трудно. Есть же у нас самоубийцы, которые умирают, но далеко не герои.

Я пью за тех, которые хотят жить (горячая овация), жить как можно дольше, за победу нашего дела!

ЧКАЛОВ. От имени всех Героев Советского Союза⁷ заверяю товарища Сталина, что мы будем так драться, как даже он не знает (тов. Чкалов сзывает всех присутствующих Героев Советского Союза).

СТАЛИН. За здоровье тех героев — старых, средних и молодых — и за здоровье той молодежи, которые нас, стариков, переживут с охотой! (Аплодисменты.)

ЧКАЛОВ. Никто из присутствующих здесь не захочет пережить Сталина (возгласы одобрения). Никто от нас Сталина не отнимет, никому не позволим Сталина от нас отнять. Мы можем сказать смело: надо легкие отдать — отдадим легкие Сталину, сердце отдать — отдадим сердце Сталину, ногу отдать — ногу отдадим Сталину.

СТАЛИН. Сколько вам лет?

ЧКАЛОВ. Мое сердце здоровее вашего, и я отдам его Сталину.

СТАЛИН. Сколько вам все-таки лет?

ЧКАЛОВ. Тридцать три.

СТАЛИН. Дорогие товарищи большевики, партийные и беспартийные, причем иногда бывает, что непартийные большевики куда лучше партийных! Мне 58 лет, пошел 59-й. Товарищу Чкалову —

тлидцать тли (шумный смех). Так вот, я вам советую, дорогие товарищи, не ставить себе задачу умереть за кого-либо. Это — пустая задача. Особенно за стариков, вроде меня. Самое лучшее — жить и бороться, бороться вовсю во всех областях нашей хозяйственной и политической жизни, в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области культуры, в области военной. Не умирать, а жить, жить и разить врагов (бурная овация).

Я пью за тех, которые, конечно, старикам и старушкам известный почет оказывают, но которые не забывают, что надо идти вперед от стариков и старушек. За людей, идущих вперед, за наших храбрых, мужественных, талантливых товарищей! За Чкалова, ему тлидцать тли года! (Смех, шум, аплодисменты.)

Папанинцы. 1937 г.

СТАЛИН. У меня маленькая поправка к тосту Шмидта. Поправка состоит в том, что товарищ Молоков — один из героев скромных, простых, которые боятся света и блеска, которые боятся шума и большого взрыва сочувствия к ним. Я пью за товарища Молокова не только потому, что он — герой, но потому, что он — скромный, простой человек, не требующий большого блеска (бурные аплодисменты).

СТАЛИН. За людей, которые чувства народные передают на сцене. За Москвина! (Привлекает Москвина к себе: «Таперича он попался, не уйдет от нас».) За Станиславского! Стоит ли за его здоровье выпить? (МОСКВИН: Стоит.) За Немировича-Данченко! Стоит за его здоровье выпить? (МОСКВИН: Стоит.) За Художественный театр! За Москвина, за Станиславского, за Немировича-Данченко и за всех тех, которые стараются через театр выражать чувства советского народа, чувства рабочих, крестьян, интеллигенции (тост товарища Сталина покрывается горячими аплодисментами).

СТАЛИН. Товарищи большевики, партийные и непартийные! Желают запрячь наших ребят в работу — Папанина и других. Я думаю, надо им дать отдых ден на десять. Пусть они дней 8–10 отдыхают, а потом можно их запрячь в работу. А вот у нас какие люди — ты приехал, давай запрягайся. Неправильно это, неправильно. Я пью за то, чтобы наши ребята — Папанин и его дружки — чтобы они дней 8–10 отдохнули безо всяких, а потом, спустя 10 дней, пусть народ обсудит, как с ними поступить. Поймите, ребята 9–10 месяцев страдали без жен. Я извинюсь, я буду говорить попросту. Они же одни там были с собакой Веселый, только и разговаривать с ней (общий смех). Так вот я и предлагаю дать ребятам

Папанинцы. 1937 г.

ему не верьте. Я его знаю. А вот я у жены Папанина спрашивал, она говорит: «Дней 10 отдохнуть, это минимум». (Общий смех.) Конечно, я ей верю больше, чем Папанину. Дать папанинцам отдохнуть дней 10, а потом посмотрим.

дней 10 отдохнуть, чтобы их ничем не нагружали за это время.

ПАПАНИН. Благодарю Вас, товарищ Сталин, за Вашу отцовскую заботу.

СТАЛИН. Какую отцовскую? Я — комсомолец! (Одобрительный смех.) Скорее он мне отец, а не я ему отец (смех).

Обязательно нужно им отдохнуть дней 10, а потом мы обсудим. Папанин не возражает, а мы согласны.

ПАПАНИН. Хотя завтрашний день на любую работу!

СТАЛИН. Это все — разговоры, вы

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 105–110.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чкалов Валерий Павлович (1904–1938) — летчик-испытатель. Герой Советского Союза. 18–20 июня 1937 г. вместе с Г. Ф. Байдуковым и А. В. Беляковым совершил беспосадочный перелет Москва—Ванкувер (США) через Северный полюс — впервые в истории человечества.
- 2 В 1937 г. в СССР была создана первая научно-исследовательская станция на Северном полюсе Земли. Экспедиция по организации станции готовилась в Москве, откуда на четырех самолетах вылетела в Арктику и 21 мая 1937 г. высадилась на полюсе. Работа станции «Северный полюс» в составе И. Д. Папанина, П. П. Ширшова, Э. Т. Кренкеля и Е. К. Федорова продолжалась до февраля 1938 г. на льдине, дрейфовавшей в Северном Ледовитом океане.
- 3 Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — академик АН СССР (1935), специалист в области математики, астрономии и геофизики, исследователь Арктики, Герой Советского Союза. В 1932–1939 гг. начальник Главсевморпути. В 1937 г. руководил экспедицией по организации дрейфующей станции «Северный полюс», а в 1938 г. — операцией по снятию персонала станции со льдины.
- 4 Четверка папанинцев была снята с дрейфующей льдины в Гренландском море ледоколами «Таймыр» и «Мурман» в феврале 1938 г.
- 5 В 1933–1934 гг. научная экспедиция во главе с О. Ю. Шмидтом на пароходе «Челюскин» находилась в плавании, целью которого было пройти Северным морским путем из Мурманска во Владивосток за одну навигацию. В Беринговом проливе пароход попал в ледовый плен, затем, вынесенный дрейфом в Чукотское море, был раздавлен льдами и затонул, а участники плавания высадились на льдину (подробнее см.: «Пароход не подходил для ледового плавания»: Версия капитана «Челюскина» В. И. Воронина//Источник. 1996. № 1(20). Публ. Ю. Хелемского). Семь советских летчиков в труднейших условиях полярной зимы совершили 24 рейса на дрейфующую льдину и спасли экипаж «Челюскина». Установленной в 1934 г. высшей степени отличия за героизм — звания Героя Советского Союза — впервые были удостоены летчики С. Леваневский, А. Ляпидевский, В. Молоков, Н. Каманин, М. Водопьянов, И. Доронин и М. Слепнев.

«ТЫ У МЕНЯ ОДНА...»

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА ЖЕНАМ (1941–1942)

Публикация хранящейся в архивах личной переписки — особое направление научно-исторической работы, особый род исторической публицистики.

Оставим в стороне эпистолярное наследие тех, кто загодя знал, что его письма пройдут через многие руки. С этими письмами все ясно. В них трижды взвешивалось каждое слово, каждая запятая.

Другое дело письма действительно личные, предназначенные единственному, особо доверенному адресату. Авторы таких писем более раскованны, более свободны в выражении своих мыслей, в оценках окружающего мира и происходящих событий. За строчками таких писем всегда отчетливо виден писавший их человек, личность во всем многообразии складывающих ее человеческих качеств. Ну а какой уж она предстает перед нами — это зависит от того, каким уродился, какой дорогой пошел...

Публикация личной переписки — дело щепетильное: каждый раз это вторжение в чужую жизнь. Для такого вмешательства у исследователя должно быть достаточно оснований.

У нас они есть.

Давно пора расставить точки в затянувшихся спорах об одной из самых черных страниц Великой Отечественной войны, в искусственно подогреваемых дискуссиях об одном из «героев», по вине которого эта страница и стала черной.

Публикуемые письма, как может показаться вначале, вовсе не перепутаны по недосмотру или халатности. Именно в такой последовательности они появлялись на свет. Письма — некоторые из них словно изготовлены в двух экземплярах — писались в одно время. За одним и тем же столом. Одной и той же ручкой. И часто с одной и той же почтой уходили в два адреса.

Письма публикуются без изъятий и сокращений. Краткость комментариев в отношении родственников и других лиц обусловлена этическими соображениями. Орфография, синтаксис и стиль автора сохранены в неприкосновенности.

«АНЯ», «АНИК» — Анна Михайловна Власова, в девичестве Воронина, 1906 г.р., односельчанка Власова и его жена с 1926 г. На момент появления писем расторгать свой брак с ней Власов, как можно понять, не собирался. Более того, в мае 1945 г. на Лубянке, заполняя анкету арестованного, Власов назвал только ее имя.

Арестованная в 1942 г., как жена изменника Родине, после вынесения Власову Военной коллегией Верховного суда СССР еще заочного приговора — восемь лет, расплачиваясь за предательство мужа, провела в лагерях. Последние годы жила в Балахне. Реабилитирована в 1992 г.

«АЛЯ», «АЛИК» — Агнеса Павловна Подмазенко, 1917 г.р. В 1941 г. окончила Харьковский мединститут. Призванная на военную службу и направленная в Действующую армию под Киев, служила врачом в штабе 37-й армии, которой командовал Власов. Молодая женщина приглянулась генералу. Скрыв от нее, что уже давно женат, Власов предложил ей выйти за него замуж. Получив согласие, Власов сказал, что все формальности берет на себя — во всяком случае, как позже А. Подмазенко показала на допросе, сама она ни в один из киевских загсов для оформления брака не ездила, поверив Власову на слово, что их отношения официально узаконены.

История обороны Киева летом 1941 г. общеизвестна. Потеряв управление рассеянными противником частями, Власов вместе с Подмазенко в течение пяти недель был в окружении. 1 ноября 1941 г. они вдвоем прибыли в г. Курск. Назначенный командовать 20-й армией, оборонявшей Москву, Власов взял Подмазенко с собой. Отсюда она уехала к матери в тыл, чтобы родить от Власова ребенка.

Считая себя женой генерала, Подмазенко указывала это во всех документах, за что и поплатилась: в 1943 г. А.П. Подмазенко, как и А.М. Власова, по решению Особого совещания получила пять лет лагерей. Кроме того, она отбыла и ссылку. Реабилитирована в 1989 г. Умерла год назад.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день милая и дорогая Аня!

Прежде всего прости за то, что так долго ничего не писал. Вина не моя — был в длительной командировке. Вернулся 1-го ноября и сразу же послал тебе письмо через Ивана Ивановича Волкотрубенко¹, которого я видел лично, также видел Панюхова². Получил твои письма. Но я у них был очень мало, немного болел, но быстро поправился и поехал в Москву. Здесь видел Яковлева. Ну конечно и Колю с Таней³. У них все почти по старому. Москва живет нормальной жизнью. Коля стал милиционером. Я теперь буду бить фашистов, вернее уже бьем их и гоним далеко от Москвы. Морозов фашисты очень боятся, а мы выкуриваем их из хат и бьем. Дорогая и милая Аня очень прости еще раз за то, что так долго ничего не писал. Я знаю, что ты-сильно волновалась, но пойми, что я не виноват. Сейчас восстановили связь и буду писать очень часто. О себе напишу, что я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). В остальном здоров. Зубы не болят. Пиши как твое здоровье и как живешь. Получаешь ли деньги и сколько. Пиши что тебе необходимо. Пришлю посылкой. У меня все есть о мне не беспокойся. Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки — все есть не беспокойся. Кормят очень хорошо. Вообще наша жизнь теперь стала веселее — главное бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена когда они считали себя непобедимыми. Сейчас так удирают, что не поспеваем иногда их догнать. Посмотрела-бы ты как они одеты в женские платья, панталоны чулки, шубки и в другое разное барахло. Бьем мародеров. Дорогая Аня! Пиши что ты знаешь о Наде⁴ и ломакинских о Михаиле Николаевиче⁵, твоим папе жив-ли он и как его здоровье. Если нужно что ему, я могу ему выслать скорее чем ты, потому-что мне ближе. Я здесь через Николая Павловича узнавал, они ничего не знают. Если-бы он был в Ломакине я послал-бы ему денег. Может быть послать Вере⁶ если, они никуда не выехали. Ты свои деньги ни кому не посылай. Тебе вероятно их и самой не хватает. Одним словом пиши все подробно. Думаю, что теперь связь у нас наладится лучше. Вещи свои думаю как нибудь собрать из разных мест к Коле. О них не беспокойся Все у нас есть и будет в свое время Лишь была-бы здорова и бодр. Прошу тебя не волнуйся за меня. Я здоров и бодр. Да и сама не волнуйся — береги себя. Еще раз прошу что нужно пиши постараюсь выслать всеми средствами. Пропиши подробно все, что тебе необходимо нужно. Ну а пока до следующего письма. Целую крепко и много раз. Твой всегда и всюду Андрюша.

Адрес: Действующая армия полевая почта 1517 штаб армии Власову А.А.

P.S. Привет всем знакомым. Еще раз крепко целую. Не скучай.

11.12.41.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая Аня!

Прежде всего сообщая тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Посылал тебе несколько писем но ответа не получил и вполне естественно, потому что ты не знала моего адреса. Твои письма от Ивана Ивановича, Панюхова и Яковлева получил. Я их всех видел. На днях приехал в Москву. Видел Николая Павловича и Таню. У них все по старому. Коля стал милиционером. Известий из Ломакина нет. Я теперь буду их иногда видеть. А пока до свиданья Крепко бьем фашистов, пощады не даем. Морозы их крепко также допекают. Начинают бежать без оглядки. А пока целую крепко и много раз Твой Андрюша.

11.12.41. Привет знакомым скорее ответ.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Получил от тебя письмо, которое ты писала 23 декабря прошлого года. Очень рад от души, что наконец у нас наладилась с тобой связь, а то я очень о тебе беспокоился. Получив письмо я очень обрадо-

А. А. Власов и А. М. Власова. Начало 30-х гг.

меня радует. Дорогая и милая Аня! Ты можешь вместе со мной порадоваться и крепко. Дела у нас идут блестяще. Сволочей фашистов, нарушивших нашу мирную жизнь и разрушивших наш семейный очаг мы сейчас бьем на каждом шагу. Ты об этом уже знала из газет и скоро узнаешь еще. Дорогая и милая Аня! Поздравь меня со вторым орденом Красное Знамя. Вообще дело идет очень хорошо. О мне не беспокойся я полностью поправился. Здоров и бодр как и телеграфировал тебе. Больше меня беспокоит твое здоровье. Береги себя. Коротко о наших вещах. Часть вещей наших вывезена и находится в надежном месте. Об них не беспокойся. Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все что у меня было и во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать что о нас заботится вся страна. Представь себе я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя. Люди зная меня только по газетам шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот например вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино. При такой заботе трудно жить плохо. Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть. Я скоро немного освобожусь и вышлю тебе посылку в которой пришлю тебе все то, что ты просишь. Напиши что тебе надо из вещей. Постараюсь прислать с попутным человеком. В следующем письме напиши как живут в Ломакине. Дорогая и милая Аня. Деньги у меня есть, да их мне собственно и не нужно. Поэтому если тебе нужно я тебе их вышлю. Тогда ты можешь послать их Наде. Она верно живет плоховато. Написал я ей письмо. Дорогая Аня ты пишешь, что когда и скоро-ли кончится война. Пойми что мы войну закончим полной победой и полным разгромом врага и в этом нет никакого сомнения и это будет не так долго. Тогда заживем новой лучшей жизнью. Это не слова — это реально — факт. А пока до скорого свиданья. Желаю всякого благополучия и доброго здоровья. Целую крепко крепко и много, много раз, твой всегда и всюду любящий Андрияша

15.1.42.

Действ. армия военно-полевая почта 1517 Штаб армии — мне

PS. Привет всем, кто меня знает: Нине Филиповне⁸, Панюховой и другим. Еще раз целую твой Андрияша

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Милая и дорогая Аличка!

Получил твое письмо и прочитал все твои наставления Кузину⁹. Искренне благодарю за твою заботу о мне. Докладываю тебе, что твои приказания в точности уже выполня[е]м. Живем мы теперь колхозом в который входят: я, Кузин, Бородаченко¹⁰, Хохлов, Воробьев и Маруся¹¹. Шура в тот-же день твоего отъезда переселилась к Куликову¹² — ей там веселее. Дорогая Аля! Ты как все равно унесла с собой от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая то пустота. Мы почти

А. А. Власов и А. П. Подмазенко. Январь 1942 г.

покойся рука уже поджила, так себе царапина ерундовая. Отрадно только сообщить тебе, что фашистов бьем попрежнему и гоним на запад. Мы уже далеко от нашего старого места. Дорогая Аля! Прошу тебя не волнуйся и будь здорова — Это тебе крайне необходимо. Не забывай, что это надо прежде всего для нашей дорогой крошки. Я здесь буду бить фашистскую сволочь и гнать ее на запад. Ты там сильно нам помогай. Скорее лечи наших дорогих бойцов. Дорогая Аля! Чаше пиши мне письма. Они будут заполнять ту пустоту, которая образовалась с твоим отъездом и воодушевлять нас на новую борьбу. Очень рад за тебя что тебе так удачно удалось доехать до места первого. Теперь жду с нетерпением письма — как ты добралась до конечной остановки. Пиши скорее и чаще. Ты видишь какие я тебе пишу длинные письма. Много бы хотелось тебе сказать, да тебя уже нет. Но безусловно надеюсь на скорое свидание после победоносного окончания войны, а может быть и раньше — приедешь к нам опять добивать гадов-фашистов. Одно тебе напишу, что и говорил при отъезде: смотри как тебе лучше. Мое отношение к тебе знаешь. Я свою жизнь посвятил тебе, моей спасительнице от смерти, а ты делай как тебе лучше. Тов. Кузин рассказывал мне все подробно как ты уезжала. Мне было приятно и я несколько раз заставлял его повторять одно и то-же милое — хорошее о тебе. Теперь жду письма от тебя. Не ожидая письма с места пишу тебе уже письмо. Передай самый большой и искренний привет от меня маме и папе, Юрику¹⁴. Юрику скажи, что я ему привезу самую настоящую фашистскую шашку. Привез бы и пушку, которые отбиваем у фашистов, но они очень тяжелы — не донесешь. Привет сестре и всем родным и знакомым. Дорогая Аля написал бы еще да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме, а пока целую крепко и много раз любящий тебя — твой Андрюша

P.S. Смотри не изучай немецкий язык как раньше с капитаном, а то приеду будет тебе нагоняй на орехи. Ну всего

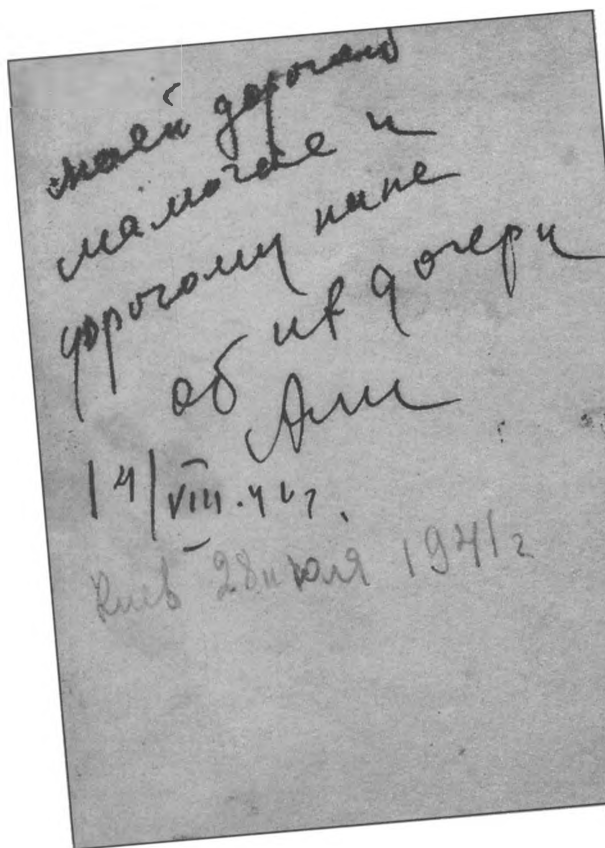
Целую твой Андрюша.

2.2.42 — уже далеко от Москвы на запад.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Прежде всего спешу сообщить тебе, что наши дела на фронте идут успешно: б'ем фашистов без отдыха. Во вторых очень благодарю тебя за твои письма. Последнее письмо получил от тебя то, которое ты писала 9 января, а на пред'идущее письмо я уже послал тебе ответ. Думаю, что ты его уже получила. Дорогая и милая Аня еще раз вместе с тобой горюю по случаю смерти дорогого нашего отца Михаила Николаевича — моего любимого и лучшего друга. Дорогая и милая Аня! Кроме как от тебя

А. П. Подмазенко. Июль 1941 г.

больше ни от кого писем я не получаю, поэтому никому и не пишу, да признаться и некогда, поэтому если что знаешь о ломакинских черкни. Я сам здоров и бодр. В газетах ты наверное уже прочитала — поздравь меня с присвоением очередного звания¹⁵. Правительство и партия нас награждает за наши даже незначительные дела и ценит нас — это очень дорого. Итак о мне не волнуйся и не беспокойся. Я сыт, чист и здоров. О нас заботится вся страна. Одет очень тепло. Зубы не болят и ухо совсем прошло — слышу нормально, о чем тебе с радостью и сообщаю. Дорогая и милая Аня я прошу тебя напиши подробнее как живешь ты. За последнее время, не скрою от тебя, я начал сильно по тебе скучать — ведь не виделись восьмой месяц — но долг прежде всего. Не унывай. Скоро-скоро уничтожим всю фашистскую нечисть и тогда заживем еще лучше. Лучше гораздо как после моей последней длительной командировки¹⁶. Дорогая и милая Аня! Ты мне неоднократно писала о вещах. Еще раз тебе сообщаю, что некоторое количество наших вещей удалось спасти и они находятся в надежном месте. После войны все соберем. Меня больше интересует: как ты живешь. Прошу написать подробнее. Одновременно с этим письмом посылаю тебе маленькую посылку. Пиши что тебе особенно необходимо нужно — вышло. В Москву мне выезжать некогда. Был у Коли всего один раз и то несколько минут. Нет времени. Дорогая Аня, у нас с тобой теперь хорошо хотя, установилась письменная связь. Пиши почаще. Прошу тебя. Твои письма согревают и вдохновляют меня на новую борьбу с врагом. Дорогая Аня! Ты наверное думаешь, что мне пишут из Ленинграда¹⁷. Искренно уверяю тебя, как мы расстались с тобой никто мне ничего не писал, да и я никому не писал, поэтому судьбу их не знаю. Я тебя прошу будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее плохое с моей стороны. Ты для меня всегда была святая и сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно ты всегда и всюду будешь только моя и больше ни чья. Так ли? Если еще сердился на меня за что — прости. Я считаю что своей честной работой, борьбой я это уже заслужил — раньше не просил. Напиши мне скорее искренно — попржежнему-ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу о[т] тебя теперь услышать. Больше мне ничего не нужно. Итак ответы жду немедленно. До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз свою милую дорогую Аню. Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша.

P.S. Напиши еще хватит-ли тебе денег. Привет всем знакомым. Целую — твой Андрюша.

2.2.42.

Уже далеко от Москвы — гоним фашистов еще дальше.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день милая и дорогая Аня!

Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр. Фашистов б'ем попрежнему и гоним на запад. Получил от тебя письмо, за которое от души благодарю. Ответ послал. До скорого свидания после победного окончания войны. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша

P.S. Привет всем знакомым

2.2.42 — уже далеко от Москвы.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Дорогая Аня!

Только сейчас получил от тебя открытку, которую ты писала 15.1.42. Спасибо за поздравление. Я здоров и бодр. Фашистов б'ем по прежнему и гоним их на запад. Наде написал письмо, как получу ответ вышлю денег. Не волнуйся. Сейчас письма пойдут чаще. Ухо совсем поправилось. Целую крепко и много раз. Жду ответа Привет всем знакомым Твой Андрюша

3.2.42.

Уже далеко от Москвы на запад гоним фашистов

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Дорогая и милая Аня!

Сегодня получил от тебя письмо, которое ты писала 28 января. Это первое письмо, которое так быстро дошло до меня. Видимо все-же наша почта свою работу заметно улучшила и это сейчас отмечают все бойцы и командиры на фронте. Из твоего письма узнал о смерти дяди Васи. Жаль, что так мало пожил. Ведь не старый человек-то. Ты пишешь относительно мужа Веры, что он там натворил — так я и не понял. Очень обрадовался о том, что ты все-же имеешь письма от родных и знакомых — смеялся над Нилычем. Я уже тебе писал, что я писем кроме как от тебя, больше ни от кого не получаю, поэтому все новости идут только через тебя. Вследствии этого очень рад что стали хорошо ходить письма. Дорогая Аня! Я собрал маленькую тебе посылку в которой вложил немного мыла, сладкого и конвертов с бумагой и марками. Как получишь пиши скорее ответ. Да совсем позабыл: ты в письме пишешь о Еремине, Бабаеве и четой Найден¹⁸ Их всех давным давно со мной нет. Последний раз я их видел 20 сентября — где они находятся мне неизвестно. Вообще я ведь перешел в другое место, поэтому кто раньше со мной служил сейчас при мне никого нет. Вещи переправляли совсем другие люди — ты их не знаешь. Дорогой и милый Аник! К весне все то, что тебе нужно я достану — лиш-бы хорошо работала почта. Если-бы ты была немного поближе тогда конечно было-бы лучше. Но все-же все тебе необходимое достану и вышлю. Дорогой Аник! Я тебе в том письме писал, что я здесь без тебя крепко скучаю, поэтому бьем фашистов без жалости, чтобы скорее закончить войну победоносно и снова увидеть тебя — мою дорогую и единственную — любящую меня Аню. Восьмой месяц я уже не вижу тебя. Прошу тебя, если у тебя сохранилась какая твоя карточка пришли мне ее. А может быть снимешь снова и вышлешь мне. Очень мне хотелось-бы иметь хоть твою фотографию. Я очень беспокоюсь за твое здоровье. О мне не волнуйся. Я серьезно тебе пишу, что совсем поправился, даже стал опять полнеть. Жизнь у нас все больше на морозе — здоровая. Одеты все тепло. Вот немцам — тем от морозов здорово достается. Дорогой Аник я все думаю, что у тебя мало денег, ты всем раздаешь и у тебя самой ничего нет. Ты вечно только болеешь душой за всех нас, а сама себя не бережешь. Если уже ты так делаешь, то хоть поберегла себя для меня — очень прошу. Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши как его получишь, а то мне денег и этих хватает с излишком. У нас кроме еды их тратить некуда. Привет всем знакомым. Очень рад, что они хорошо к тебе относятся. Наде писал письмо и открытку, а ответа еще не получил. Получу — напишу. А пока до следующего письма. Целую крепко и много раз свою дорогую Аню. Твой Андрюша.

P.S. Какие будут новости пиши. Да совсем забыл. Вчера получил письмо от Шуры. Мне отвечать

А.А. Власов. Январь 1942 г.

Дорогая и милая Аня!
 Мысли не забываются даже разлука
 французских оккупационных под
 Москвой. Не забывай и устал-
 ную разлука.
 Враня отидет все, но для перемены
~~всегда в окружении из Враня в Враня~~
~~осуждену в плену на все время.~~
 Ты любишь учиться и только
 думаешь это время, но и ~~воткнула~~
 себя на новую, плодотворную работу
 Мыслью уверен в нашей оконча-
 тельной победе. Тогда законим, а сейчас
 в земной войне. Нашу дорогую юность, войну
 ту же в борьбе за нашу родину, ~~идти~~
 Андрейша
 Враня 6.2.42

некогда. Пишу ее адрес: Сталинградская область ст. Н-Чирская до востребования Бочкаревой Алексан-
 дре Владимировне¹⁹ О Михаиле²⁰ она видимо ничего не знает.

Ну пока еще раз крепко целую А.В.
 6 февраля 1942 — далеко от Москвы на запад.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
 до востребования
 Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая Аня!

Сегодня получил от тебя письмо, которое ты писала 28.1. Очень быстро пришло. Вообще за по-
 следнее время все бойцы и командиры стали выражать удовлетворение по поводу лучшей работы поч-
 ты. Написал ответ письмом. Сам здоров бодр — б'ем фашистов попрежнему и гоним на запад. Всем
 привет. Крепко обнимаю и целую. Твой Андрюша.

6.2.42.

Далеко на запад от Москвы.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
 Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аля!

Все твои письма я получил. Сегодня, кроме того, был у меня твой сопровождающий²¹ и долго гово-
 рил о тебе. Как мне приятно, даже не поверишь, все слышать о тебе. Пойми моя дорогая, что все письма так
 меня согревают и вдохновляют на дальнейшую борьбу с фашистскими гадами. Спасибо также маме за ее
 записку. Дорогая Аля! Как ты, так и я ежедневно, вернее ежечасно не только думаю о тебе, но и все время не
 могу никак еще представить, что тебя нет с нами. Я уже писал — куда девалась наша веселость — все как

А. П. Подмазенко. Январь 1942 г.

будто все ты увезла с тобой, а у нас сделалось так скучно; но только одно — надо бить фашистскую гадину — это вдохновляет всех нас. Пиши чаще — это одно наше утешение. Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: «за отвагу». Искренне рад, да не только я. Меня поздравляли все наши сотрудники. Кроме тебя из наших еще несколько также наградили разными медалями. Кроме того скоро ожидаем тебе и очередное звание. Как получу, немедленно сообщу. Дорогая Аля! Только не дождалась ты — я бы тебе торжественно эту награду вручил. Сейчас принимаем меры как переслать тебе медаль. Еще раз поздравляю — ты ее заслужила. Дорогая и милая Аличка! Я на днях был у Маруси Чижма²². Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь какое мне выпало счастье. Ты не поверишь такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину. Дорогая и милая Аля, я видел у Чижма два твоих чемодана. Приму меры к отправке их тебе с первой возможностью. У Маруси был недолго. Очень у ней холодно. Был вместе с Кузиным и Воробьевым. Дорогая и милая Аля! как тебя часто все вспоминают. Т. Сандалов говорит (он немного заболел) что я теперь медицинной

уже плохо занимаюсь. Сейчас на твоём месте молоденький врач-женщина, но где они помещаются — я даже не знаю. Твое письмо, где ты пишешь как я прихожу и говорю: «Ну чем занимаетесь орлы» я читал т. Сандалову. Он очень тебя уважает и говорит: «Я люблю ее за культурный развитый оборот речи». Вообще очень хорошее воспоминание ты оставила у всех нас и я часто это слушаю и мне это исключительно приятно. Прошу тебя моя крошка не скучай, не волнуйся тебе это вредно. Я всегда мысленно с тобой, хотя я сам и на фронте, а не наоборот как говорил т. Кузин. Алинка! Скажи Юрику, что если он не будет слушаться своей мамы и бабушки, то я ему саблю не привезу, а если будет, то будет ему много подарков. Пусть напишет сам мне письмо — что-бы он хотел, чтобы я ему прислал. Аля! О папе я послал узнать где он, да и ты напиши адрес подробнее, а то ничего я не понял. Тогда можно быстро все сделать. Ну а пока до скорого свидания. Еще раз не скучай. Целую крепко и много раз. Помнишь как в Чисменах. Колли шлет тебе привет. Привез ворох фото-карточек. Смотрю на тебя. Пока только смотрю. Твой Андрюша

PS. Не забывай. Не скучай. Не изучай немецкого языка и передавай всем привет. Особый привет маме. 14.2.42 Андрюша

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Дорогая и милая Аня! Только сейчас получил от тебя письмо, которое ты писала 2.2.42. Спасибо за заботу о мне. Дорогая Аня! Я также получил недавно письмо от Нади. Очень хорошо, что налаживается связь и с ней. Дорогая Аня! Я послал тебе три посылочки, как получишь фронтовые посылки пиши немедленно ответ. Только очень поздно пришло это письмо и я в посылке не положил папирос. Пришло в следующей посылке. Дорогая Аня, что ты пишешь все постарайся сделать и к теплу прислать тебе с посылным в Сорочинскую. Я на днях был у Тани проездом. Меня вызывали туда по делу. Ты не поверишь дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты видимо даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь он меня спросил где у меня жена и как живет. Он думал что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду а поеду обратно на фронт. Дело не ждёт. Дорогая Аня бьем фашистов по прежнему и гоним их на запад. Таня мне сообщила что брат Иван²³ служит недалеко от меня. Думаю, что скоро увидимся. Вместе

будем бить фашистов. Дорогая Аня! Ты пишешь, что ухаживаешь в госпитале за ранеными бойцами. Это очень хорошо. Дорогая Аня боец — это святой человек — его надо любить и беречь — он свою жизнь отдаст за нашу дорогую родину; поэтому почетно каждой женщине нашей страны сохранять и восстанавливать силы бойцов. Дорогая и милая Аня! Я не позабыл и день твоего рождения, но так получилось, что и письмо и посылка к этому времени не пришли к тебе — это очень печально, но ты не сердись и прими хотя и позднее но мое искреннее поздравление с днем твоего рождения. Желаю жить как можно дольше и быть счастливой, а главное здоровой, цветущей и всегда в бодром настроении. И вообще желаю всего того, что ты желаешь мне. Дорогая и милая Аня. Ты пишешь относительно денег. Мне денег хватает, да по совести они мне здесь и не нужны. Я тебе выслал аттестат, но он уже будет действителен с 1 марта и ты будешь получать больше на 500 рублей. Кроме как от тебя и Нади больше писем ни от кого не получал. Только еще было письмо от Шуры Бочкаревой. Не знаю послала ты ей ответ или нет. Мне писать некогда, да я и адрес как раз потерял. Из Ломакина не получаю ничего, да ведь там и писать-то некому. Дорогая и милая Аня! Прошу тебя еще раз береги себя хотя для меня. Не волнуйся, не нервничай. Я исключительно в хороших условиях. Вчера даже ходил в баню, которую мы сами сделали — и представь себе хорошая баня. Вообще живем по культурному. Не скучай. Разобьем фашистов заживем вновь еще и еще лучше, как говорил Нилыч. А пока до скорого свиданья. Целую крепко и много раз свою милую Аню! Твой всегда и всюду Андрюша.

PS. Почему ты не хочешь чтобы я писал к тебе на квартиру? А? Пиши скорее ответ. Я ведь тоже скучаю и с нетерпением жду твоего письма. Итак скорее пиши.

14.2.42.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аля!

Получил письмо от тебя и видел твоего сопровождающего и также получил от него письмо. Дорогая Аля искренне благодарю за теплое письмо. Спасибо за записку и маме. Ваши письма меня согревают и воодушевляют на новые дела. Я здоров и бодр. Бьем фашистов по прежнему и гоним их на запад. На днях был несколько часов у Маруси Чижма. Видел, что ты не взяла с собой два чемодана. Постараюсь их тебе переслать. Писем пока и нет от тебя нет. Одновременно с этой открыткой пишу тебе письмо. А пока до скорого свидания. Целую крепко и много раз милую и дорогую Алю. Твой Андрюша. Всем привет: маме, папе, поцелуй Юрика — пусть не балуется и слушается свою маму, а то не привезу пушку.

14.2.42.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аличка!

Прежде всего благодарю тебя за письма твои. Они меня воодушевляют на борьбу с фашистскими гадами. Получил от тебя сразу два письма, чему был несказанно рад. Ты представить себе не можешь как приятно получать и читать твои письма. Дорогой Алюсик из твоего подстаканника никто еще не пил и пить не будет. Мне очень радостно и приятно, что ты так стремишься ко мне (может быть это только в письмах). Я тебе неоднократно говорил на этот счет мое мнение. Мое отношение к тебе — ты знаешь. Я тебя встретил — полюбил — пережил с тобой очень немного хорошего, потом тяжелое время и опять немного хорошего, мне кажется отличного времени. Вспомни хотябы наше житье в деревушке, где нас фотографировал Колли²⁴. Не правда-ли? Я сейчас только и живу воспоминанием о тебе моя дорогая Аличка.

Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: я, Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит чтобы я тебе от нея написал привет, что я и исполняю. Твои приказания все исполняются в точности. За этим следит Кузин. Но дорогой Алик! все это не то. Я уже неоднократно тебе писал, что ты увезла с собой от нас много веселья. И если ты сама того хочешь, чтобы, как только тебе будет можно, приехать ко мне, то тебе наверное давно известно, что это твое желание — мое желание. Души наши не расходятся в этом вопросе — ибо они стали крепко родственны.

Дорогой Алик! Много-бы я тебе написал, но помнишь я тебе однажды говорил, что вот ты сейчас со мной и мы говорим так обыденно, а настанет время и поговорил-бы с тобой, а тебя и не будет. И вот сейчас это время у меня настало. Много хочется сказать, а вернее почувствовать тебя вблизи себя, а тебя нет. Но я прошу тебя — не скучай не волнуйся и главное береги свое здоровье. Ведь ты сама знаешь что за последнее время ты стала немного нервная. Смотри укрепляй свои нервы — еще раз будь покой-

№ 30

Расчетный лист

к денежному аттестату № 696 на семью
начальствующего состава Красной Армии

1. Кем выдан Штаб 30-й Армии
(наименование войсковой части, выдавшей аттестат)

2. На получение ежемесячно по денежному аттестату в военкомате по месту жительства за счет денежного содержания
Генерал-лейтенант
(должность, воинское звание, фамилия,
Власов Андрей Андреевич
имя и отчество военнослужащего)

начиная с 1. мая 1942 г. по
1. мая 1943 г.

два тысяч (сумма прописью) (2000) руб.
(цифрами)

3. Кому выдан сын Власов
(степень родства, фамилия,
Андрей Александрович
имя, отчество)

получателя Власов Андрей Андреевич
Взвод командир тов. Соколовский
Взвод командир 3
Нач. финчасти Полешин

1-5 АПР 1942 г.

Почтовый адрес войсковой части
337 Ш. П. С. Оршанск

Аттестат принят к оплате Серво
Мимек военным комиссариатом

3 мая 1942 г.
военком. Васильев

биш меня. Вот какая у меня к тебе просьба. Прошу ее выполнять и меня успокоить. Дорогой и милый Аник! Я тебе выслал в разное время три посылочки, но до сих пор ты о них ничего не пишешь. Видимо до сих пор ты ни одной из них не получила. Надеюсь, что скоро получишь ведь сейчас почта стала работать гораздо лучше. Как получишь хотя бы одну посылку немедленно отвечай. Я послал тебе то, что ты просила. Дорогая Аня пиши что тебе к весне нужно из вещей. Я тебе их пришло с попутным человеком, поэтому пропиши подробно что тебе надо будет захватить. Дорогая и милая Аня! Я тебе писал относительно денег. Мне их вполне хватает. Если тебе нужно еще я тебе могу выслать. Они у меня есть. В одном письме я писал тебе что прибавляю сумму, указанную в аттестате. Оказывается в аттестате больше прибавить не полагается. Поэтому не будем нарушать закон, а если тебе деньги нужны, то я их всегда тебе могу выслать. И ты не стесняйся т. к. мне их здесь и тратить-то некуда. Все у нас ест[ь]: сыты, обуты, одеты, да еще по сто грамм водки так что нам уютно, тепло и весело. Ты не представляй нашу жизнь печальной. Наоборот мы бодры и сильны духом и техникой и с радостью выполняем свой долг за Родину уничтожаем фашистскую шваль, помешавшую устроить нам радостную и счастливую жизнь. Недолго осталось им топтать нашу священную землю. Много их полегло на этой земле, такая же участь будет и остальным. Дорогой и милый Аник! Твои письма еще больше вдохновляют нас на эту святую борьбу. Будем бороться до конца и победим. Письма шли почаще. Как хорошо получать и читать твои письма моя дорогая и любимая Аня. Не волнуйся и не скучай. Я люблю тебя больше чем раньше и крепче прежнего. Обнимаю и крепко прижав к своей груди целую крепко, крепко и много, много раз свою любимую и дорогую Аню. Твой всегда и всюду Андрюша

PS. Всем знакомым привет: Панюховым, Волкотрубенко и др. Еще раз целую твой А.
28.2.42.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аличка!
Очень рад и счастлив получить от тебя письмо, которое ты писала 15.2. Главным об-

разом рад еще и потому, что это письмо шло всего 13 суток, срок сравнительно небольшой. За теплое, душевное письмо искренно благодарю и крепко целую, что не забываешь нас. Мы же здесь вспоминаем о тебе ежеминутно. Когда была получена газета, в которой было объявлено, что в/врач 3 ранга Подмазенко Агнесса Павловна награждена правительственной наградой — медалью за отвагу, то представь себе я здесь за тебя столько получил поздравлений, что в одном письме и изложить невозможно, а отвечать на все только надо через газету. Дорогой Альченок! Представь себе я получил открытку от Гальчун Е.Ф. (Жека). Она пишет мне: «дорогой Андрей» и т. д. поздравляет меня с орденом, пишет, что видела меня только в га-

зете и знает по твоим письмам. Одним словом письмо (открытка) хорошая. Кроме того она просит меня сообщить где ты и твой адрес. Неужели до сих пор вы не имеете переписки. А она мой адрес сочинила сама и открытка дошла. Я сегодня ей решил черкнуть также открытку с твоим адресом. Так-ли я поступил? Дорогой Алик! Я несказанно рад за то, что твои письма так хороши. Я искренно польщен тем, что ты стремишься ко мне. О себе я не пишу; мое состояние и мои чувства к тебе ты знаешь лучше меня. Люблю тебя крепко и кажется нет силы оторвать (вырвать) тебя из моего сердца. Мне очень приятно, когда Сандалов, Куликов и другие так часто при мне говорят о тебе много хорошего. Все в один голос заявляют, что ты работала гораздо лучше чем теперь у нас замещающий тебя. Т. Сандалов исключительно часто говорит о твоём «язычке» всегда щебечущим; даже Колли, который был на днях у меня вспомнил, как ты ему сказала о госте — дыхании не выходящем от хозяина. Все искренно смеялись. Конечно Сандалову я всегда передаю твой привет. Мы здесь бодры и продолжаем бить фашистов по старому. И ждем не дождемся когда будет лето и вместе с тобой будем добывать эту мразь, мешавшую нам строить счастливую и радостную жизнь. Алинка! Ты пишешь, что помогаешь маме пилить дрова. Это хорошо. Всякий труд почетен. Труд дело доблести, героизма. Я уже неоднократно говорил, что ты сильно изменилась, конечно в лучшую сторону. И даже у меня есть некоторая надежда на то, что то, о чем ты пишешь в письме относительно твоих чувств ко мне — возможно это действительно так. Мне особенно приятно, что мама солидарна со мной в том, что Воронежская твоя фотокарточка куда лучше и солиднее чем та, на которой ты снималась в военном. А ведь мое мнение с мамой не разошлось и я очень этим доволен. Шлю свой искренний привет и наилучшие пожелания маме — она у тебя святой человек, крепко тебя любит и мы должны ей отплатить за это во много раз большим чувством и отношением. Люби ее и уважай. Я буду очень огорчен если она на что на тебя обидится. Думаю что теперь этого ты не допустишь. Юрика поцелуй, покажи ему мою фото, пусть знает меня. Скажи, что за родину не пожалею себя. Воспитывай в любви к нашей Родине. Пусть не шалит. Приеду привезу настоящую шашку в подарок. А пока до письма. Скорее бы лето. Хочется увидеть тебя, крепко обнять, прижать к груди, долго, долго целовать Твой Андрюша

28.2.42.

P.S. Прошу скорее выслать адрес папы. Без адреса ничего не могу сделать. Надо подробно адрес и должность. Привет всем родным и знакомым, кто знает меня. Еще раз крепко и много раз целую. Отвечай скорее. Жду с нетерпением. Твой Андрюша.

Почт. отд. Сорочинская
Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Спешу сообщить тебе, что сегодня я получил от тебя письмо, которое ты писала 17.2. Теперь по двум письмам совершенно можно определенно сказать что письмо от тебя до меня и обратно в среднем идет около двух недель (13–14 дней) — это уже не плохо. А главное я очень рад что наша переписка наладилась уже можно считать регулярно. Теперь только буду ждать от тебя известия о получении тобой моих посылок, которые я тебе выслал (три) в период времени 8–12 февраля. Посмотрим когда они к тебе придут. Как получишь немедленно пиши ответ. Дорогая и милая Аничка я твою просьбу в отношении Нади тоже исполнил в точности. Наде я выслал две посылки примерно такие-же как тебе. Жду ответа также и от нее. Всего я от нее получил два письма, на которые тоже аккуратно ответил. Дорогой Алик! Ты не поймешь как приятно что у нас наладилась связь и как хорошо получать твои письма моя дорогая Аня и читать их. Письма твои вдохновляют нас на новые дела будем бить фашистов до окончательной победы и тогда заживем опять радостной и счастливой жизнью и сказка, как пишешь ты опять будет действительностью. Я уже тебе милая и дорогая Аня писал, что ты всю жизнь заботаешься о людях и о нас, а о себе совсем никакой заботы не проявляешь. Я еще раз прошу тебя не волнуйся за нас. Мы живем хорошо. Больше беспокойся о себе. Ты у меня дорогая Аничка очень скромная и за это я тебя люблю всей душой. Душа у тебя, да и вся ты моя чистая и святая любящая моя дорогая подруга. Переживала ты и тогда когда я был в длительной командировке — переживаешь раз-

ПОСЫЛАЕТСЯ БЕЗ МАРКИ

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА 52

Куда *Сорокинская область*

Кому *Власовой Анне Михайловне*

Адрес отправителя: *1577 "ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ШТАБ АРМИИ ВЛАСОВУ"*

Указывать обязательно: № полка, роты, взвода, дивизиона, батареи или название военного учреждения.

Воспрещается указывать: № бригады, дивизии, корпуса, армии, название фронта, области, города, местечка.

Указывать: фамилию, имя, отчество. Цена 3 коп.

луку и сейчас, но поверь, что скоро разобьем этих мерзавцев, помешавших нам жить мирно, и заживем еще лучшей жизнью. Дорогой и милый Аник! Я прошу тебя напиши, что тебе нужно к весне и я тебе все вышлю с попутчиком. Я наверное на днях получу для тебя туфли и еще кое что я тебе заказал что поближе от меня. Как получу пришлю. Сейчас для меня хочется только получить от тебя извещение, получила-ли ты мои посылки. Дорогой и милый Аник! Никаких писем ни от кого я не получаю, как об этом я тебе уже писал, поэтому прошу тебя что получишь от кого новости какие пиши мне немедленно. Дорогой и милый Аник! Ты очень мало пишешь о себе. Как ты живешь? В твоих письмах все время я читаю о других, а о себе очень мало. Мне разве не интересно знать как ты живешь. В одном письме я уже тебя спрашивал, почему ты мне не разрешаешь писать тебе письма прямо на квартиру а до востребования на почту. Может быть тебе так удобнее. Напиши мне подробно как ты живешь и проводишь время. Мне было очень радостно когда я читаю о том, что вы готовите посылки для нас на фронт. Это дело очень почетное. Поверь, что боец получив посылку хотябы и маленькую чувствует проявленную заботу о себе со стороны тыла. Дорогой и милый Аник! Пиши мне письма чаще и я на каждое тебе письмо отвечаю немедленно, хотя иногда правда и нет времени. В одной посылке я тебе послал для писем бумагу, конверты и марки. Все испишешь пришлю еще, а пока до скорого свиданья. Целую крепко крепко и много, много раз свою дорогую и любимую Аничку. Твой всегда и всюду Андрюша.

P.S. Привет всем, кто меня знает Панюховым в частности. Благодарю их за поздравление с присвоением мне звания генерал-лейтенанта. Еще раз целую и с нетерпением жду ответа. Особенно хочется скорее получить о том, что ты получила мои посылки. Твой любящий Андрюша. 2.3.42.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день моя дорогая и милая Аля!

Сегодня особенно радостный день — получил от тебя сразу два письма (от 12 и 20.2). Среди них

одно «ругательное» за то, что редко пишу тебе. Дорогой и милый Алюсик! Дело немного не так. И это не в свое оправдание, а, как говорится, для восстановления справедливости. Я тебе регулярно отвечаю на каждое твое письмо, а с сегодняшнего дня, после «нагоняя», буду писать и не получивши от тебя письма. Значит дело в почте.

А теперь постараюсь ответить тебе дорогой Алик на все, интересующие тебя, вопросы: 1) от Жеки получил открытку — написал ответ и сообщил твой адрес, потому что она писала, что не знает где ты. Сегодня из твоего письма узнал что у вас с ней переписка уже видимо наладилась, чему я очень рад. Я конечно напишу, но и тебя прошу ей ответить, что ты мне нужнее все таки чем ей. Я думаю этого она оспаривать не будет. Тяжело ей справиться с тобой, а я уже как ни будь справлюсь. Так ей и напиши, и пусть не надеется по пустому... Да учитывая еще и то что она стала изящнее. Куда ей до тебя. 2) Дорогой Алик теперь немного о себе Мы живем колхозом: я, Кузин, Маруся-повар, Бородаченко, Хохлов и Воробьев. Должен тебе сказать что Кузин в точности исполняет все твои приказания, а сегодня я ему прямо-таки зачитывал твои выдержки. Маруся-повар оказалась на высоте своего дела. Шуру терпеть не может. Куликов теперь кушает отдельно совместно с Шурой, а мы кушаем: я, Сандалов и Паша; и готовит нам Маруся. Сандалов кушает у нас в доме и никак не

Добрый день дорогая Аля!
Теперь тебе сообщу тебе что
я здоров и бодр, чего и тебе от
души желаю. Поехал же все-
сколько писал но обещал не нач-
ты и вполне себе уверен, посто-
мучно ты не знала моего адреса.
Твои письма от Ивана Ивановича,
Панюхова и Иосифа Павловича
их все видел. На днях уезжаю
в Москву. Видел Николая Пав-
ловича и Маню. У них все по
старому. Как был миничко-
вским. Извещений по лосмакине
нет. Я теперь буду на неделю
видеть. А пока до свиданья
крепко бьем спайсегов, пощадя
тебя. Морозы и крепко как и
дождики. Начинаю бежать без
опарды. Я пока целую крепко и
много раз твою Андрюшу
11.12.41. Целую знакомыми скоро увидит.

нахвалится Марусей. Мы каждый день, когда кушаем, вспоминаем тебя, ибо это ты рекомендовала нам Марусю — мы так и поступили и не обижаемся. Кузин конечно тоже кушает у нас. Дорогая Аля как ты добра и вспоминаешь часто о мне Когда я перечитываю твои письма мне иногда приходит невольно в голову, правда не совсем хорошая мысль; что ты мне пишешь много о том, что тебе скучно без меня и не думаешь ли там чем развлечься без меня. Хотя я тебе заранее пишу, что это нехорошая мысль. А мое отношение к тебе мой дорогой и родной Алик! Ты наверное уже изучила лучше чем я. Мне иногда кажется, что у меня так много с тобой счастья, что начинаю даже бояться как-бы мне его сохранить. Ты пишешь о решении моей души — хотя м/б. Нет этого нет и не будет до тех пор пока я не почувствую плохого чего-нибудь с твоей стороны. До сих пор я тебя пока верю, но у тебя больше времени чем у меня. Я лично будучи-бы на твоём месте с мамой и Юрой и имея в проэкте еще маленького Андрюшу от любимого человека (так ли? или нет?) и получая письма от него не стал-бы скучать а все свое внимание обратил-бы на это и не стал искать-бы себе «иных» развлечений. Все это у меня наваяно твоим вопросом: «Ждешь ли ты меня в мае?». Я тебя жду всегда и если я для тебя воздух, то ты для меня кислород. Дорогой и милый Алик! Не сердись на это письмо. Просто я тебя сильно и крепко полюбил и плохое — «что либо» с твоей стороны по отношению меня, для меня будет большим переживанием. Но поступлю я так, как тебе говорил. Но этого не должно быть. Скорее давай ответ. Привет самый наилучший маме (святая женщина) и Юрику. Поцелуй его. Воспитывай как я говорил. Целую тебя моя родная и жду ежесекундно, часто, часто вспоминаю нашу короткую жизнь — как сон. Скоро опять будем вместе и сказка опять станет былью. Еще раз обнимаю и крепко, крепко целую. Алик крепко береги себя, для себя, для «будущего» и для меня. Твой Андрюша. Скорее ответ — жду с нетерпением.

3.3.42.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Дорогая и любимая Аличка!

Ей-же ей ты ругаешь меня напрасно. Вот сама видишь. Только вчера написал тебе письмо, а сегодня в 11 час. 30 м. ночи сижу вот и пишу тебе еще письмо Вечером часов в 7 принес почтальон от тебя письмо, которое ты писала 23.2. Это прямо рекорд. Письмо шло всего 8 дней. Если так пойдет дело, то я совсем «погиб». Ведь я обещал тебе отвечать на каждое твое письмо, поэтому придется бросить все дела и все время употребить на ответные тебе письма. Конечно дорогая Аличка это только шутка. А вообще я рад до бесконечности, что имею так часто беседовать с тобой моя родничья хотя в письмах. Все от души смеялись над тем, как ты организовала поимку крысы. В данном случае ты крепко усвоила мою стратегию и тактику — вот и получила блестящий результат. Смелость города берет, а не только крыс. Желаю тебе успеха в дальнейшем. Дорогой и милый Алюсик! Я крайне взволнован. Пишу тебе письма аккуратно, а ты в каждом письме мне даешь упреки, что я тебе ничего не пишу. Милый Алик! вчера я получил открытку от Жени Свердличенко²⁵. Он шлет тебе привет. Он думает, что ты еще со мной. Он заходил на нашу старую квартиру, откуда мы с тобой улетели, и ему там все время говорили, что мы вер-

немся. Это так сказали потому что мы при своем отъезде, помнишь, говорили, что вероятнее всего что вернемся обратно. Я Жене написал в ответ открытку, но твоего адреса не указал. Если хочешь, то я ему твой адрес сообщу. Сообщить? Напиши.

Дорогой Алик! После твоих писем (а я их, вернее выдержки из них, читаю окружающим) — все тебя ждут к нам. И ты эту уверенность уже вселила в меня, что и я стал считать дни когда примерно можно будет тебе приехать ко мне. Я составил календарь и буду зачеркивать дни. Но старый уговор дороже денег. Если будет до 22 апреля, то смотри будет тебе на орехи, а после 22 апреля можешь несколько дней и набавить — это первое²⁶. Второе — если Аля — то пусть будет похожа на тебя, а если Андрюша то примерь сначала очки. А вообще и так и так хорошо. Только я боюсь одного, чтобы будущий не остался голодным совсем сразу же после появления в жизнь. Это учти. Я уже назначил ориентировочно срок когда можно будет Кузина выслать за тобой, но дело конечно главное будет в тебе. Еще и еще раз я прошу тебя моя любимая и дорогая Аличка береги себя — крепко береги себя, как для себя, для будущего, так и для меня. О мне не беспокойся и не волнуйся. Тебе прекрасно ясно и понятно что у меня вся жизнь в вас — это все что есть сейчас у меня. Основываясь на этом сейчас громим подлых фашистов за новую радостную счастливую будущую жизнь. Так обстоит дело. Дорогой и милый Алик. Передаю искренний привет и наилучшие пожелания маме и папе (письмом) и шаловливому — резвому Юрику. Очень я опечален, что он болеет. Алик! Ты-же ведь все-же доктор, так вылечи хоть пока что единственного своего сына. Поцелуй его за меня. А пушку все-же видимо придется у фашиста, хоть маленькую, отбить и прислать Юрику с Кузиным. Алик! Крепко обнимаю, прижимаю к своей груди и долго долго целую. Твой Андрюша.

P.S. Алик! Крошка ну не ругайся. Ей-же-ей я отвечаю на каждое твое письмо. Может-быть твоя ругань для того чтобы оправдать себя? а? Ну я шучу. Еще раз крепко целую тебя и всех: маму и Юрика. Ваш Андрюша.

[04.03.42]

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Родной и милый Алюсик!

Ей-ей я хотя и крепко занят, но вечером все-же нахожу всегда немного время, чтобы поговорить с тобой хотябы в письме. Сегодня я получил твое письмо от 25.2. Это письмо тоже рекордно шло — всего 8 суток. Вообще твои письма ко мне стали ходит[ь] регулярно — в этом конечно заслуга прежде всего твоя. Но дорогой Алик! ведь я регулярно на каждое твое письмо отвечаю и ты зря меня в этом сравниваешь с мамой (хотя я в душе этому и польщен). Я хотя сегодня рад и тому, что ты хотя мою открытку получила от 14.2. Но поверь дорогая и роднинькая Аля, что я не жду у моря погоды и отвечаю тебе тот-час-же; по крайней мере в этот же день. Лозунг «писать скорее и чаще» я начал и провожу в жизнь как ты приказала: Алик ты пишешь, что скучаешь. Ты думаешь я не хочу тебя видеть у себя и всюду быть с тобой — ведь это моя мечта. И ты прекрасно знаешь это, поэтому будем терпеливо ждать. Ведь дело в конечном счете в тебе, а не во мне. Ты вспомни как ты стремилась уехать от меня и как я тебя всячески задерживал и отдалял день твоего отъезда. А сейчас я так жду, с каким нетерпением жду, твоего приезда. Поэтому как совершенно правильно ты и пишешь, что, основное — это время. Мне кажется, что май месяц кажется наиболее подходящим месяцем для твоей поездки ко мне. Я конечно хотел-бы и раньше, но ты понимаешь что если будет у тебя раньше 22 апреля, то я ведь на тебя крепко разсержусь. В силу этого конечно лучше поездку планировать на май. А главное надо беречь и ребенка. Вообще ты мне об этом еще напишешь. И главное все подробно. Дорогая Аля! Ты в каждом письме заботаешься обо мне. Я должен тебе написать, что мне сейчас живется хорошо. Кузин и Маруся исключительно заботливо относятся ко мне. Моемся то-же часто, больше дома. Один раз ездил в баню, но оттуда возвращался и немного простудился. Теперь моюсь дома. Вот сейчас пишу тебе письмо, и Маруся стоит рядом и просит чтобы я от нея передал тебе привет. То-же просит и Кузин. Все твои приказы выполняются в точности. Все ждут тебя. Только Шура, которая ушла к Куликову говорила, что ты ее прогнала от меня. Теперь они от нас далеко. Куликов орден получил, а я еще нет. Дорогая Аля я уже тебе писал, что я имел очень большую честь беседовать с самым большим человеком у нас. Это самое счастливое в моей жизни время. Он так мудр и вместе с тем прост и так заботлив о нас, даже спросил где у меня семья и буду-ли я отдыхать там на месте. Я сказал что семья моя далеко и я немедленно возвращаюсь домой. Поэтому я был у него не больше трех часов и быстро возвратился. Поэтому время на получение орденов у меня и не хватило. Не горюй милый Алик! Все что заработано не пропадет. Сразу получим все когда покончим с фашистской сволочью. Милый Алик! Поцелуй за меня Юрика и передай самый большой и самый искренний привет маме. От Жеки получил открытку. Ответил ей открыткой и написал твой адрес. Алик! Мне так хочется видеть твою маму и Юрика. Постараюсь

сделать это в первый же день после победного окончания войны, а пока им от меня поцелуй и привет. Тебя также крепко обнимаю и много, много раз целую. Твой Андрияша.

5.3.42.

P.S. Алик я крайне удивлен почему мои письма еще до тебя не дошли. Думаю и уверен что скоро это дело наладится. Целую. Не ругайся. Не нервничай. Люблю тебя крепко и так как никогда.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Сегодня рано утром принесли твое письмо, которое ты послала 23.2. Немедленно прочитал и очень обрадовался, что ты получила мою маленькую первую посылку. Я читал твое письмо и вместе с тем от души смеялся но то, что ты пишешь, что в посылке не хватило 2 кг. весу и что там не оказалось мыла. Дорогой и милый Аник! Кого ты отругала они не виноваты. Это мы виноваты, поэтому всю ругань твою мы принимаем на себя. Получилось так, что у нас весов не было и мы вес написали на глазок, вот и ошиблись на 2 кгр., а мы[ло] мы запаковали во вторую посылку. Боялись что мыло испортит то, что мы тебе запаковали. Поэтому дорогой и милый Аник! Не сердись — это виноваты мы. Ты наверное уже возможно остальные две посылки получила, тогда все поймешь. Если же ты их еще не получила, то скоро получишь. Теперь об аттестате. Дорогая и милая Аня! Сейчас вышел приказ, что Ваши аттестаты, которые мы вам выдали (семьям) они действительны только по апрель месяц включительно, а с мая месяца всем надо аттестаты менять на новые. Я аттестат скоро тебе вышлю новый, по которому ты будешь получать деньги, начиная с мая месяца. Милый Аник! ты у меня очень скромна. Я тебя серьезно прошу напиши мне хватает тебе денег или нет. Мне кажется ты очень много рассылаешь денег родным, в частности и дедушке. Ну посуди сама — куда ему деньги. А себе видно ты ничего не оставляешь.

Поэтому не оголаживай себя а лучше напиши я тебе по новому аттестату прибавлю денег. Теперь полагается по приказу выдавать аттестат на три четверти моего жалования, поэтому к той сумме, которую ты получаешь можно прибавить примерно около 400 рублей. О мне не беспокойся. Куда мне здесь девать деньги. Все у нас есть. Мы здоровы и бодры. Бьем фашистов. Скоро услышишь и про города, которые взяли. А главное надо уничтожать фашистов. Дорогой и милый Аник! Я послал Наде две посылки, примерно такие-

же, какие послал тебе. Ответа еще не получил, но думаю что они уже дошли. Аня! Ты меня немного все-же поддела за старое. Поверь, что об Ульяне²⁷ я не знаю с того момента, когда мы еще получили от нее бумагу на месте. Мне кажется, что она видимо на лето приезжала к себе на родину и там наверное осталась, а может быть и там где мы стобой жили с Надей. Вообще это меня нисколько не интересует. Если тебе хочется уколоть меня — дело твое. Я много пережил и дороже тебя у меня и не было, а сейчас и нет на свете. Ты у меня одна. Я тебе уже писал почему ты мне не разрешаешь писать на твою квартиру — я не знаю — ты до сих пор мне не ответила. Пойми, что ты у меня осталась одна. Больше у меня нет никого. Твои письма согревают меня и воодушевляют на новые дела. Родина выше всего — за нее все и отдадим до последней капли крови. Люблю тебя крепко. Пиши скорее и чаще. Почта теперь

ПОСЫЛАЕТСЯ БЕЗ МАРКИ

Место для штампа

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда *Гор. Энгельс*

Чапаева 27.

Кому *Тюгмазенко*
Анне Михайловне

Адрес отправителя: *1517* "ПОЛЕВАЯ ПОЧТА"
указать №

Указать обязательно: № полка, роты, взвода, дивизиона, батареи или название военного учреждения.
Мираб Армии

Воспрещается указывать: № бригады, дивизии, корпуса, армии, название фронта, области, города, местечка.
Тюгмазенко, Василий А. А.
указать: фамилию, имя, отчество.

Цена 3 коп.

наладилась. А пока до следующего письма. Целую крепко и много раз. Обнимаю и прижимаю к своей груди. Твой всегда и всюду Андрюша.

P.S. Привет всем знакомым. Часть вещей вышлю тебе к теплу скорее всего с попутчиком. Кое что уже собрал. Пиши что нужно тебе. Целую еще раз твой Андрей.

6 марта 1942 г.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая Аля!

Я переменял местожительство²⁸. Назначили заместителем, только не к своему хозяину. Как приеду — немедленно сообщу адрес. Пока пиши по старому — мне твои письма дошлют. Заезжал к Мар. Чижма. Читал твоё письмо. Был очень рад. Поднялся немного севернее. Сам здоров и бодр, чего и тебе желаю особенно. Крайне хочется скорее узнать твоё здоровье. Всем привет: маме и Юрику. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.

17.3.42

Получил адрес. Целую Андрюша.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогой и милый Алик!

Прости, что так долго ничего тебе не писал. Поверь дорогая, что дело не во мне. Прежде всего разреши сообщить тебе, что я получил новое назначение.

Меня назначили заместителем старшего надо мной хозяина, но только не моего, а немного севернее. И сейчас я перебрался ближе к тому месту, где живет твоя бабушка. Живу недалеко от этого большого города. Дорогой и милый Алик! Ты все-же не поверишь какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН. Заезжал к Марусе Чижма. Но был очень недолго — всего около полутора суток и сейчас прибыл на новое место. Работа на новом месте началась не плохо. Со мной приехали Кузин, Бородаченко, переезжали мы с Кузиным так как помнишь мы с тобой, а остальные машиной. Бьем фашистов и на новом месте но попрежнему и не даем им покоя ни днем ни ночью. Дорогой и милый Алик! Помниш-ли ты все и не забыла-ли все то, что говорила мне при своем отъезде. Дорогой и милый Алик. Я крепко, крепко по тебе уже соскучился и ни как не дождусь того дня, когда ты снова будешь со мной. Поверь, что это не слова, а естественно. Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Милый и дорогой Алик! Прошу тебя не нервничай, тебе это вредно. Береги себя и будущего. Береги себя, как можно осторожнее, особенно последние дни. Я хотя сам и на фронте, а душа моя вместе с тобой, так видимо и у тебя, только разница

Добрый день дорогой и милый Алик!
Получил новое место назначения. Назначили заместителем старшего надо мной хозяина, но только не моего, а немного севернее. И сейчас я перебрался ближе к тому месту, где живет твоя бабушка. Живу недалеко от этого большого города. Дорогой и милый Алик! Ты все-же не поверишь какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН. Заезжал к Марусе Чижма. Но был очень недолго — всего около полутора суток и сейчас прибыл на новое место. Работа на новом месте началась не плохо. Со мной приехали Кузин, Бородаченко, переезжали мы с Кузиным так как помнишь мы с тобой, а остальные машиной. Бьем фашистов и на новом месте но попрежнему и не даем им покоя ни днем ни ночью. Дорогой и милый Алик! Помниш-ли ты все и не забыла-ли все то, что говорила мне при своем отъезде. Дорогой и милый Алик. Я крепко, крепко по тебе уже соскучился и ни как не дождусь того дня, когда ты снова будешь со мной. Поверь, что это не слова, а естественно. Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Милый и дорогой Алик! Прошу тебя не нервничай, тебе это вредно. Береги себя и будущего. Береги себя, как можно осторожнее, особенно последние дни. Я хотя сам и на фронте, а душа моя вместе с тобой, так видимо и у тебя, только разница

привет всем знакомым и родным. Наде я послал две посылки, но от нея ответа не получил. Пошли ей письмо-и сообщи мой адрес. Пусть она также напишет мне письмо. Милый Аник очень хорошо здесь читать твои письма. Пиши больше и чаще какое-нибудь придет раньше. Я пока тебе дал адрес на одного своего друга. Когда получу более прочное место, то почтовый ящик дам свой. Ну ничего, твои письма быстро передадут мне. Ну всего. До скорого свидания. Целую крепко и много раз свою милую Аню. Твой Андрияша.

Милый Аник! Ты все-же мне не ответила, почему лучше писать тебе до востребования, а не на квартиру? Ну ничего. Я это просто так. Еще раз крепко обнимаю и прижимаю к своей груди и крепко и много раз целую свою дорогую и милую Аню. Смотри не волнуйся и не забывай меня. Ладно. Твой всегда и всюду. Любящий тебя Андрияша.

PS. Всем привет.

18 марта 1942 г. День Парижской коммуны.

Действ. арм. полев. почт. ст. № 337 п/я 3.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аля!

Наконец устроился на новом месте. Адрес свой сообщаю на обороте сего. Сегодня мне принесли буквально кучу твоих писем. Письма я читал и перечитывал очень долго. Был искренно доволен, хотя, как ты говоришь, были некоторые письма и «ругательные». Дорогая и милая Аля! Сегодня вечером подробно все опишу тебе в письме. Прости за то, что так долго ничего не писал — не имел никакой возможности. Был все время в поле. Сейчас это дело исправляю. Надеюсь переписка у нас наладится вновь регулярно. Сам здоров и бодр чего особенно от души желаю тебе и Юрику. Очень обезпокоен его болезнью. Искренний привет маме и, если увидишь, папе. Целую крепко и много раз. Привет знакомым. Твой Андрияша.

2.4.42.

На новом месте.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня! Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Поздравляю тебя с наступающим праздником 1-го Мая и желаю встретить его и провести радостно и счастливо. Ненавистных насильников-фашистов б'ем по-прежнему и постараемся к 1-му Мая задать им большого жару. Дорогая Аня! Одновременно с этим я послал тебе письмо. Аттестат на получение денег штаб видимо также уже выслал. Как получишь немедленно отвечай. Пиши какие есть новости. Писем я ни от кого не получал. Всем привет. Целую крепко и много раз. Твой Андрияша.

20.4.42.

Пиши что нового пишут из деревни. Еще раз целую крепко твой Андрияша.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Ты возможно на меня сердился за то, что так долго от меня ничего не получаешь. Я также имел бы такое право сердиться на тебя если-бы не знал, что это дело не от нас. Раньше у нас с тобой связь почти-что наладилась было уже хорошо, но как я переменил место работы²⁹, то связь стала хуже. Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! Работа идет хорошо. Бьем ненавистных фашистов, расстроивших нашу счастливую жизнь не плохо, а скоро готовим им удар еще сильнее. Дорогая и милая Аня! Как хотелось-бы почаще иметь от тебя хотя-бы небольшую весточку: как твоё здоровье — узнать; как ты живешь, как настроение? Дорогой Аник! Одиннадцатый месяц мы с тобой разлучены, но мысленно я всегда с тобой. Разобьем проклятых фашистов и заживем по новому, лучше чем раньше. Только единственная моя просьба к тебе — береги себя, не волнуйся, не нервничай — хотя-бы для меня. О мне не беспокойся — я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Последний раз, я так был счастлив, получив от тебя целую грудку писем. Дорогой Аник ручка моя очень плохо пишет, поэтому перешел на карандаш. Ручка как будто исправилась, продолжаю писать ручкой. На все твои письма написал ответ, но ввиду задержки в связи от тебя писем уже долгое время не получал. Да и вообще ни от кого писем пока еще не получал. Дорогой и милый Аник! выслали тебе аттестат из штаба на получение денег с мая 1942 г. Получила-ли ты его, как получишь немедленно пиши ответ. Отвечай, что нового получила ты от Нади, Веры и вообще от родных и знакомых. Ваню я так и не нашел. Он видимо служит там, где я служил раньше и откуда я убыл 8 марта сего года. На новом месте работа по объему стала больше, ответственнее и почетнее. Но ты знаешь моя любимая и дорогая Аня!, что куда твоего Андрюшу не пошлет правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью. Все идет хорошо. Одно только беспокоит — это нет долго писем от тебя, хотя и знаю, что письма до меня идут гораздо дольше чем раньше. Но все-же хотелось-бы иметь скорее. Ты не поверишь, как приятно и хорошо читать твои письма. Дорогой и милый Аник! Поздравляю тебя с наступающим праздником 1-ое Мая и желаю тебе провести его счастливо, а мы постараемся в это время задать фашистам жару. Аник! Помнишь как мы с тобой праздновали 1-ое Мая в прошлом году. Не унывай скоро, очень скоро, будем опять праздновать праздники вместе счастливо и радостно. Скоро, очень скоро, будет конец проклятым фашистам. Хватит им издеваться над нашей дорогой Родиной. Дорогой и милый Аник! Прошу тебя поскорее прислать ответ. Очень хочу знать твоё здоровье и прошу, очень прошу снять и прислать мне твою фото карточку. А я как буду иметь возможность тоже тебе вышлю свою. Ты Аник не поверишь как я поправился, это видимо от старости — что-ли. Крепко поседел (много седины в башке стало) и польсел, а здоровье крепкое. Ни чего не болит. Зубы в порядке. Одним словом крепко поправился, пополнил и закалился. Сейчас у нас кругом вода — разлив в полном разгаре. Желаю и тебе главное здоровья. Крепко обнимаю, прижимаю к груди и крепко и много раз целую свою милую и ненаглядную Аню. Твой всегда и всюду Любящий тебя крепко Андрюша.

26.4.42.

Действ. армия п.п.с № 337 п/я № 3.

Скорее ответ. Еще раз крепко и много раз целую Твой Андрюша.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Аля!

Тысячу раз прости, что так долго ничего не писал. Дело в том, что писать-то было можно но волки и лисы в лесу не организовали еще почтового отделения, поэтому пришлось ждать когда доберусь до места, где есть почта и вот сегодня я устроился на новом месте, куда прибыли и Кузин, Бородаченко и все обслуживающие нас товарищи. Сразу-же мне принесли буквально кучу твоих милых писем. Поверь что я и читал и перечитывал их по нескольку раз и как будто поговорил с тобой. Дорогая и милая Аличка! Ты не поверишь как хорошо читать твои письма. Какие они хорошие проникнуты искренностью, любовью заботой и вообще всеми лучшими какие есть еще качества и чувства. Разреши их все считать искренними и от чистого твоего сердца, не так-ли? Ты видишь, что я даже пустился в лирику. Настолько я обрадовался и переживаю сейчас лучшее настроение. Конечно еще бы лучше, сама понимаешь, скорее увидеть тебя и бесконечно целовать и смотреть в твои чудные (не чудные) глазки. Поверь, что я уже начинаю скучать сильнее прежнего, особенно сегодня после твоих писем. Аличка! Как только будет ребенок прошу тебя немедленно дать мне телеграмму. Милый Алик! Ты очень скромна, а я недогадлив. Вот сегодня я получил жалование. Прошу тебя напиши сколько тебе нужно денег — вы-

28

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

„ 29 Декабря ..... 1941 г.

№ 1 .....

С Н О В Ы М   Г О Д О М ,

КОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

ГЕНЕРАЛ - МАЙОРУ - тов. В Л А С О В У.

А С С О Р Т И М Е Н Т

Н О В О Г О Д Н Е Й   П О С Ы Л К И - П О Д А Р К А

О Т

В О Е Н Н О Г О   С О В Е Т А   З А П А Д Н О Г О   Ф Р О Н Т А

Икра	0,5	кгм.
Балык	1,0	"
Шоколадный набор. . .	5	кор.
Шоколад	5	плиток
Вино	1	бут.
Яблоки.	2,0	кгм.
Коньяк	6	флак.
Лимоны в сахаре.....	1	банка
Папиросы.....	10	кор.
Мыло туалетное.....	2	куска
Паста зубная	2	тюбика
Одеколон.....	1	флакон
Белье шерстяное	2	пары х/
"- шелковое.....	1	"-
Свитр	1	шт.
Носки шерстяные.....	2	пары

Данная продукция подготовлена по приказанию Военного
Совета Западного фронта.

НАЧАЛЬНИК ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Интендант 1-го ранга

/Хотинский/

Упаковывал Начальник 2-го Отделения фронтовой
Базы Военторга Западного фронта -
Техник-Интендант 2-го ранга

/Мхитарьянц/

х/В том случае, если белье не подходит Вам по размеру,
просим Вас поручить Начальнику Армейского Военторга
обменять его на необходимый Вам размер на фабрике, через
Военторг Западного фронта.

НКО-СССР
 УПР...
 20...

27

ВЕНКОМУ ЛЕЧЕБНО-ЭВАКУАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВВОЕНСАМУПРА Р.К.К.А.

ПОЛКОВОМУ КОМИССАРУ тов. ЧЕРНЕЦ

САНИТАРНЫЙ ОТДЕЛ

Отделением Кадров

26-Июль 1942г.

№ 20/26/01

Прошу Ваших указаний о содействии переезду в гор.
 Саратов - Ф.Энгельс, военно санитарным поездом жене
 Командующего Армии Генерал-Лейтенанта ВЛАСОВА
 В/врачу 3 ранга ПОДМАЗЕНКО А.П. в месте с сопровождаю-
 щим Сан.Инструктором тов.ГУТКИНИМ И.Я.
 В/врач ПОДМАЗЕНКО А.П. по состоянию своего здо-
 ровья переводится в один из госпиталей г.Саратова.
 согласно распоряжения Г.В.С.У.

НАЧСАНАРМ 20
 В/ВРАЧ 1 Р-Г.А.: -
 /К.А.Ц/

ВОЕН. КОМИССАР
 СТ. ПОЛИТРУК: -
 /Л.И.П.И./

шлю немедленно. А если я тебе их не высылал до сего времени то считал что и у Вас там купить осо-
 бенно нечего. У меня ведь все же на них можно купить хорошие вещи. Одним словом делай как тебе
 лучше и немедленно пиши ответ. Милый Алик! Я очень обезпокоен болезнью Юрика какой маленький
 крошка и уже такая серьезная болезнь. Неужели ты сама как врач ничего поделать не можешь? Напиши
 мне подробно, что же наконец можно для него сделать, а заодно и крепко поцелуй его за меня. Скажи
 что если поправится, то уже так как и быть ему «привезу» и все остальное. Да и ждать уже обещанно-
 го остается не так долго. Дорогой Алик! Ты все же видимо не чувствуешь как я волнуюсь и переживаю
 приближение срока появления на свет моего первого ребенка. Шли телеграмму. Порадуй меня. Пиши
 окончательно когда высылать за тобой Кузина. Хотя я и рад твоего прибытия и встречи, но твоё здоро-
 вье и ребенка прежде всего, поэтому делай как лучше и умнее. Надеюсь на тебя. Ты моя роднинья ста-
 ла ведь матерью уже двух ребят. Прежде всего твоё здоровье. Я немного за него начинаю беспокоить-
 ся. В одном письме вообще ничего не напишешь, чтобы хотелось сказать, а сказать хочется очень
 много. Завтра напишу в другом, а сегодня до скорого свиданья. Искренний привет маме, а если есть
 и папе и родным и близким. А тебя крепко обнимаю и крепко и много раз целую и надеюсь на счаст-
 ливое ближайшее рождение сына. Твой Андрияша.

[Не позднее 26.04.42]

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
 Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Алюся!

В связи с некоторыми обстоятельствами у нас с тобой связь письменная почти-что прервалась,
 что меня очень сильно беспокоит. И особенно беспокоит потому, что эта связь прервалась как раз
 в такое время, когда мне особенно хотелось-бы не только знать все о тебе, а и узнать о нашем дорогом
 сыне (или дочери) — чего я сейчас сказать не могу. Как хотелось-бы все это узнать быстрее. Так хочет-
 ся узнать — как все-ли благополучно обошлось и особенно как твоё, дорогое для меня и нашего ребен-
 ка, здоровье, а заодно и как здоровье и какой у нас с тобой получился ребенок? все это естественно ме-

ня сильно волнует. И только одно то, что сейчас все наши мысли должны быть направлены для борьбы с проклятыми фашистами в борьбе за нашу дорогую Родину всех людей нашего Союза успокаивают меня. Дорогая и милая Аля как давно я от тебя ничего не получал. Пойми что это зависит не от нас. Я сейчас выполняю ответственную задачу. Письмо от тебя ко мне и наоборот идет гораздо дольше чем раньше когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе. Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки еще сильнее. Работаю, примерно, на той же должности когда был с тобой вместе, только объемом она гораздо больше, почетнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что куда твоего Андрюшу не пошлет правительство и партия — он всегда любую задачу выполнит с честью. Сейчас много работал, когда выпадает немного свободного времени, думаю только о Вас мои дорогие (ты — и ребенок) — больше у меня нет никого близких моей душе в сердце. Как хотелось-бы сейчас вас видеть целовать-ласкать, но пока это можно только в письме. Дорогой Алик! Поправляйся быстрее устравив ребенка, а предварительно пиши, что тебе для этого нужно из материальных средств, и скорее, скорее ко мне. Жду тебя с нетерпением и работа тебя также ждет. Как и раньше будем с тобой рука об руку громить ненавистных фашистов, разбивших нашу счастливую жизнь. Дорогой и ненаглядный Алик! Прошу тебя пиши скорее ответ и я вышлю за тобой Кузина. Пиши скорее, что нужно сделать и что захватить с собой. Поздравляю тебя с пролетарским праздником 1-ое Мая. Желаю и хочу, чтобы Вы этот праздник провели в счастливой и хорошей обстановке домашнего очага. Я всегда а первого мая в особенности мысленно буду с Вами, а мы в это время будем задавать фашистам жару. Лучший, близкий, теплый привет маме Александре Сергеевне, папе — Павлу Васильевичу. Поцелуй за меня крепко, крепко нашего дорогого Андрюшу или Алю (или Жеку) — только смотри не «придуши». Не менее крепко поцелуй Юрика. Выздоровел он, или все еще продолжает болеть — напиши. Хотелось-бы, чтобы Вы все были здоровы и бодры. Дорогой и милый Алик! Очень-очень жду твоего письма и тогда т. Кузин немедленно поедет за тобой. Мы находимся уже не так далеко от того места, где живет твоя бабушка. Проехать к нам к тому времени будет не так трудно. Пиши какая у Вас погода. У нас все залило — водополье в полном разгаре. Милый, любимый, дорогой Алик! Обнимаю, прижимаю к своей груди и крепко, крепко тебя целую невообразимое количество раз. Жду с нетерпением твоего ответа и самое главное тебя. Сам здоров и бодр, крепко пополнил. Думаю, что я теперь тебя гораздо полнее. Скорее ответ.

Твой всегда и всюду Андрюша.

26 апреля 1942.

Действ. армия п.п.с № 337 п/я № 3.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Здравствуй дорогой и милый Алик!

Спешу сообщить тебе, что я бодр и здоров. Бьем фашистов по прежнему. Поздравляю с наступающим праздником 1-ое Мая. Желаю провести его счастливо и радостно. Одновременно с этим шлю тебе письмо. Ответ жду немедленно и тогда приедет к тебе Кузин. Привет маме, папе, Юрику и маленькому Андрюше — так что-ли? Дорогой и милый Алик! Скорее сообщай твое здоровье и всех остальных, жду с нетерпением. Привет всем знакомым. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.

26.4.42.

В письме жду от тебя, что тебе нужно выслать с тов. Кузиным. Целую твой Андрюша.

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне

Добрый день дорогая и милая Аня!

Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Получил от тебя два письма, за которые благодарю. Ответ послал письмом. Как получишь немедленно отвечай. Я тебе в письме подробно описал как поступать если задумаешь поехать к Вере. Я вышлю тебе одного товарища — он тебя доведет до места. Пиши что тебе с ним выслать необходимого из вещей. И какие нужны документы. Дела у нас идут хорошо. Фашистов бьем по прежнему. А пока до твоего письма. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.

P.S. Всем привет. Напиши привет Вере, Наде и в деревню. Писем я ни откого не получал. Целую крепко твой Андрюша.

[27.4.42 г.]

Встреча Нового, 1942 года. Слева направо: командующий 20-й армией А.А. Власов, военврач А.П. Подмазенко, заместитель командующего 20-й армией А.И. Лизюков и член Военного совета 20-й армии П.Н. Куликов.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогая и милая Алик!

Сегодня получил от тебя сразу два письма, чему был несказанно рад. Дорогой и милый Алюсик! Мне очень обидно, что ты пишешь мне такие нехорошие письма. Из твоих писем можно понять, что я как бы изменился в нехорошую сторону. Эти намеки на «обслуживание» и т. д. Милый и родной Алюсик! Это совершенно обижает меня. Ведь ты наверное сама прекрасно знаешь, что кроме тебя у меня никого в жизни нет. Я попрежнему такой, какой был с тобой в последние дни перед твоим отъездом. Разница только в том, что теперь я очень сильно по тебе скучаю и жду тебя с нетерпением когда ты будешь со мной. Как только получу от тебя письмо, немедленно высылаю Кузину к тебе, но от тебя ответа нет. Я волнуюсь. Что у тебя? Сын? Дочь? Не мучь скорее пиши. Люблю тебя по прежнему сильно и больше всех на свете. Думается мне, никто так тебя еще никогда не любил. И очень горько читать упреки именно от тебя моя дорогая. Получил письмо от Жеки. Как с ее стороны благородно — прислала мне цветы. Она отдает свою кровь раненым бойцам. Истинно святая женщина. Да простятся ей все грехи ее. Дорогой и милый Алик! Жду твоего письма немедленно. А пока до твоего письма и до тебя. Обнимаю, прижимаю и целую крепко твой всегда и всюду Андриюша.

Дорогой и милый Алик! Прости, что так плохо написал (плохим почерком) — это я тороплюсь, так как стоит человек и ждет моего письма к отправке на небольшое расстояние по воздуху. Очень хочется чтобы письмо скорее попало к тебе. Сам я бодр и здоров чего особенно тебе сейчас от души желаю. Фашистов бьем по прежнему. В этом году надеемся ликвидировать их полностью. Такую задачу нам поставил наш Великий вождь и мы ее должны во что-бы-то ни стало выполнить. Дорогой и милый, роднинький Алюсик! Скорее отвечай, с нетерпением ожидаю твоего письма. О наших делах тебе полностью расскажет Кузин, когда приедет к тебе. Напиши что тебе надо будет захватить Кузину с собой. Ты писала в отношении наших вещей, которые находятся у Чижма, так я думаю они не пропадут. Я Кузину это скажу, когда он к тебе выедет. Будешь писать письмо Жеки напиши ей от меня привет и наилучшие мои ей пожелания. Будет время и я ей черкну. Привет маме и Юрику. Поцелуй всех их за меня крепко-крепко. Одним словом передай им мой фронтной поцелуй. Себя конечно поцеловать ты не можешь, поэтому попроси Юрика передать тебе мой поцелуй. Я бы просил и своего маленького, но он видимо пока еще несознательная масса. Ну всего. Желаю здоровья и счастья. Целую крепко и много раз. Твой Андриюша.

10.5.42

P.S. Привет папе, если увидишь — лично; не увидишь — почтой.

Добрый день дорогая и милая Аня!

Еще вчера получил от тебя сразу два письма. Долго думал и решил послать к тебе своего адъютанта капитана т. Кузина. Для поправки твоего здоровья физического и морального успокоения тебе надо немедленно переехать на родину в Ломакино. Все-же там находится Вера твоя сестра и главное это то, что ты будешь жить недалеко все-же от меня, чем сейчас и я всегда могу быстро к тебе кого-либо послать или что-либо устроить и помочь тебе. Кроме того тебя там так все волнует, а тебе надо спокойствие. Здоровье твое и так достаточно надломленное и его надо крепко беречь. Я всегда тебе об этом и говорил и писал, но ты никогда меня не слушала и последние события тебя особенно расстроили. Я знаю, ты всегда за всех болеешь душой, а о себе абсолютно ни как не беспокоилась. Я даже думал тебя действительно взять даже к себе. Но это было-бы большой моей ошибкой. Всех наших военных «прелестей» ты конечно с твоим здоровьем не переживешь и я-бы тебя только этим быстрее угробил. Дорогая моя любимая и родная Аня! Как тебе там не тяжело, но пойми что переживают люди на войне это не поддается описанию. Эта война особенно жестока. Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно это их бредни. Конечно мы уничтожим эту гадину. Но пойми, что сейчас война идет жестоко. Покрайней мере твое сердце не выдержит. Поэтому я буду очень рад если ты будешь в Ломакине и всех этих ужасов не увидишь. Я мужчина и как тебе известно всю свою жизнь солдат и то немного посидел и полысел но думаю, что ты меня за это не разлюбишь. Так что-ли? Вот как обстоит дело. Потерпи моя дорогая. Скоро война все-же кончится и тогда заживем еще лучше.

Дорогой Аник! все что тебе нужно будет из одежды и вообще скажи Кузину и когда он возвратится я снова его пришлю уже тогда прямо в Ломакино во второй раз. А сейчас он проводит тебя до самого Ломакина. Поедете через Москву — будете у Тани. Там есть часть моих вещей. Кое что найдешь из них нужным возьми с собой в Ломакино. Вещи тебе нужны для того чтобы-ты их меняла на продукты. Ничего не жалея все у нас будет когда кончится война. Теперь о вещах наших. Часть наших вещей в надежных руках, но их сейчас естественно взять не представляется возможным. Я прошу тебя еще раз ни о вещах ни о чем другом не беспокойся. Кончится эта ужасная война все у тебя будет в излишке. По крайней мере будет больше и лучше чем мы имели до сих пор. Кроме того я серьезно тебе говорю что часть наших вещей в сохранности и придет время мы их выручим. Вот и все. У меня лично есть все — о мне не беспокойся — больше беспокойся о себе. Ты будешь в Москве сама увидишь мои вещи зимние и будешь знать, что я всем обеспечен. Еще раз прошу тебя беспокойся о себе, продавай что у тебя есть и что хотя и немного я тебе послал с Кузиным и что ты возьмешь из моих вещей в Москве (хотябы и все) и береги свое здоровье вот одна моя к тебе просьба. Целую крепко и много раз, Твой всегда и всюду Любящий Андрияш

17.5.42

Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области,
до востребования
Власовой Анне Михайловне³⁰

Дорогая и милая родная Аня!

Хотелось-бы в этом письме написать все но ведь разве этого в письме можно сделать. Конечно нет. Лучше было-бы видеть тебя бесконечно целовать и много говорить о прошедших переживаниях, которые раньше с начала войны были очень и очень тяжелы, потом под Москвой веселые минуты, часы и месяцы разгрома сволочей и свидания с тов. Сталиным, нашим любимым Вождем. Эти забываемые минуты. Он даже меня спросил: где Ваша семья? Я конечно сказал. И он радовался что все-же моя жена все-же эвакуировалась из этого ада. Вот какой он Великий Человек. Дорогая Аня! ведь очень многие среди нас сейчас потеряли свои семьи. Муж жену детей, а жена мужа и т. д. Я все-же рад хотя тому что ты жива и далеко от этой ужасной бойни, которую нам навязал фашизм. Но мы его черта все равно уничтожим и в этом нет никакого сомнения. И уничтожим в этом же году. Дорогая Аня, милая любимая, родная! Я тоже многое пережил. Ты вероятно все это знаешь. Тебе об этом наверно уже все рассказали. Поэтому не буду об этом вспоминать. Одно скажу ведь не даром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождем. Это конечно так не дается. Тебе уже наверно известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также

Октябрь 1942 г.

командую еще большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина. Дорогой и милый Аник! Родной мой! Я очень тебя прошу береги себя. Ничего не жалея, не волнуйся, кушай, для чего добывай себе продовольствие на то что у тебя есть: деньги и небольшие вещи. О наших вещах не беспокойся. Они в надежных руках и будет время мы их получим полностью. Сейчас главное дело в сохранении твоего здоровья. Т. Кузин все тебе расскажет и поможет как сделать. Он тебя привезет в Москву, где ты заберешь кое-какие мои вещи и живи на них. Кроме того в Ломакино нам будет легче прислать тебе продовольствие. Устроим тебя, тогда возьмемся за переселение Нади и вообще улучшим Вашу жизнь в тылу. А о нас не беспокойся. Таня в Москве тебе все расскажет, что я кормлюсь не плохо. Мои товарищи, которые со мной уже работают больше чем полгода заботятся о мне. И главный среди них т. Кузин — мой ад'ютант, которого я и посылаю к тебе. Он о всем тебе расскажет. Хороший скромный человек. Любит и бережет меня. Дорогая Аня! все что тебе необходимо скажи ему. Он или сам сделает или передаст мне — я приму меры. Я дал тов. Кузину 5000 руб. денег. Это Вам на расходы по дороге не хватит вышлю еще. Аттестат переведете на Гагинский райвоенкомат а пока до скорого свиданья. Не волнуйся. Береги себя. Делай все как лучше. Передавай всем привет в Ломакине и в Москве. Пожелайте нам успеха в разгроме ненавистного врага. А пока обнимаю и крепко, крепко и много, много раз целую свою милую Аню. Твой всегда и всюду Андрюша.

17.5.42 г. P.S. Привет всем родным и знакомым.

гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27
Подмазенко Агнессе Павловне

Добрый день дорогой и милый Алик!

Долго не получал писем от тебя решил черкнуть тебе. Последнее письмо твое получил, которое ты писала еще в апреле месяце. Естественно меня волнует как ты пережила время с 22 апреля и по настоящий день. Дорогой и милый Алик! Мой родной! В последних твоих письмах ты обвиняешь меня во всех смертных грехах и делаешь всякие намеки и на «обслуживание» и др. Пойми дорогой Алик! что это в тебе все говорит ложное чувство. Если тебе по совести сказать до 22 апреля и я так на тебя думал, правда теперь думаю что тебе до определенного времени заниматься флиртом не совсем удобно. Так что все это ерунда. Все это зависит от того, что мы так долго не виделись. Ведь прошло уже много времени как я не ощущаю тебя вблизи себя. Ты конечно выехала рано, о чем я тебе в свое время говорил. Но теперь уже этого не вернеш. Сейчас у меня одна надежда — поскорее узнать о «Вас» мои родные, дорогие и любимые. Как Вы себя чувствуете. Я прекрасно знаю что ты там «мечешь» гром и молнию почему я пишу редко письма и главное не высылаю Кузина за тобой. На все это я не стану тебе долго отвечать, потому что ты в свое время рядом со мной пережила известную обстановку тебе и Жене Свердличенко. Правда сейчас обстановка немного лучше чем тогда когда мы начали бой тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но все-же обстановка сер-

Июль 1943 г.

езная. Но не взирая ни на что мы проклятых извергов фашистов все равно сотрем с лица земли. И это будет очень скоро. Поверь что теперь немцы уже не те, что были раньше, да и мы крепко за прошедшее время научились кой-чему, как, главное, бить фашистов ими же методами, создавая им мешки и окружения. Дорогой, родной, милый Алюсик! Меня наш великий вождь послал на ответственное задание и я его скоро очень скоро, выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чем когда узнаешь в какой обстановке мы находились. Скоро все-же фашистам на этом участке конец. Теперь пойми, могу-ли рисковать в этот ответственный период тобой и моим дорогим детищем. Нет и тысячу раз нет. Как ты не ругайся все-же, наконец, ты меня поймешь. Я это знаю, потому что знаю тебя. Жду от тебя письма с нетерпением потому что обстановка уже сейчас складывается так, что ты уже почти можешь приехать ко мне, а когда я получу от тебя письмо будет уже очень хорошо. Когда мы с тобой увидимся и я тебя расцелую, и ты узнаешь наши дела — будешь мной довольна. Я это знаю. Одно только прошу не вини меня. Я попрежнему тебя, даже крепче, чем раньше люблю и жду тебя с нетерпением и жду что ты мне подаришь. Родной Алюсик! Как я жду твоего письма. Алик! Конкретно чтобы лучше тебе ко мне приехать это будет лучше в первых числах июня. Я и сам уже заждался, но так будет лучше. Потерпим, потом вознаградим себя сторицею. Надеюсь что ты меня поняла и любишь попрежнему. Не так ли? Может быть уже ошибаюсь? Пиши. Жду ответа и Кузин будет у тебя. Привет и поцелуй маме, папе и Юрику, а также маленькому, не знаю как его зовут, но знаю что он очень хороший и любим мной и тобой. Прости за почерк — тороплюсь — самолет отходит. Целую крепко крепко и много, много раз всех Вас мои дорогие и прежде всего прижимаю и целую тебя Аля — моя любимая и дорогая близкая. До скорого свидания. Всегда и всюду твой Андрияша.

17.5.42.

Совсем позабыл — передай привет Жеке. Письмо написать ни как не соберусь. Некогда. Не волнуйся, не нервничай. Люблю крепко и ожидаю от тебя того же. Андрей.

Алик! Пиши, что нужно захватить Кузину с собой. Твой Андрей.

ЦА ФСБ России. № Р-42007. Л. 57–81.

ЦА ФСБ России. № Р-38694. Л. 3–53об.

Не пройди эти письма проверки на подлинность, можно было бы подумать, что нам посчастливилось прочитать прежде не публиковавшиеся миниатюры Михаила Зощенко. Но эти пышущие любовным жаром эпистолы — причудливая смесь малограмотности, самолюбования, амбиций и копеечной расчетливости — были в свое время приобщены в качестве доказательств к следственным делам

двух этих женщин. И Михаил Зощенко, писатель с абсолютным социальным зрением и слухом, покаяваясь, как им человек быть не должен, вовсе не выдумывал своих людишек «с целью опорочивания и дискредитации».

Ибо автор вышеприведенных писем — генерал Власов, тот самый, по чьей вине и стала черной одна из самых трагических страниц минувшей войны.

Не станем касаться его полководческих способностей — это должны сделать военные историки. Нас интересует моральный облик этого человека.

Власов — сам, быть может, того не понимая — максимально облегчил задачу, собственноручно сотворив в письмах такой автопортрет, что к нему почти не требуется пояснений.

Письма от него, как уже было сказано, уходили в два адреса. Представление о том, какие это были письма, читатель получил. Власов беспардонно лгал обеим женщинам, вся вина которых состояла лишь в том, что они поверили этому человеку.

Можно было бы не копаться в его грязном белье. Но историки в поисках правды обязаны делать и это. Душевная нечистоплотность Власова по отношению к самым для него близким людям оказалась той оболочкой, из которой, как из сорного семени, проросло все остальное.

Человек, испоганивший жизнь двум женщинам, одна из которых родила ему сына (следовательно, сломавший жизнь и своему ребенку, и сыну А. Подмазенко от первого брака), предавший этих людей, Власов по всем законам логики, психологии да и просто здравого смысла рано или поздно должен был предать вся и всех, кого он только мог предать и продать. Он и сделал это, предав сначала своих солдат, а затем и Родину.

Уже в Германии Власов с санкции Гимmlера шумно женился, в очередной раз, на вдове эсэсовца, немецкой аристократке Адели Билленберг — «женский вопрос» продолжал оставаться его главной слабостью. Но в гораздо большей степени свадьба высветила в этом «историческом фигуранте» другое. Потеряв надежду получить у фюрера то, что он, человек непомерных вождистских амбиций, рассчитывал получить; чувствуя, что его положение делается все более шатким, Власов, в полном согласии с личными авантюрными наклонностями, затеял свадьбу, спасая собственную жизнь.

«Борцом со сталинским режимом», как его титулуют апологеты, Власов сделался только в ту минуту, когда, выведенный из деревенского сарая немецкими автоматчиками, понял, что вот сейчас, под горячую руку, он вполне может быть расстрелян. До этого момента (смотри письма) Власов взахлеб рассказывал о том, как его принимал Сталин, как он был ошеломлен отношением к нему, Власову, и как он теперь самоотверженно будет бить «фашистскую сволочь», оправдывая доверие «самого большого Хозяина».

В одном из писем Власов не без рисовки обронил: я, мол, старый солдат. Но собственные письма изобличили его и здесь: слова эти не больше чем поза. Настоящие солдаты однополчан в бою не бросают и Родину не предают.

Разделил судьбу своих солдат под Киевом, остался вместе с ними на поле боя генерал-полковник М.П. Кирпонос. Застрелился, предпочтя смерть рядом со своими бойцами позору плена, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. Солдатами, не дрогнувшими под пытками, погибли в фашистском плену генералы Д.М. Карбышев и И.М. Шепетов. Достоинно держался перед лицом врага генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. Э т о т струсил.

Можно было бы здесь и поставить точку. Жил — как хотел. Получил — что заработал. Если бы не одно «но».

Легко понять зарубежных активистов всяческих комитетов, фондов и даже «научных ассоциаций», в названиях и программах которых в том или ином сочетании, но непременно повторяются «Власов», «РОА», «освободительная война». Тем из них, кто в свое время был так или иначе причастен к «работе» Власова, нужно идейное оправдание содеянному когда-то. Попечителям этих комитетов, но больше «теневым», тем, кто за ними стоит, Власов нужен всего лишь как повод или прикрытие, что в нашем случае в принципе одно и то же. Они решают другие проблемы. Они заняты геополитикой.

Сложнее с апологетами Власова и «власовщины», так сказать, домашнего кроя. Серьезных ученых в их рядах — хотя целая библиотека книг о РОА и Власове вышла в свет уже и их усилиями — не замечено. Остается предположить, что муссированием «власовской» темы у нас занимаются историки-дилетанты, играющие в модную нынче политику, и политики определенного типа, балующиеся «историческими изысканиями» в свободное время.

Все это, помноженное на отсутствие всяких, в первую очередь нравственно-этических, ограничителей и неправильно понятую свободу слова, привело к тому, что Власова нам все настойчивее навязывают в качестве едва ли не национального российского героя, а процесс очищения истории от разного рода конъюнктурных наслоений то и дело превращается в ее очернительство.

Что касается Власова, о «героическом патриотизме» и «мученичестве» которого немало понапи-

сано, навязывать его в качестве едва ли не национального героя недопустимо. Ведь в этом случае придется оправдать и так называемую «Русскую освободительную армию», стрелявшую в русских людей! В законодательстве ни одной страны мира, в мировом праве (см., например, Конвенцию о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, одобренную ООН в 1986 г.) нет статей, оправдывающих такие преступления против собственного народа. Серьезные историки это знают. Историки власовского движения эту деталь почему-то выпускают из вида. Скорее всего, знать это им просто невыгодно. Иначе лопнет по швам старательно выстроенная концепция о новом мессии.

Предлагать в качестве едва ли не образца личность малограмотную, с не просто сомнительной, но абсолютно неприемлемой в нормальном обществе нравственной репутацией — не просто безответственность. Это кощунство.

Думается, те, кого Власов в свое время предал, и те, в кого он приказывал стрелять, согласились бы с нами. Если бы могли встать из могил.

Да Власов и сам достаточно, на наш взгляд, оконфузил своих апологетов, представив на исторический суд «письма с фронта» — эти собственноручно написанные исчерпывающие показания против себя самого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Волкотрубенко Иван Иванович — генерал-лейтенант артиллерии, довоенный сослуживец Власова. В 1941–1942 гг. в ГАУ РККА.
- 2 Панюхов Василий Васильевич — генерал-майор, довоенный сослуживец Власова. Позднее начальник штаба 1-й гвардейской армии.
- 3 Коля (Николай Павлович), Таня — родственники А. М. Власовой, жили в Теплом пер. в Москве.
- 4 Боровикова Надежда Михайловна — сестра А.М. Власовой, до войны жила в Ленинграде, была эвакуирована в Вологду.
- 5 Воронин Михаил Николаевич — отец А.М. Власовой, жил в с. Ломакино Гагинского района Горьковской обл., умер в октябре 1941 г.
- 6 Кузнецова Вера Михайловна — сестра А.М. Власовой, жила в с. Ломакино.
- 7 Воронина Екатерина Васильевна — мать А.М. Власовой, умерла в 1930 г.
- 8 Волкотрубенко Нина Филипповна — жена И.И. Волкотрубенко.
- 9 Кузин Иван Петрович — капитан, адъютант Власова.
- 10 Бородаченко Николай — порученец Власова.
- 11 Воронова Мария Игнатьевна — личный повар Власова.
- 12 Куликов Петр Николаевич — дивизионный комиссар, член Военного совета 20-й армии.
- 13 Сандалов Леонид Михайлович — генерал-майор, в то время начальник штаба 20-й армии.
- 14 Юрик — сын А. Подмазенко от первого брака (1936 г. рождения).
- 15 Звание генерал-лейтенанта было присвоено Власову 24 января 1942 г.
- 16 С сентября 1938 до ноября 1939 г. Власов находился в спецкомандировке (военный советник 2-го района китайской армии).
- 17 В Ленинграде в 1937 г. Юлия О. («Ульяна») родила от Власова дочь и подала на алименты. А.М. Власова об этом знала.
- 18 Сослуживцы Власова по Львову и Киеву (1940–1941).
- 19 Бочкарева Александра Владимировна — дочь умершей в 1933 г. сестры Власова.
- 20 Бочкарев Михаил Владимирович — брат А.В. Бочкаревой. Умер в 1941 г.
- 21 В г. Энгельс А. Подмазенко сопровождал санинструктор И.Я. Гуткин.
- 22 Чижма Мария Романовна — знакомая А. Подмазенко, жила в Чудовом пер. в Москве.
- 23 Воронин Иван Михайлович — брат А.М. Власовой, с 1941 г. в Действующей армии.
- 24 К сожалению, установить не удалось.
- 25 Свердличенко Евгений — старший политрук, выходил из окружения с Власовым и А. Подмазенко осенью 1941 г.
- 26 А. Подмазенко вышла замуж за Власова в июле 1941 г.
- 27 См. сноску 17.
- 28 8 марта 1942 г. Власов был назначен заместителем командующего войсками Волховского фронта.
- 29 16 апреля 1942 г. Власов был назначен командующим Второй Ударной армией.
- 30 Это письмо в отличие от всех предыдущих было направлено с нарочным, адъютантом Власова Кузиным, который специально ездил в Чкаловскую область, чтобы помочь А.М. Власовой переехать в с. Ломакино, на родину.

«За издание романа «Овод»»

Роман «Овод» был написан в 1897 г. Он сразу же стал одним из любимых в России. Потом автор произведения Этель Лилиан Войнич выпустила «Овод в изгнании» (1910) и «Сними обувь твою» (1945), создав в трилогии героический образ итальянского революционера.

С 1920 г. писательница жила в США. В начале «хрущевской оттепели» с ней случайно познакоми-

лись посетившие Америку советские писатели. Войнич, которой исполнилось 90 лет, жила, всеми забытая, в нищете. Она и не представляла, что ее «Овод» популярен в СССР, что ее книги издаются массовыми тиражами, а одноименный фильм не сходит с экранов. Вернувшись в Москву, советские писатели сообщили властям о своей неожиданной встрече. Тогда и был принят публикуемый ниже документ.

№ П175/28

Строго секретно

Выписка из протокола № 175 заседания Президиума ЦК КПСС от 19 декабря 1955 года

О выплате гонорара писательнице Л. Войнич

(Секретариат ЦК КПСС от 15.XII.55 г., протокол № 16, п. 12-с)

1. Принять предложение секретариата правления Союза писателей и Министерства культуры СССР о выплате гонорара проживающей в США писательнице Л. Войнич (Лилиан Этель* Буль) в сумме 15 тысяч американских долларов за многочисленные издания в Советском Союзе ее романа «Овод».

* Так в тексте. — *Ред.*

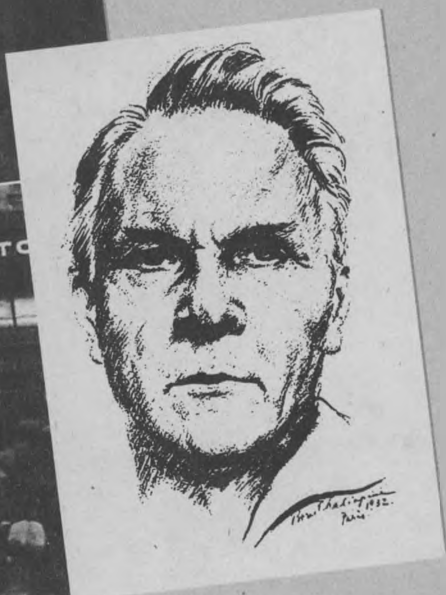
2. Разрешить Министерству культуры СССР передать в дар Л. Войнич копию кинофильма «Овод» на узкой пленке.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Н. Хрущев

ЦХСД. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1435. Л. 62.

Публикация
Максима ЛЕУШИНА

ВЕСТНИК АРХИВА

ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ЖУРНАЛ УЧРЕЖДЕН
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
25 ИЮЛЯ 1994 ГОДА

В НОМЕРЕ:

Как это было

«Два десятка таких агитаторов навредят нам чрезвычайно».

Иностранные рабочие в Советской России.

121

Дневник

«Виденное мной более или менее характерно для всей страны».

Советская Россия конца 20-х гг. глазами немецкого инженера.

125

На чужбине

«Я горд, что я русский».

Письмо Ф. И. Шаляпина к дочери.

155

Художник и власть

«Театр Мейерхольда оказался полным политическим банкротом».

157

Журнал учрежден по Распоряжению Президента
Российской Федерации
№ 403-рп от 25 июля 1994 года

Главный редактор
А. В. КОРОТКОВ

«Два десятка таких агитаторов навредят нам чрезвычайно»

Иностранные рабочие в Советской России

После окончания гражданской войны отечественная промышленность оказалась в отчаянном положении. Во всех основных отраслях производства к 1921 г. валовой продукт составлял пятую часть от уровня 1913 г. Количество рабочих, занятых в производстве, независимо от квалификации, исчислялось 40% от числа занятых в 1913 г. Только привлечением прямой иностранной экономической помощи могла быть разрешена эта серьезнейшая проблема.

В июне 1920 г. СНК РСФСР принял ряд постановлений, регулирующих организацию переселения в Россию квалифицированных иностранных рабочих и специалистов. В них говорилось, что промышленная иммиграция должна быть использована в целях поднятия производительных сил страны, повышения технического уровня и рационализации народного хозяйства. Постановления предусматривали въезд в Россию только классово сознательных и строго организованных производственных коллективов, имеющих орудия производства, продовольствие и могущих без материальной поддержки начать работу на новом месте.

Кроме того, в июле 1920 г. ЦК РКП(б) поручил Л. Д. Троцкому и Президиуму ВЦСПС провести через СНК РСФСР выборы в комиссию для осуществления контроля за ввозом иностранных рабочих в РСФСР. При Наркомате труда и РКИ была создана инспекция для проверки положения иностранных рабочих в России — Бюро по иммиграции рабочих из-за границы.

В 1920—1922 гг. в Россию прибыло около 1,5 тысячи иммигрантов, подавляющую часть которых составили русские, возвращавшиеся на родину. В промышленности нашли себе применение около 500 иммигрантов, среди них группа американских рабочих-металлистов на московских машиностроительных заводах, объединение иностранных портных на фабриках «Москвошвей», карельская рыболовная группа, кооператив американских шахтеров и строителей в Донбассе.

Публикуемые документы свидетельствуют о своеобразных трудностях, возникших в связи с организацией в 1920—1921 гг. этого нового дела. При публикации сохранены все особенности подлинников.

№ 1

**Письмо Г. Е. Зиновьева¹ к Н. Н. Крестинскому²
3 августа 1920 г.**

В Политбюро Ц.К.

Очень спешно

Копия: Президиум ВЦСПС
Наркомтруд
тов. Аниксту³

С первыми группами прибывших к нам на работу иностранных рабочих произошло нечто неслыханное. Вот факты:

1) 27-го Апреля в Петроград прибыли 15 норвежских рабочих, знающих горную работу. Петроградским Советом Союзов они были направлены 12 Мая в Москву в распоряжение Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов для переправки на юг или на Урал.

В.Ц.С.П.С. передал их в Комитет по Трудовой Повинности⁴, где у них прежде всего отобрали паспор-

та, затем началось ожидание. В конце концов, на Урал их отказались отправить, объяснив это тем, что, как утверждают норвежцы, «на Урале неспокойно»⁵.

В Москве равным образом их труд не был применен. В результате получилось, что почти целиком предоставленные самим себе норвежцы без всякого смысла просидели в Москве с 13 Мая по 4 Июля, продали все, что у них было (потому что голодали), ожесточились и с таким настроением вернулись в Петроград БЕЗ ПАСПОРТОВ, так как последние оказались в Особом Отделе и некому было озаботиться, чтобы они были возвращены владельцам.

С 5 по 31 ИЮЛЯ

Петроградский Совет Союзов тщетно старается всеми средствами получить из Москвы паспорта. Норвежцы не могут понять, что это значит, и поэтому истолковывают отсутствие паспортов, как ПОПЫТКУ НАСИЛЬСТВЕННО ЗАДЕРЖАТЬ ИХ ВСЕХ В РОССИИ, так как в Москве и в Петрограде (по своем возвращении) они совершенно недвусмысленно заявили о своем желании вернуться в Норвегию обратно и там рассказать о «советских порядках». Положение таким образом создается совершенно невозможное. Петроградскому Совету Союзов удалось до известной степени отвлечь внимание норвежцев от паспортного вопроса и даже заинтересовать их в работе в Петрограде. Возможно, что теперь они останутся здесь все, **НО ПАСПОРТА НУЖНО ПОЛУЧИТЬ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ВО ИЗБЕЖАНИЕ СКАНДАЛА.**

Подобная же история (но, к счастью, без паспортов) случилась с 6-ю рабочими железнодорожниками, отправленными приблизительно в середине Апреля в Москву в распоряжение Наркомпути. Не получив никакой работы, они вернулись в Петроград, где теперь и будут использованы.

Выводы следующие:

1) ПЕРЕД ВСЕМ НЕОБХОДИМО НЕМЕДЛЕННО РАЗЫСКАТЬ ПАСПОРТА И С КУРЬЕРОМ срочно отправить в Петроград <в Смольный, МИТРОФАНОВУ> или <ВО ДВОРЕЦ ТРУДА, ИТКИНУ>⁶.

2) НЕМЕДЛЕННО СОЗВАТЬ В МОСКВЕ КОМИССИЮ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ комитетов по трудовой повинности В.С.Н.Х., Наркомтруда и В.Ц.С.П.С. для разработки ПЛАНА ЭМИГРАЦИИ и размещения иностранных рабочих в России.

3) ПОРУЧИТЬ МЕЖДУНАРОДНОМУ СОВЕТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ⁷ ВСТУПИТЬ В СНОШЕНИЯ с заграничными производственными центрами по вопросу о контроле отъезжающих в Россию рабочих и соответствующем подборе их по квалификации, согласно плана Комиссии, указанной в пункте 2.

СПИСОК ШВЕДСКИХ РАБОЧИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПЕТРОГРАДЕ.

1. Гелль — Яльмар,
2. Дальстрем — Иоган,
3. Берг — Густав,
4. Муланд — Ларс,
5. Ариксан — Густав,
6. Карлсон — Арнет,
7. Гульбрандт — Эмиль,
8. Клинг — Густав,
9. Андерсон — Андерс,
10. Андерсон — Бернгардт,
11. Щитт — Аксель,
12. Андерсон — Аксель,
13. Розенгрэн — Аксель,
14. Свексон — Густав,
15. Нильсон — Андерс.

Все они прибыли из Норвегии 27-го Апреля в Петроград; в Москву выехали 12-го Мая, вернулись в Петроград из Москвы 4-го Июля.

Некоторые из них хотят остаться работать на одной из наших верфей в Петрограде. Вообще они говорят, если им нельзя получить паспорта и ехать домой, то они хотят поскорее приступить к работе.

ДОПОЛНЕНИЕ: В таком же положении находятся ныне несколько сот немецких рабочих, прибывших из Германии для сельскохозяйственных работ в Вятскую губернию.

Делегат Норвежской Партии т. Фриз⁸ (совершенно свой человек) сообщает мне такие же вещи относительно группы норвежских рабочих. Пока они работали в Питере, о них заботились и они были довольны. Потом их взяли в Москву, а отсюда в Петрово. Сейчас они вернулись в Москву и находятся здесь. Фриз заявляет, что они — живые тени: голодны, оборваны, больны, озлоблены. С ними обращались самым чудовищным образом: формализм, волокита и пр. Фамилии: Ларсон, Берг, Нильсон, Янсон, Мартинсон, Лингрем, Нильсон Б., Мачнусон и Ниберг.

Теперь обе группы хотят возвращаться на родину, чтобы там рассказать о наших советских «порядках». Два десятка таких агитаторов против нас навредят нам чрезвычайно.

Предлагаю:

1) Назначить под председательством т. Курского⁹ комиссию для расследования дела и предания суду виновных.

2) Обе группы (при помощи шведских и норвежских коммун/истов/) убедить остаться, послать их в Питер и (под ответственностью Цыперовича¹⁰) устроить их в сносных условиях на работу.

3) Тотчас же отдать паспорта.

4) Учредить серьезную и деловую комиссию для дальнейшего устройства приезжающих, пуская в Россию только после того, как обеспечена работа и приемлемые условия.

Г Зиновьев

АПРФ. Ф. 3. Оп. 27. Д. 37. Л. 5–7.

Машинописный текст. Подпись — автограф.

№ 2

Письмо американских эмигрантов В. И. Ленину 28 сентября 1921 г.

Товарищу Владимиру Ильичу Ленину

Мы делегаты от Американских эмигрантов в количестве от ста двадцати человек обращаемся в компетентные органы с просьбой пересмотреть постановление Орг. бюро Ц.К.Р.К.П.¹¹ отказать в просьбе о выдаче аванса по курсу за сданные американские доллары в пограничных пунктах Советской России. Мы мотивируем свою просьбу о пересмотре тем, что находим такое решение не справедливым по отношению к эмигрантам. Ввиду того, что, когда мы приехали в Либаву¹² нам было заявлено Советским представителем, что денежная система упраздняется и мы должны сдать иностранную валюту Советскому представителю по 1,500 за американский доллар. Но по приезде в Советскую Россию мы убедились, что денежная система далеко не упразднена и эмигранты очутились в очень печальном положении. А по этому мы просим пересмотреть это дело и выплатить нам по существующему курсу.

С социальным приветом к вам

Шопинский
Тираспольский

Петроград,
Старорусская ул., д. № 5
Шопинскому

Там же. Л. 16. Рукописный текст.

№ 3

Письмо Н. Н. Крестинского в Политбюро ЦК 28 сентября 1921 г.

Коллегия НКФ, обсудив всесторонне вопрос о возмещении реэмигрантам разницы в курсе долларов (офиц. 1500 — рыночным), пришла к выводу, что 1) политическая сторона этого вопроса требует все же даже при явном ущербе для республиканской казны пойти на частичное удовлетворение претензии, а именно, учитывая, что в момент проезда группы реэмигрантов (в феврале—марте 1921 г.) даже рыночный курс долларов не превышал в среднем 8–15 тысяч рублей за доллар, 2) выплата по 34000 за доллар при общей сумме сданных 446.000 долларов вызывает расход в 15.6 миллиардов рублей безусловно непосильный для

нашей кассы, 3) что ныне официальный курс доллара не 34, а 62 тысячи рублей за доллар (а рыночный 100.000 за 1 доллар), почему удовлетворение их по условному официальному курсу может повлечь в дальнейшем с увеличением официального курса предъявление все новых и новых требований о доплате, Коллегия НКФ признала возможным в виде исключения оплатить¹³ претензии этих групп реэмигрантов по среднему официальному курсу, существовавшему к моменту дачи долларов, т. е. по 15 тысяч рублей и выдать таким образом разницу между курсом в 1500 рублей и 15.000 рублей, т. е. доплатить по 13.500 рублей за сданный доллар.

Н. Крестинский

На документе имеется рукописная запись: «Об оплате американским реэмигрантам за сданные доллары. Копия т. Ленину. 29.IX.21 г.».

Там же. Л. 15. Машинописный текст. Подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883–1936) — в 1919–1926 гг. председатель исполкома Коминтерна, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б).
- 2 Крестинский Н. Н. (1883–1938) — в 1918–1921 гг. нарком финансов РСФСР, в 1919–1921 гг. секретарь ЦК РКП(б), член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б).
- 3 Аникст А. М. (1887–1941) — в 1918–1922 гг. член коллегии и заместитель наркома труда РСФСР.
- 4 Имеется в виду Наркомат труда РСФСР.
- 5 Речь, скорее всего, идет о завершении Урало-гурьевской операции, направленной на ликвидацию белогвардейской Уральской армии и освобождение Уральской области.
- 6 После 1918 г. в Смольном располагался Петроградский комитет РКП(б). Во Дворце труда в Москве был размещен аппарат ВЦСПС и ЦК профсоюзов. Подробных сведений о Митрофанове и Иткине обнаружить не удалось.
- 7 Имеется в виду Международный совет профессиональных и производственных союзов (Межсовпроф).
- 8 Фриз являлся представителем Норвежской рабочей партии в Коммунистическом Интернационале.
- 9 Курский Д. И. (1874–1932) — с 1918 г. нарком юстиции РСФСР.
- 10 Цыперович Г. В. (1871–1928) — с 1918 г. нарком продовольствия РСФСР, в конце 1921 г. стал заместителем Председателя СНК и СТО РСФСР.
- 11 Документ в материалах дела не отложился.
- 12 Старое название г. Лиепая, крупного железнодорожного узла и порта на Балтийском море.
- 13 На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 29 сентября 1921 г. было утверждено решение Оргбюро ЦК РКП(б) о выплате реэмигрантам компенсации за отобранные у них на границе доллары.

«Виденное мной более или менее характерно для всей страны»

Советская Россия конца 20-х гг. глазами немецкого инженера

Доклад немецкого специалиста-строителя В. Келлена о путешествии в Советский Союз, основанный на его дневниковых записях, весьма неординарный источник для характеристики внутренней жизни страны конца 20-х годов. Взгляд со стороны западного человека, хорошо образованного и сравнительно независимого от советской администрации, а кроме того, желающего объективно разобраться в хитросплетениях российской действительности, значительно повышает ценность его наблюдений. Естественно, как всякий впервые столкнувшийся с новым для него явлением, Келлен не только сравнивает, но и обобщает. Порой эти выводы поверхностны, но чаще — правильны и глубоки. Большинство оценок немецкого инженера касается экономических сюжетов (в первую очередь — постановки строительного дела в Советской России), психологии старой и новой интеллигенции, обстановки в ВСНХ, бытовой жизни в Москве и провинции.

Публикуемый экземпляр доклада представляет собой заверенный машинописный перевод с немецкого языка и содержит, по всей видимости, пометы И. В. Сталина. Последний получил текст в начале мая 1928 г. от заместителя председателя ВСНХ М. Л. Рухимовича. Анализ сталинских подчеркиваний в тексте доклада свидетельствует о том, что делу сразу был придан политический оттенок, — большинство из них касается как раз оценок Келленом советской номенклатуры, т. е. тех, кто должен был составить основу новой власти и с кем она связывала свои долгосрочные планы. Заключительный вывод Келлена о том, что в СССР полагаться можно лишь на тех инженеров, «которые либо члены партии, либо стоят очень близко к партии», должен был чрезвычайно импонировать вождю, утверждать его в правильности проводимой им политики по выращиванию новых советских хозяйственных кадров. Негативное отношение большинства старой интеллигенции к советской власти, о чем также писал

Келлен, не было для Сталина секретом, и потому он никак не обозначил своего отношения к этому сюжету пометами в тексте доклада. Да и проблема «перековки» остатков бывлой интеллигенции в конце 20-х годов уже не являлась актуальной для партии.

Еще один машинописный экземпляр доклада В. Келлена сохранился в ГАРФ. Как явствует из сопроводительного письма Гольдмана — помощника зав. секретариатом Председателя СНК СССР (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 71. Д. 119. Л. 1), доклад был прислан из секретариата Председателя Совнаркома А. И. Рыкова на имя заместителя Я. Э. Рудзутака. Записка Келлена к С. Б. Жуковскому (см. док. № 1) и сопроводительное письмо М. Л. Рухимовича (см. док. № 2) проливают свет на эту историю.

Во-первых, выясняется, что немецкий инженер передал оригинал доклада на немецком языке командированному в Германию Жуковскому для «строго доверительного» ознакомления с текстом некоторых деятелей ВСНХ. Жуковский, видимо, пренебрег просьбой Келлена, и доклад попал к Сталину, который по прочтении его на свой манер ознакомил партийную и советскую верхушку с текстом и извлек максимум политической выгоды. Ведь именно через секретариат Рыкова была осуществлена рассылка доклада Келлена (см. прим. 6). Знакомя советскую верхушку с критикой западного специалиста «язв» советской хозяйственной системы, Сталин тем самым как бы переадресовал эту критику Рыкову и тем деятелям ВСНХ, которые «саботировали» курс партии на индустриализацию. Рыков активно поддерживал Бухарина, объявленного в это время лидером «правого уклона» в ВКП(б), несовместимого с «генеральной линией».

Во-вторых, как показали последующие события, хозяйственные дела являлись для партийных лидеров ареной острой политической борьбы, где каждая из противоборствующих сторон старалась возложить вину за неудачи на своего соперника. В докладе Келлена Сталин подчеркнул и те места, где го-

ворится о чрезвычайном развитии бюрократизма в России, о том, что это сводит на нет преимущества нового хозяйственного строя. Это было действительным оружием в борьбе сторон. 30 июня 1929 г. в «Правде» публикуется большая статья Бухарина «Теория организованной бесхозяйственности», представляющая его рассуждения в связи с изданием книги Г Бенге «Организованная бесхозяйственность». 13 августа того же года Политбюро принимает специальное решение, в котором отмечалось, что под прикрытием «аналогий» между хозяйственным аппаратом пролетарской диктатуры и аппаратом современных капиталистических монополий Бухарин продолжает «тем самым борьбу против проводимой партией политики усиленного наступления на капиталистические элементы и их вытеснение» (Письма

И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М. 1995. С. 124–129).

Таким образом, помимо зарисовок хозяйственной и бытовой жизни Советской России конца 20-х гг., доклад Келлена дает немало материала для характеристики политической истории того времени.

Наконец, нельзя не обратить внимание на стилистику перевода доклада на русский язык. За строками ежедневных записей ясно виден сам автор, впервые приехавший в Россию, не знающий русского языка, но многое точно «понимающий глазами».

При публикации сохранены все особенности подлинника. Многоточием обозначены опущенные абзацы текста, содержащие сугубо техническую информацию, терминологически понятную только специалистам-строителям.

№ 1

Записка В. Келлена на имя С. Б. Жуковского¹

Дорогой товарищ Жуковский!

При сем пересылаю Вам оригинал моего доклада. Я прошу Вас вернуть мне первые 80 страниц копии, которая находится в Вашем распоряжении, и не брать ее с собой в СССР.

Прилагаю также мое пожелание по отношению к ВСНХ, и я прошу Вас покончить с этим делом в Москве.

Я только что закончил работу над планом настоятельных заданий в области строительного дела в СССР. Я хочу еще раз вдумчиво пересмотреть этот план; в ближайшие дни я перешлю его по почте в Москву в ВСНХ.

Я обращаю внимание на то, что в моем докладе говорится об очень многих лицах, поэтому при передаче будьте добры еще раз особо подчеркнуть, чтобы доклад был рассмотрен строго доверительно. Если хотя бы частично этот доклад стал известен кому-нибудь из этих лиц, от которых его следует держать в секрете, то это бы привело к невозможности моей работы в СССР или, во всяком случае, к большим трудностям в будущем. Уже не говоря о том, что это дело доставило бы мне много неприятностей здесь, в Германии, все мои старания не приведут ни к чему, хотя они безусловно были бы полезны СССР.

Наконец, прошу Вас тотчас же уничтожить это письмо.

Прошу Вас передать мой дружеский привет товарищам Штерну², Гальперину³ и Барскому⁴. Желаю Вам счастливого пути.

С приветом Ваш К.

Приват-доцент Шарлотенбургского Политехникума

Инж. строитель и консультант немец. Строительной фирмы «Грюн и Бильфингер».

Консультант Строительного Комитета ВСНХ — КЕЛЛЕН.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 27. Д. 41. Л. 3. Машинописный перевод с немецкого языка.

№ 2

Сопроводительная записка М. Л. Рухимовича⁵ на имя И. В. Сталина 8 мая 1928 г.

т. Сталину

Посылаю один экземпляр доклада одного крупного немецкого специалиста о его впечатлениях о Советском Союзе. Считаю бы целесообразным ознакомить с ним всех членов ЦК и ЦКК.

Рухимович

Брестский вокзал в Москве.

№ 3

ДОКЛАД⁶ О МОЕМ ПУТЕШЕСТВИИ И МОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЗА ВРЕМЯ С 11/XII-27 г. по 19/III-28 г.*

По делу одной немецкой фирмы по подземным постройкам я был командирован в Советскую Россию для сооружения фундаментов к паровым турбинам электрических станций в Балахне под Нижним Новгородом (Нигрес)⁷ и Штерстрое в Штеровской Донской Области⁸.

Кроме этих двух чисто технических задач я поставил себе целью изучить строительно-техническое дело в Советской России. За указанное время я посетил следующие стройки:

- 1) Электростанцию Нигрес в Балахне.
- 2) Бумажную фабрику в Балахне⁹.
- 3) Штеровскую Электростанцию.
- 4) Строящийся завод Сельмашстроя в Ростове-на-Дону¹⁰.
- 5) Эсхарскую Электростанцию под Харьковом¹¹.

Кроме того, в промежутке между этими поездками я жил продолжительное время в Москве.

О всех своих впечатлениях я вел подробный дневник и изложу все, что я пережил, также в хронологическом порядке. В Россию я попал впервые и воспроизведу все свои впечатления, между ними и такие, которые, может быть, и не будут Вас непосредственно интересовать; мне хочется, чтобы Вы увидели, как иностранный специалист относится к положению в Советской России, не будучи совершенно знаком с экономическими отношениями в России.

12 декабря 1927 г. я переехал польско-русскую границу у Негорелого. Таможенные чиновники и весь персонал был удивительно вежлив. Мой багаж был основательно осмотрен; хотя у меня было много письменного материала, печатных изданий, проектов и т. п., мне однако не причинили никаких затруднений и отнеслись ко мне очень хорошо. Путешествие по русской железной дороге, в Международном спальном вагоне 1-го класса, было оставлено исключительно хорошо и приятно. Каждому, кто приезжает из Европы, должно броситься в глаза, что здешние вагоны устроены гораздо лучше, чем у нас. Кроме того, я с удовольствием отметил, что вагоны содержатся так же чисто, как у нас в Германии. Это обстоятельство я особенно подчеркиваю потому, что за границей во многих кругах распространено другое мнение.

13 декабря в послеобеденное время я прибыл в Москву и имел на другой день беседу в управлении «Энергостроя»¹². С этим управлением и позднее мне неоднократно пришлось иметь дело, т. к. именно «Энергострой» разработал проекты для обеих электростанций в Балахне и Штеровке.

* Заголовок документа. — *Ред.*

Я тотчас же осведомился о лаборатории по испытанию материалов. Этот вопрос имеет особое значение в бетонных сооружениях, что признано во всех больших странах за последнее время. Вопрос об испытании материала имеет гораздо большее значение в бетонных сооружениях, чем при других строительных материалах, изготавливаемых на заводах. (...)

Поэтому чрезвычайно существенно перед всяким бетонным сооружением испытать материал, чтобы получить представление о прочности, которую можно ожидать. Если этот вопрос не будет соответствующим образом предусмотрен, то либо сооружение не будет обладать должной прочностью, либо даром потратится много материала.

Мне уже было сообщено в Берлине, что во всем СССР имеется лишь одна большая государственная лаборатория по испытанию материалов, и именно в Москве. Я поставил себе первой задачей отыскать эту лабораторию по испытанию материалов. Здесь я пережил первое свое большое изумление. Меня провели в подвальное помещение, которое состоит из 2 или 3 комнат, небольших, мрачных и убого оборудованных. Здесь находилось два прессы и другие небольшие инструменты. В одном углу я заметил несколько бетонных кубиков; они лежали так, что сразу было заметно, что им не придается особого значения. Во время моего посещения этой так называемой лаборатории никого не было, и дверь в это подвальное помещение мне отпер проф. Л а х т и н¹³, которого я нашел в другом институте. Лахтин считается в России самым выдающимся спецом в этой области; я ему сообщил, что я приехал сюда для сооружения двух железобетонныхстроек и что мне представляется в этом отношении главной задачей испытать предварительно материал. Я ему сказал, что в связи с этим мне хотелось бы с ним подробно переговорить перед тем, как отправляться на место, а так как я не владею русским языком и никого не знаю в Москве, то прошу его придти ко мне в гостиницу. Он, однако, довольно резко отклонил мою просьбу, ссылаясь на то, что у него нет времени, но просил меня посетить его на его квартире. Мы условились для этой беседы использовать вечер следующего дня.

Когда я пришел к нему на квартиру, он меня встретил очень дружелюбно и прежде всего сообщил мне, почему он отклонил мою просьбу. Он мне сообщил, что в России установлена очень строгая слежка и если бы он пошел в гостиницу к иностранцу, то подвергся бы опасности быть заподозренным в подготовке с иностранцем политического заговора или чего-либо в этом роде. Этот старый господин, как я тотчас же заметил, является приверженцем старого строя, и это обстоятельство, в сущности говоря, понятно, если принять во внимание его возраст. Он вкратце указал на большие затруднения, в которых сейчас находится Россия, и ясно обнаружил свое недовольство современным строем.

Когда мы перешли к вопросам техники, то г. Лахтин спросил меня, каким образом я предполагаю организовать испытание материалов на месте. Во время переговоров я очень удивился, обнаружив, что г. Лахтин в данном вопросе совсем не так осведомлен, как это можно было бы ожидать от такого специалиста. Кое-что он слышал о тех методах, которые я хотел применить при испытании материалов, кое-что он читал, но в общем все это было для него чем-то новым. (...)

Между тем меня чрезвычайно удивило бы, если бы я встретился с человеком, который является, как указано, самым выдающимся специалистом по испытанию материалов в целой стране и который, в сущности говоря, ничего не понимает в этих вопросах. Как это будет видно из последующего, я должен был прочитать ему целую лекцию и показать, как производятся эти работы. При этом я подчеркиваю, что испытание материалов не является моей специальностью. О способе испытания я узнал из книги Графа и других работ. Оказалось, что проф. Лахтин имеет эту книгу, но, как он сам сказал, он ее еще не успел прочитать, хотя немецкий язык знает хорошо.

Я жил в гостинице «Селект»¹⁴, где нанимал хорошую комфортабельную комнату, за которую платил 12 рублей в день.

Средства сообщения в Москве меня не особенно удовлетворили, если говорить откровенно. Для иностранца трамвай нечего принимать во внимание, т. к. он еще не разбирается в улицах. К этому присоединяется неприятное обстоятельство, что зимой изнутри вагона не видно улиц, т. к. все окна заморожены. Трудно сказать, целесообразно ли правило, чтобы пассажиры входили сзади и выходили спереди, когда все вагоны трамвая переполнены. При поездках на автобусе меня неприятно поразило, что в автобусах все чрезвычайно узко, так что в них почти нельзя пошевеливаться. Сиденья так близки друг к другу, что для ног нет достаточно места. В особенности в Москве следовало бы обратить внимание на то, чтобы автобусы были поместительны, т. к. зимой, в связи с толстыми шубами, необходимо гораздо больше места. Меня также удивило, что не все автомобили являются городскими таксомоторами. На это особенно следовало бы обратить внимание именно в Москве, как столице СССР, где бывает много иностранцев. Цены городских такси сравнительно умеренны, зато частные автомобили очень дороги. Поэтому городской автомобиль найти очень трудно. В больших городах Европы, например в Берлине, Париже и т. п., хотя автомобили частные, но все такси имеют одну установленную цену; в связи с этим поражает, что как раз нет единообразия цен в СССР, где все регулируется государством. Особенно неприятно, что легковые извозчики возят без всякого установленного тарифа. Если попадает иностранец, то извозчики используют этот случай и требуют невозможной платы. Плата за езду должна быть установлена перед

поездкой, и эта торговля носит отвратительный восточный характер. Однажды я отправился из гостиницы «Селект» к Никитским Воротам. Швейцар сторговался с шофером за 1½ рубля, что, впрочем, само по себе — дорого. Когда мы приехали, у меня не оказалось мелочи. Я дал шоферу 3 рубля с просьбой, чтобы он мне вернул 1½ рубля сдачи. Он, однако, вернул мне 45 коп. и сообщил, что больше у него денег нет. Вернуть мне 3 рубля, чтобы я их разменял, он не хотел. Несмотря на мои возражения, я ничего

Одно из первых московских такси. 1926 г.

Первый регулировщик в Москве. Кузнецкий мост. 1930 г.

не добился, т. к. я не владею русским языком; в результате маленькая поездка, которая нормально стоила бы 75 коп., обошлась мне в 2 р. 55 коп.

14 декабря 1927 г. В «Энергострое» я обсуждал с их инженерами составленные мною проекты вышеупомянутых оснований турбин. Я спросил о составе грунта в Балахне и получил ответ, что почва там, вероятно, состоит из песка или гравия. Уже это одно обстоятельство, что в Бюро, где составляются проекты, ничего

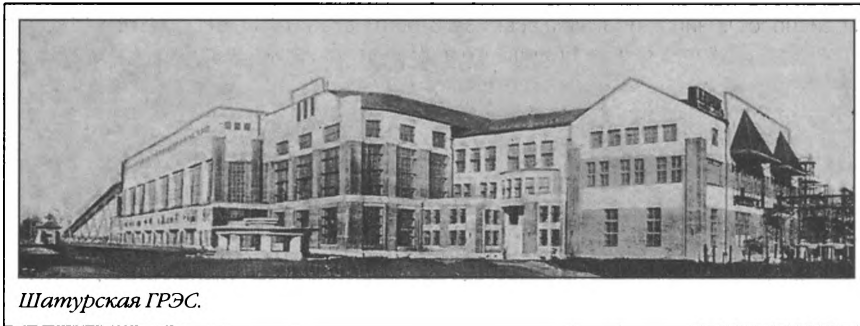
точно не известно о почве, показывает, что в России еще не осознано исключительное значение устройства оснований.

Указывая на плачевный опыт в Германии и других странах, я особенно подчеркнул, что в случае наличия песчаного грунта свайное основание неизбежно. (...)

Я сообщил, что должны быть сооружены так называемые буровые сваи (обычно в России, они называются сваями системы Штраусса). Инж. Б е л и к о в сказал мне, что эти буровые сваи вряд ли могут быть изготовлены в Балахне и вообще в России. т. к. не имеется нужных приспособлений и прежде всего нет компрессора. В свою очередь он предложил другую систему свайных оснований. Эти сваи представляют из себя готовые железобетонные конструкции конусообразного вида в два метра глубины. Беликов сказал, что эти сваи установлены в России во многих местах, а именно они изготовляются русским предприятием некоего Якоби. Мне несколько раз подчеркнули, что такие сваи могут быть изготовлены в России, и Беликов предложил мне ознакомиться с этим предприятием. В Бюро «Энергостроя» я застал двух молодых господ, которые являются руководителями данного предприятия Якоби и хорошо говорят по-немецки. Они объяснили мне методы работы. Речь идет о системе конусообразных свай, которые изобрел венский инженер Ш т е р н. В Германии эти сваи известны под названием «свай Штерна». (...)

Согласно данным мне сведениям со стороны предпринимателя, донине в СССР изготовлено свыше 2.000 свай. Эти сваи заготавливаются в настоящее время для расширения вновь построенной установки «Шатура»¹⁵ и именно в количестве 300 свай под каждым фундаментом. Предприниматель сказал мне, что для фундамента Балахны следует иметь, по меньшей мере, 200 свай. Мне казалось достаточным 100–120 свай; на это мне ответили, что 200 — это минимум и ни в коем случае нельзя изготовить меньше. Почему это так, мне так и не объяснили. Мне кажется, что этот минимум в 200 свай просто предпринимательский трюк, т. к., само собой разумеется, на 200 сваях предприниматель заработает больше, чем на 120. Я далее объяснил, что этот род свайных оснований нецелесообразен для фундамента турбин.

Далее я объяснил, что если в СССР изготовляются только эти сваи, то я не буду возражать, но пусть ответственность за возможность оседания фундамента берет на себя предприятие Я к о б и. Ведь нельзя же в самом деле требовать от моей фирмы, чтобы я взял на себя ответственность за работу, которая сделана другим пред-

Шатурская ГРЭС.

принимателем. Я показал, кроме того, некоторые новые труды, где имеются сведения о последующих оседаниях фундамента. Эти господа с большим интересом отнеслись к предложенным трудам; данные факты были для них совершенно новы. (...)

После того, как они прочитали предложенные

им доклады, они заявили, что не берут на себя ответственность за возможные оседания фундаментов.

При всех этих переговорах я невольно отметил два обстоятельства: 1) Мне пришлось беседовать с этими частными предпринимателями наедине, кроме меня и их, никто не присутствовал. Таким образом, мне было предоставлено вести дело, так сказать, как хозяину стройки с предпринимателем. Мне, чужому иностранному инженеру, было дано право сделать заказ русскому частному предпринимателю. 2) У меня сложилось полное впечатление, что это частное предприятие поддерживается всеми другими инженерами. Меня как бы хотели убедить, чтобы я дал заказ этому предпринимателю. Для меня было ясно, какова психологическая подоплека этого удивительного обстоятельства. Поддержка русского частного предпринимателя со стороны русских инженеров указывает на надежду восстановления частной собственности в СССР. Я попадал в удивительное положение — взять на себя защиту государственных интересов СССР против моих русских коллег, и я открыто заявил, что основание свай должно производиться соответствующим государственным строительным учреждением. При этих переговорах руководитель «Энергостроя» г. Цижевский не присутствовал вовсе, и я думаю, все эти обстоятельства остались ему неизвестными.

Вечером ко мне в гостиницу заехал инж. Б л ю м б е р г, и мы вместе отправились в Балахну. Насколько я знаю, он — инженер, специалист по теплохозяйству и занимается торфяным делом. На меня он произвел очень хорошее впечатление.

16.XII.27 я отправился из Нижнего Новгорода на автодрезине в Балахну. По дороге я встретил немецких монтеров, которые отправлялись на бумажную фабрику. В 3 часа пополудни я прибыл в Балахну. Мне указали очень хороший дом, с прекрасной комнатой с центральным отоплением. Дом очень хорошо устроен, в нем хорошая чистая кухня.

В тот же день днем я познакомился с неким г. Д р а х е н ф е л ь с о м — по сведениям моих коллег, это собственно барон Драхенфельс. Он стал расспрашивать о Германии, и я ему вкратце сообщил о положении дел у нас и прежде всего об экономической ситуации, о новых тенденциях крупной промышленности, трестировании и т. п. Разумеется, я описал положение вещей, каковым оно фактически является, о всем я судил с высшей точки зрения, а он покачивал головой, когда я ему сообщал, что у нас сейчас отношения совсем иные, чем были до войны. Моим рассказом он явно остался недоволен.

Вечером я пошел к главному инженеру силовой станции г. С т у п и н у и сообщил ему, что у нас должно состояться серьезное обсуждение касательно оснований фундаментов. Он обещал на другое утро прийти в строительную контору, чтобы можно было подробно обо всем договориться.

19.XII.27 я отправился в строительную контору Электростанции и застал там заведующего стройкой инж. М а с л е н н и к о в а. Я уже раньше был с ним знаком, так как летом у него была исследовательская командировка в Германию; в связи с этим я в Берлине показывал ему некоторые стройки и дал ему рекомендацию для посещения Юга Германии. Уже тогда я был невысокого мнения о его знаниях и немало удивился, узнав, что он является руководителем стройки не только самой силовой станции, но всех подстанций и соответствующих поселков района приблизительно в 100 км. Я вместе с ним посетил стройку. Прежде всего я интересовался песком, гравием и цементом. Затем я осведомился о длине и диаметре круглого железа, которое здесь имеется. (...)

Обнаружилось, что имеется только 25 тонн железа. Между тем нам для фундамента нужно 29 тонн. В связи с этим либо приходилось менять всю систему оболочек или озаботиться о получении недостающего железа. Из соображений технических я предпочел последнее с просьбой тотчас же заказать недостающий материал, чтобы не было задержки в строительной работе.

Затем пришли директор Электростанции инж. С т у п и н и его заместитель инж. Н е ф е д ь е в. Я уже заранее обследовал свойство грунта и установил, что он сплошь состоит из мелкого кварцевого песка, поэтому основание свай безусловно необходимо. Присутствовавшие господа сказали мне, что для производ-

ства буровых свай нет нужных приспособлений и что лучше всего заготовить сваи «Штерна». Они мне тоже рекомендовали предпринимателя Якоби. На это я им сообщил, что я имел дело с этим предпринимателем уже в Москве, но что эти сваи я не признаю желательными с технической точки зрения. Я ясно почувствовал, что правление было против системы основания свай. Собеседники объяснили мне, что в Электростанции имеются два фундамента для турбин, правда, очень небольших. Они были тоже возведены без свайных оснований, но ущерба никакого не последовало. Я снова указал на опыт с некоторыми фундаментами для паровых турбин за границей и сообщил, что я не могу отказаться от буровых свай при такой почве, будучи ответственным инженером. Тогда мне сообщили, что на месте нет компрессора. Когда руководители заметили, что я ни при каких обстоятельствах не хочу отказаться от своего проекта, они мне сообщили, что такие сваи два-три месяца тому назад были установлены на бумажной фабрике в Балахне на расстоянии приблизительно 7 километров от Электростанции и что соответствующие приспособления, вероятно, там имеются. Я попросил тотчас же позвонить по телефону на бумажную фабрику, чтобы раздобыть компрессор. Нам он был бы нужен всего на 6–8 недель. Вместо того чтобы протелефонировать, эти господа начали между собою длинный разговор; из этих переговоров я, разумеется, ничего не мог понять; в конце концов они мне сообщили, с полным равнодушием и спокойствием, что компрессор имеется в самом машинном отделении, т.е. в непосредственной близости от фундамента, который нужно было возводить!!! Оказалось, что и десятник, который делал сваи в Балахне и который, следовательно, хорошо знает это дело, находится тут же. Я просил тотчас же позвать мне десятника, чтобы он рассказал, как строились сваи на бумажной фабрике.

Я обратил внимание, что почти все руководители-инженеры, с которыми я до сих пор познакомился, все сплошь электротехники или инженеры-механики. Я до сих пор встретил лишь немногих инженеров-строителей (инж. Беликова в «Энергострое» в Москве и инж. Масленникова в Балахне), но и они в дальнейшем выказали свое невежество. Очень плоха организационная сторона строительных работ. Хотя для строек нужно много гравия и песка, материал этот добывается ручным способом. Затем рабочие несут полные мешки на тележки или даже на спинах до вагонов. Землечерпательных машин не имеется. Характерен для Балахны висячий кран (?), который я видел на дворе Электростанции. Мне его продемонстрировали с большой гордостью и сообщили, что кран сделан на заводе своими силами. Это абсолютно нецелесообразно. Ведь производством кранов нужно заниматься на специальных фабриках, а не на строительных работах. Жестяных форм, необходимых для доставки проб в кубиках, на месте, конечно, не имеется. Это и неудивительно, т.к. даже в так называемом Институте для Испытания Материалов¹⁶ не имеется этих приспособлений. Сверх всего это обстоятельство обнаруживает, что при всех бетонных постройках, которые до сих пор делались в Балахне, не производилось ни испытания материалов, ни испытания прочности. Управление постройками поэтому не имеет никакого представления, какова прочность этих строек.

21.XII.27. По моему распоряжению была сделана буровая скважина до 13 метров вглубь. В результате — мелкий кварцевый песок, как я и указывал. На месте имеющего быть выстроенным депо сносится старый кирпичный фундамент. Почему эта работа не была сделана раньше, я не знаю. Может быть, предполагали, что этот фундамент может быть оставлен, как часть будущего фундамента для турбин. Снос производится ручным способом. Пневматических молотков не имеется, хотя с таким молотом работа шла бы в 10 раз скорее и было бы занято гораздо меньше народа.

Я несколько познакомился с жизнью в Балахне. Я посетил несколько городских предприятий, т.н. «кооперативов»; они хорошо оборудованы и богато снабжены всевозможными товарами.

В Балахне имеется несколько инженеров, которые говорят по-немецки. Я очень сожалею, что я не владею русским языком; вследствие этого я прикован к небольшому количеству интеллигенции, говорящей по-немецки.

22.XII. Строительная контора до сих пор еще не получила проектов. Один экземпляр я захватил для самого себя. В свое время наша фирма препроводила 3 комплекта Торговому Представительству. Один экземпляр был удержан соответствующим Отделением Торгового Представительства, а два экземпляра были отправлены в «Энергострой» в Москву. «Энергострой» изучает проекты и задерживает оба экземпляра; таким образом получается, что строительная контора до сих пор не имеет проекта. Путь, по которому проходят проекты и другие документы, довольно сложен. Сначала соответствующий проект посылается из Торгового Представительства в «Энергострой» в Москву. «Энергострой» отправляет его дальше в Московское Управление «Нигрес», оттуда проект идет в Нижегородское представительство «Нигрес» и только оттуда попадает на самую стройку. При этом ни одно из этих учреждений особенно не спешит. Отсюда совершенно ясно, почему все страшно запаздывает. Впоследствии я испытал еще большие трудности. Руководитель Московской Конторы «Нигрес» г. Антрупшн мне кажется не особенно даровитым. (...)

23.XII. Мы обсуждали с инж. Масленниковым способ установки буровых свай на стройке. Бурение происходит с помощью насоса для выкачивания грязи.

При такой работе бурение идет довольно медленно, поэтому я предложил производить бурение при помощи сверлильного винта. (...)

Если бы мои ожидания оправдались, то работа пошла бы несравненно скорее, нежели с насосом. (...) Я просил г. Масленникова сделать распоряжение оставить трубу в земле, чтобы мы могли произвести опыты, о которых мы договорились.

24.XII. Встретившись, мы отправились на стройку, чтобы произвести опыт. Там я застаю следующую картину: под деревянным быком, на котором обыкновенно подвешивается насос для выкачивания грязи, стоят 12 рабочих и десятник, значит, в общем 13 человек, и ведут между собой уютную беседу. Я иду, чтобы убедиться, находится ли труба уже совсем внизу, и к моему удивлению оказывается, что все трубы лежат снаружи. От отверстия остался лишь небольшой след. Я спросил десятника, что же собственно здесь произошло. Г. Масленников, который служил мне одновременно переводчиком, сказал, что насосы уже вынуты. При этом не был ни возмущен, ни возбужден. Я спросил, что это собственно значит, ведь мы должны были произвести опыт и насосы должны были оставаться в земле. Он снова побеседовал с десятником и потом сказал: насосы вынуты, потому что десятник потерял буровую камеру. Нужно при этом иметь в виду, что буровая камера длиной в 1–1½ метра служит тому, чтобы вложить в нее обнаруженные слои грунта различной глубины, чтобы иметь геологический профиль. Эта камера есть, таким образом, ключительное достижение всего бурения. Мне абсолютно непонятно, как можно потерять такую камеру. Во всяком случае, за время всей моей практики я не наталкивался на подобные эпизоды. Если таким образом пропал результат всего пробного бурения, т. е. иначе говоря пропала работа, длившаяся 40 часов, то я, по крайней мере, хотел произвести опыт, но теперь это уже невозможно было сделать. Удивительно и то, что для осуществления одного бурения в мягком песчаном грунте при одном насосе диаметром в 15 см занято 13 человек, а еще за ½ часа до этого г. Масленников жаловался, что на стройке недостаточное количество рабочих.

С самого начала своего прибытия я распорядился транспортировать и сохранять гравий и песок недалеко от фундамента в закрытом и отапливаемом помещении, но мне все время предлагали что-нибудь другое. Так эта работа и не была выполнена. Как я уже указывал, в другом углу стройки сносили старый фундамент. В работе заняты 3 группы рабочих. Первая группа разбивает камни, вторая группа их разрыхляет, третья группа нагружает мусором тачку и увозит. Я наблюдал следующую картину: стояло 6 человек, которые должны были увезти мусор. Они стояли с полными тележками, один за другим, и, к удивлению, все дожидались, пока все тележки не будут нагружены. После того как все 6 тачек были нагружены, один пошел за другим. От фундамента была положена узкая доска вниз, а снизу опять вверх. Я уж не буду говорить о том, насколько это непроизводительно. Во всяком случае, рабочие должны были очень напрягаться, чтобы тормозить тачку на спуске, и, конечно, им также было очень трудно опять их проталкивать вверх. При начале подъема рабочий обратил внимание, что работа довольно трудная. Он остановился, оставил тачку, снял куртку и старался отдышаться. Эта потеря времени длилась две минуты. Конечно, и остальные рабочие, которые шли за ним, должны были в свою очередь остановиться и только, когда первый пошел дальше, и остальные пошли за ним. Этот перерыв повторялся дважды, пока наконец тачка благополучно не достигла места своего назначения.

Когда бы я ни приходил на стройку, я обнаруживал, что то одна, то другая группа рабочих отдыхает. Работа идет с колоссальной медленностью и чрезвычайно недисциплинированно. Почти в каждом углу стройки я вижу людей, и мужчин, и женщин, которые или стоят, или сидят и бездельничают. То же происходит и в строительной конторе. Иногда с трудом проходишь по коридору, столько там торчит людей. Чего они там ищут, никто мне не мог объяснить. Однажды я спросил г. Масленникова, что собственно делают все эти стоящие и сидящие люди. Он не мог мне ответить на этот вопрос. Тогда я его отправил к одной группе, чтобы он спросил, чего там ищут эти люди. Он возвратился и сообщил, что они там находятся в связи с отоплением. Во всем помещении всего 2 маленькие печки. Повсюду — центральное отопление. Мне совершенно непонятно, зачем нужно 10 или 12 человек для обслуживания этих 2 печей. Я ему старался доказать, что это ненормальное положение вещей, что рабочая дисциплина чрезвычайно слаба, что люди расхаживают, стоят, сидят, приходят, уходят, не зная, зачем собственно они это делают, и что это совершенно недопустимо, чтобы ответственный руководитель допускал все эти факты, ибо обязанностью ответственного руководителя и его помощников является организация работы и установка дисциплины. Однако г. Масленников вовсе не заботился о всей постройке в целом и на мои упреки говорил мне, смеясь, что с этим ничего не поделаешь, мы находимся в России, а в России так уже повелось. Он приходит в 9½ час. в контору, подписывает несколько платежных ведомостей и в 4 часа уходит домой. На постройку он ходит, может быть, раз в неделю на несколько минут. И при всем том он является ответственным руководителем работ. Когда я ему заметил, что я не вполне доволен его деятельностью, он стал уверять ме-

ня, что у всех других инженеров очень много работы и, кроме того, они работают дома до полуночи. Я посетил его без предупреждения раз 5–6 на дому в послеобеденное время, но о работе не было и речи. В этой связи я могу упомянуть лишь о следующем: инж. Масленников обратился ко мне с просьбой дать более точные сведения о положении инженеров в Германии, их правах, обязанностях и ответственности. Обо всем этом я ему точно сообщил и рассказывал, как обстоит дело у нас в Германии. При этом я не знал еще, для какой специальной цели ему были нужны эти сведения. Мне было лишь сказано, что инженеры в России несут слишком большую ответственность; в особенности, когда происходит несчастный случай с человеческими жертвами. Я разъяснил ему, однако, что наши инженеры несут, по крайней мере, столь же большую ответственность и несчастные случаи на строительных работах расследуются с такой же строгостью. Бывает даже, что арестовывается инженер, ответственный за работу. Эти вопросы впоследствии мне еще часто предлагались, но причины подобных расспросов мне удалось понять лишь через несколько недель.

Я осмотрел машинное помещение и посетил там руководителя работ инж. Челнокова. Он очень бесполойный и нервный человек. Болен малярией — болезнью, которая здесь, к сожалению, встречается слишком часто. Об его познаниях я не могу ничего сообщить, т. к. он инженер-электротехник. У меня сложилось впечатление, что он теряется в теоретических вопросах.

26.XII. Я совершил прогулку с г. Драхенфельсом на бумажную фабрику. Постройку я не осматривал и ее посещение отложил на более отдаленный срок. Поблизости от бумажной фабрики находится совершенно новый поселок; чистые деревянные дома, которые очень красиво выстроены. Вообще столярные и плотничные работы в России особенно красивы. Тамошние плотники пользуются известностью даже за границей.

Во время обеда я разговаривал с г. Рашиковским — руководителем тамошнего иностранного отдела; он говорит на нескольких языках. Я был ему представлен, так как на него официально возложена обязанность помогать при переводах, и в особенности в тех случаях, когда возникают затруднения из-за языка. Я смотрел на него, так сказать, как на официального переводчика. Рашиковский очень интересный человек. Он рассказывал мне, что до войны работал при различных русских посольствах за границей, так, например, он долгое время жил в Греции, а потом был посланником в Дармштадте. Во время войны он был генералом и как будто адмиралом Дальневосточного флота. По окончании войны он эмигрировал за границу и жил со своей семьей в Норвегии. Его жена там осталась, а дочери там же вышли замуж. Он говорил мне, что ему пришлось подать современному правительству два или три прошения о разрешении вернуться в Россию. Он считает, что прежний режим был плохим для народа и что теперь создались в основном более благоприятные и лучшие условия. 10 месяцев тому назад ему было разрешено вернуться в Россию, и он получил свою настоящую должность. У меня сложилось впечатление, что его мировоззрение очень близко к коммунистическому. Он отрицательно относится ко всему, что индивидуалистично, и ценит лишь действительное и истинное. Он жил сначала, по его словам, у крестьян, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с современным положением и воззрениями народа. Русскую интеллигенцию он вообще ценит очень низко, но рабочих и крестьян ставит высоко и придерживается того мнения, что это единственный хороший человеческий материал в России, который позволяет на что-либо надеяться. Впоследствии я не раз имел возможность разговаривать с г. Рашиковским, и это самый приятный человек из всех тех, с кем я познакомился в Балахне. Он ругает тамошних инженеров и говорит, что они никуда не годятся, что они лентяи и не работают, что они сидят в конторе вместо того, чтобы быть на стройке, что работа не идет так, как она должна бы идти и т. д. Поэтому в кругах тамошних инженеров его ненавидят. Почти каждый день во время обеда у него бывали столкновения с тамошними инженерами, которым он неоднократно говорил, что он недоволен ходом здешних работ. Он действительно много работает, после обеда он снова возвращается в свою контору и часто занимается до поздней ночи.

27.XII. Проект, составленный мною в Берлине, я проверил здесь еще раз и обнаружил, что в одной части фундамента имеется опасность сотрясения. Я хотел тотчас же телеграфировать А. О. «Браун, Бовери» в Маннгейм, настаивая на соответствующих изменениях. Г. Масленников сказал мне, что этот вопрос следует сначала обсудить в здешнем правлении и оно уже предпримет дальнейшие шаги. Мы отправились к руководителю строительных работ, где присутствовал также и г. Нефедьев. После некоторого совещания он сообщил мне, что правление не имеет отношения к этому вопросу и что это — дело лишь Акц. Общ. «Грюн и Бильфингер» и Акц. Общ. «Браун, Бовери». Таким образом, я оказался прав в своем первоначальном намерении, но дело стало выглядеть так, будто я хотел весь этот вопрос взвалить на тамошнее правление.

Вечером я пошел на концерт, который был организован с благотворительной целью. Концерт был вполне буржуазным.

28.XII. Я хотел посетить постройку еще раз без инж. Масленникова и взял с собой инж. Каула в качестве переводчика. На постройке все идет довольно беспорядочно. До сих пор нет никакого плана работ и никаких рабочих чертежей по возведению постройки. Это обстоятельство меня в особенности возмутило. Все, о чем я до сих пор говорил с Масленниковым, осталось невыполненным. Руководитель строительными работами совершенно не был ориентирован в целом ряде вопросов, как-то: в вопросе о доставке песка и гравия в отапливаемое помещение, о подготовке гравия к промывке, о способах быстрейшего изготовления бетонных свай. Все мои разговоры с г. Масленниковым оказались тщетными. Собственно говоря, я должен был все распоряжения делать в письменном виде, что является, однако, чрезвычайно затруднительным и ведет к длительным пререканиям. Здесь работают с колоссальной ленью и небрежностью. Я чувствую себя как бы связанным. Все мои распоряжения, которые я отдаю, чтобы ускорить работу, терпят неудачу из-за лени тамошних руководителей. В отношении буровых инструментов еще ничего не предпринято. Г. Масленников, впрочем, уверяет меня, что он искал необходимые инструменты здесь и в Нижнем Новгороде и нигде не мог найти. Я думаю, однако, что он и не искал их в Нижнем Новгороде. И это мое предположение действительно подтвердилось впоследствии. Теперь он предлагает мне новый буровой инструмент.

Я заявил, что мне безразлично, какого рода инструменты будут здесь применены, важно лишь, чтобы они у нас были для скорейшего продвижения работы. (...)

29.XII. Я обсуждал с инж.-механиком К а с т е л ь с к и м новый буровой инструмент. Этот инструмент должен быть изготовлен в тамошних мастерских. Я был вынужден подробно с ним обсудить отдельные детали его изготовления.

30.XII. Я узнал, что на силовой станции имеется химическая лаборатория по исследованию торфа. Заведующий этой лабораторией г. Ч е т е р и к о в — очень симпатичный человек, который безукоризненно говорит по-немецки. В лаборатории я смог по крайней мере произвести предварительные исследования по испытанию материалов, т. к. из-за границы еще не пришли инструменты, заказанные в Германии. В тот же день я распорядился об отправке телеграммы в Москву и Берлин для затребования инструментов. Наконец, по моим настояниям, составлен план работ. (...)

Масленников явно смотрел на мои вычисления, как на излишнее теоретизирование. Я сказал ему, что нести ответственность будет он, если произойдут какие-либо повреждения.

31.XII. Меня все больше и больше раздражает беспечность заведующего строительными работами г. Масленникова. (...)

Он все перекладывает на своих помощников и десятников и затем еще жалуется на большую ответственность инженеров.

Многие из инженеров, как уже упоминалось, больны малярией. Эта болезнь, до известной степени, оправдывает лень этих людей. Интересно, что здешняя интеллигенция стыдится передо мной из-за революции; они думают, что в результате нынешнего режима они впали в варварское состояние.

На встречу нового года я был приглашен к г. Рашиковскому. Мы очень оживленно беседовали о различных интересных вопросах. Он повторял, что он совершенно неудовлетворен тамошней работой, что она не двигается вперед, что стройка стоит очень дорого. Жаловался на небрежность инженеров и т. д. Он делает очень здравые замечания. Впрочем, он ничего не может поделать, т. к. он не специалист. Я здесь в один день больше увидел, чем он в 10 месяцев. Я сказал ему, что специальные знания важны потому, что здесь все предоставлено специалистам. Г. Рашиковский мог бы со своей стороны скорее продвинуть работу и, будучи раньше военным, считает возможным ее ускорить, организовав стройку по военному образцу. (...)

Я рассказывал ему, что у меня имеются трудности в работе, что трудовая дисциплина очень слаба, что мои инструменты все еще не прибыли из Германии, что никак нельзя установить, что находятся они в Москве, Нижнем-Новгороде или еще где-нибудь. Эти обстоятельства он близко принял к сердцу и после полуночи посетил инж. Нефедьева на его квартире, чтобы испросить у него разрешение съездить в Москву и добыть инструменты. Он просил меня разъяснить здешним рабочим значение трудовой дисциплины и организации и сделать по этому поводу доклад. Я ему это также пообещал. Затем он передал мне письмо, которое было направлено тамошними рабочими германским рабочим. Он, впрочем, считается тамошними инженерами за помешанного.

2.1.28. В 3 часа пополудни я получил известие, что инструменты прибыли в Нижний Новгород. Так как я только их и дожидался и, при первой возможности, собирался ехать за ними в Москву, то я просил тотчас

же привезти инструменты из Нижнего Новгорода, чтобы начать на следующий день исследование. Масленников сказал мне, что я получу инструменты через 3–4 дня, т. к. надо еще выплатить за них таможенные пошлины. Я был недоволен этим ответом и снова стал настаивать на том, чтобы инструменты были тотчас же привезены. Подумать только, что каждый день моего пребывания стоит денег и что это имеет гораздо большее значение, нежели таможенная пошлина или какие-либо иные формальности.

4.1. Инструменты должны прибыть сегодня вечером. Я сейчас рассчитал, какого числа я должен ехать обратно, и запросил, сможет кто-либо меня сопровождать. Масленников сообщил мне, что он все равно должен ехать в Москву и поэтому мы отправимся вместе. Однако я не смог у него узнать определенный срок отъезда и добиться того, чтобы он заказал мне комнату в гостинице. Я был в таком нетерпении уже по одной той причине, что привык составлять точную программу, по крайней мере, на день. Кроме того, я обещал «Энергострою» в Москве, что приеду к определенному сроку. Буровой инструмент еще не готов, работать начали всего 2 дня тому назад, хотя должны были начать 29.XII. Ввиду того, что правление состоит, как я узнал, из 3 лиц, из которых я двух знаю, а третьего нет, я высказал желание познакомиться с этим третьим лицом. Мне сказали, что это несущественно, т. к. он не инженер, а коммунист. Я подчеркнул все-таки, что я к нему зайду, невзирая на его политическое положение, хотя бы потому, что он также входит в состав правления. Я был вынужден не раз повторить свое пожелание. Наконец, я взял Масленникова, так сказать, за шиворот и пошел вместе с ним в главную контору. Политический руководитель — Данилов принял меня очень любезно. Я попросил его показать мне рабочий клуб и прочие организации социального характера. Мои коллеги были порядком изумлены моим желанием.

5.1. Так как моя командировка заканчивалась на следующий день, то я передал г. Масленникову телеграмму, в которой требовал у фирмы посылки второго инженера для замещения меня во время моего отсутствия. В моем распоряжении имеется копия этой телеграммы от 5/1. Я заметил, что сведения о приезде второго инженера, означавшем дальнейший контроль за строительными работами, произвели не совсем приятное впечатление. Я указал, однако, что моя фирма берет на себя ответственность лишь при этих условиях. Для достоверности я впоследствии спрашивал г. Масленникова, послал ли он телеграмму, на что получил утвердительный ответ. Посылку второго инженера я считал необходимой не только в целях контроля, но и для ускорения хода работ.

Сегодня ко мне зашел заместитель Масленникова. Он очень спокойный человек, который все время сидит за своим чертежным столом и поразительно мало производителен. Я тороплю с изготовлением первой сваи, чтобы она была закончена при мне. Но несмотря на мои старания подготовительная работа идет очень медленно. (...)

6.1.28. Наконец я смог подвергнуть испытанию материал. Во время испытания материала я встретился с целым рядом затруднений. Уже за несколько дней перед этим я заказал 1-литровый и 3-литровый сосуд. На стройке я нашел 3 сосуда, емкость которых была неизвестна. Я был принужден бежать в химическую лабораторию, достать там калиброванный стеклянный сосуд, чтобы самому прокалибровать найденные мною сосуды. Мне сказали, что 1-литровый сосуд в Балахне нельзя найти вовсе. Когда я захотел воспользоваться большим сосудом, емкостью около 12 литров, чтобы работа двигалась быстрее, я оказался не в состоянии сделать этого, так как емкость его также была неизвестна. Я послал сосуд в химическую лабораторию с просьбой тотчас же его прокалибровать и через полчаса прислать назад, дабы не прерывать работу. Через час посланный вернулся и сказал, что сосуд может быть прокалиброван лишь завтра, т. к. у него пробито дно и вода вытекает. На это я уж не смог больше сердиться и просто рассмеелся.

Вечером я посетил рабочий клуб. Сначала я присутствовал на профсоюзном собрании. В нем принимали участие по большей части рабочие и крестьяне; порядок на собрании был поразительный и большая дисциплинированность. По окончании я осмотрел рабочий клуб. Дом, в котором помещается клуб, раньше был казармой. В настоящее время в нем имеется библиотека, читальный зал, зал радио, гимнастический зал, кино и т. д. Я остался чрезвычайно доволен этим посещением. В клубе ведутся систематические занятия по техническим, экономическим и другим вопросам.

7.1.28. Мне кажется удивительным, что в Нижнем Новгороде нет никакой лаборатории по испытанию бетона, так что кубики приходится пересылать в Москву. При перевозке качество бетона страдает, кроме того, и стоимость испытания бетона повышается из-за расходов по транспорту. Тем временем я приготовил обещанный мною доклад, и нужно было лишь сговориться о сроке. У меня создалось впечатление, что

тамошнее правление мало заинтересовалось моим докладом, т. к. мне пришлось сообщить, какое его содержание. Очевидно, люди не хотят, чтобы их поучали. Между тем доклад был переведен Рашиковским и переписан во многих экземплярах. Я попросил г. Рашиковского дать рабочим возможность познакомиться с моим докладом и точно назначил срок. Г. Масленников снова высказывает свои соображения по поводу изготовления свай.

Он хочет посоветоваться по этому вопросу с проф. Кнорре из Москвы. Я заявил ему, что не нуждаюсь ни в чьей консультации и нахожусь здесь, чтобы давать необходимые указания.

Быть может, небезынтересно будет упомянуть, что в этот день записал в своем дневнике следующую фразу:

«Работа тамошних инженеров заставляет думать о саботаже».

8.1.28. Я еще накануне просил г. Масленникова спросить г. Ступина и Нефедьева, не смогу ли я с ними переговорить до моего отъезда из Балахны. Я имел бы возможность еще раз обсудить состояние работы и указать некоторые обстоятельства, которые мне не нравятся. Он мне обещал условиться с ними, чтобы совещание могло состояться сегодня же днем в 12 часов. Кроме того, он собирался придти сегодня в 3 часа на стройку, где мы хотели производить разборку форм. Разумеется, я не увидел его ни в 12, ни в 3 часа. О совещании не было и речи, хотя, правда, сегодня русское Рождество, он все же должен был бы сдержать свое слово. Я позвонил ему по телефону, тогда он обещал зайти за мной через некоторое время и отправиться вместе к инж. Ступину. Я ждал его до 11 ч. вечера, но он не пришел. Я был вынужден написать следующее письмо в правление:

Балахна, 8 января 1928 г.

В Правление Электростанций
инж. Ступину

Балахна.

Ввиду того, что я выполнил мою задачу, которая заключалась в подготовке строительных работ, испытании материалов и приспособлении проекта к местным условиям, я уезжаю отсюда завтра или послезавтра. Во время моего отсутствия меня будет замещать другой инженер моей фирмы, который вызван телеграммой от 5 декабря. На основании некоторых Ваших замечаний я счел необходимым лично переговорить с Вами, чтобы предупредить возможность всяких недоразумений в дальнейшем. Я просил г. Масленникова известить Вас о моем намерении и предоставить мне возможность переговорить с Вами. Т. к. это не осуществилось, то я вижу себя вынужденным сообщить Вам следующее:

1) Общее. Согласно нашего договора моя фирма взяла на себя ответственность за постройку с тем условием, что работа будет производиться под постоянным наблюдением одного из наших инженеров. Распоряжения нашего инженера должны выполняться совершенно точно. Моя фирма берет на себя ответственность только за техническую правильность фундамента. Продолжительность строительных работ, выполнение программы строительных работ, возможные несчастные случаи на стройке — все это уже ваше дело.

2) Срок строительных работ. Первый вопрос, который был мне предложен после моего прибытия, касался срока строительных работ. Мне сообщили, что пуск турбины намечен на 1 августа 1928 г. Так как, по словам инж. Масленникова, работа по монтажу потребует 5 месяцев, то фундамент должен быть готов к 1 марта.

Сейчас 8 января, а свайное основание еще не начато. На его сооружение надо положить два месяца, в таком случае продолжительность всех строительных работ будет равняться 4 месяцам.

Если забивка свай начнется 15 января, то к 15 мая фундамент будет готов для монтажа, а поскольку монтаж продолжится 5 месяцев, то турбина, в лучшем случае, может быть пущена к 15 октября, хотя срок строительных работ, — как я уже выше говорил, — не мое дело, я с самого начала прилагал все старания, чтобы ускорить работу, и если это не удалось, то не по моей вине.

3) Свайное основание. После того как я убедился в нецелесообразности способов бурения, я предложил производить бурение при помощи бурового винта. (...)

Он до сих пор еще не готов. Вчера инж. Масленников сообщил мне, что он намерен в Москве устроить техническое совещание по вопросам бурения, на которое будет приглашен также проф. Московского Высшего Технического Училища¹⁷. Я довожу до Вашего сведения, что считаю подобное совещание излишним и в нем участия не приму. Способ бурения

не представляет для меня никакой технической проблемы, мы в Германии имели дело с тысячами различных способов бурения. Весь вопрос заключается лишь в том, чтобы найти буровой инструмент, который можно было бы получить в России, и тем самым ускорить работу. Разрешение вопроса состоит в посещении места продажи буровых инструментов. Я хотел бы лишь отметить, что нахожусь здесь уже 3 недели и до сих пор ни одна свая не забита в грунт.

4) Перевозка песка и гравия. На первый же день моего пребывания здесь я распорядился, чтобы примеси были помещены под крышу и находились в отапливаемом помещении. Это пожелание я повторял в самой различной форме, но совершенно безрезультатно.

5) Забивка шпунтовых стенок. По моим вычислениям толщина шпунтовой стенки недостаточна. Шпунтовые стенки начали забивать, не спросив меня о необходимой толщине. За несчастные случаи, происходящие на строительных работах, и за повреждение существующего фундамента ответственность несете Вы.

Выше я пытался показать Вам, что я приложил все старания к тому, чтобы ускорить строительные работы и сократить их срок, хотя это не входило в мои прямые задачи. Я довожу до Вашего сведения, что, если работы будут вестись в том же темпе, в каком они велись до сих пор, Вы не сможете пустить турбину в этом году. Я прошу Вас не истолковать дурно мою откровенность, я считаю своим долгом осветить Вам положение дел, во избежание упреков, которые в дальнейшем могут быть сделаны моей фирме, в смысле медленности строительных работ. Я заверяю Вас в моем искреннем намерении быть Вам полезным и нахожусь в Вашем распоряжении по всем техническим вопросам моей специальности.

С совершенным почтением
А. О. «Грюн и Бильфингер»

инж. В. Келлен.

Здесь инженеры крайне недовольны деятельностью г. Рашиковского, который, очевидно, очень им неприятен. Условия работы и образ действия этих людей меня поражают. Каждый, по-видимому, боится другого, и вся атмосфера кругом кажется гнетущей и таинственной.

9.1.28. В строительную контору пришли г. Ступин и Нефедьев. Г. Масленников, разумеется, присутствовал. Я передал г. Ступину письмо, написанное мною вчера.

По поводу прежних способов бурения я заметил, что при их применении работа двигается очень медленно. На это г. Ступин сказал мне, что я должен заказать в Германии буровые инструменты, т. к. других буровых инструментов нельзя найти нигде в России. Он предложил мне написать письмо нашей фирме, чтобы она добыла эти инструменты и отправила их сюда. Я сообщил, что, по моему мнению, закупки за границей должны совершаться непосредственно Торговым Представительством и что наша фирма не имеет права заказывать инструменты. На это мне ответил, что закупка через Торгпредство протекает очень медленно, что при таких условиях мы никогда не получим инструментов и т. д. У меня вообще содалось впечатление, что во всех тех учреждениях, с которыми я до сих пор имел дело, существует страх перед Торгпредством в Берлине и люди пытаются всяческими способами обойтись без него. После того как мы приняли решение закупить инструменты в Германии, я спросил г. Ступина, почему эти переговоры не начаты были 3 недели тому назад. За это время мы успели бы значительно продвинуться вперед. Я сказал, что стою за быстрый ход работ и что я здесь, так сказать, единственный человек, который торопит работу, хотя это и не входит в мои обязанности. Когда я приехал, г. Ступин сам заявил мне, что он хочет пустить турбину 1 августа. Но при столь медленном ходе работ об этом не может быть и речи. На это он мне ответил, что если турбина не будет пущена в августе, то в его распоряжении еще много времени до следующего года. Я сообщил ему далее, что сегодня же вечером собираюсь сделать доклад рабочим и инженерам по рационализации. Г. Нефедьев заявил, что лучше бы мне сделать доклад здешним инженерам об оседании фундамента. Впрочем, г. Ступин тоже находил мало поучительного в моем докладе. Последний был до этого показан политическому руководителю. Вечером я делал доклад, который был прочтен в моем присутствии г. Рашиковским. Присутствовавшие рабочие выслушали мой доклад с большим интересом и задали мне множество вопросов. Некоторые квалифицированные рабочие хотели после этого высказать мне особую благодарность за мой доклад. Русский его перевод я передал впоследствии г. Гальперину, заведующему Химическим Отделом ВСНХ. Я думаю, что этот документ находится в ВСНХ.

10.1.28. Я присутствовал на стройке при забивке первой сваи. После обеда, когда я уже готовился уезжать, свая еще не была готова. Вечером я уехал в Москву. Тот факт, что я так много и обстоятельно мо-

гу сообщить о Балахне, объясняется тем, что я там находился 3 недели. На других стройках я не смог задерживаться так долго, но я полагаю, что виденное мною здесь более или менее характерно для всей страны. Я не думаю, что тамошний заведующий строительными работами — г. Масленников, с которым я долго имел дело, саботирует. Я придерживаюсь скорее того мнения, что он обладает личными качествами, которые делают его непригодным к занимаемой им должности. В противоположность другим здешним инженерам он сам по себе доволен существующими условиями. К сожалению, он не только ленив, но и не обладает соответственными специальными познаниями. О других инженерах, как о специалистах, я могу сообщить мало, т. к. они вовсе не инженеры-строители. Оба технических руководителя Силовой Станции — Ступин и Нефедьев — инженеры-электротехники, и я их вовсе не видал на стройке. Это меня не удивляло, т. к. инженер-электротехник мало имеет общего со строительными вопросами. Одной из наиболее существенных ошибок постановки дела является, как я уже сказал, недостаточная организованность строительных работ и плохая трудовая дисциплина.

11.1.28. Утро. 9 ч. 30 м. Приезд в Москву. Посетил «Электрострой», где г. Цишевский попросил меня съездить для консультации на ЭСХАР в Харьков. Он обещал мне предоставить в мое распоряжение инженера, говорящего по-немецки, который будет сопровождать меня в моей поездке. Это предложение имеет двоякую цель: 1) инженер должен оказывать мне помощь в моих работах и быть переводчиком, 2) оказывая мне помощь, он очень многому от меня научится и использует эти сведения для «Энергостроя».

12.1.28. В «Энергострое» я встретил Масленникова. Мы имели там с ним разговор в присутствии Ступина и Нефедьева. Я указывал еще раз на значение буровых инструментов и просил Масленникова их поискать. Он сначала заявил, что уже искал буровые инструменты и их нет в Москве. Через полчаса он сказал, что их поищет. На мой вопрос, где находится завод или предприятие, где можно было бы получить эти инструменты, он не смог мне дать ответа.

13.1.28. Когда я обратился с вторичной просьбой к «Энергострою» и Антрушину, мне был сообщен адрес завода, где можно найти буровые инструменты. Сначала я посетил контору этого завода, где рассказал о моем желании и просил составить чертеж соответствующего инструмента, согласно моим указаниям, а также заказать его заводу. Мне заявили, что чертеж не может быть составлен в конторе, но на заводе.

После этого я отправился на завод, обсудил вопрос с директором завода и просил его по возможности скорее составить чертежи. Это было мне обещано. В 6 часов вечера посетил меня инженер из ЭСХАР'а, задержавшийся в Москве проездом в Ленинград, и просил меня безотлагательно отправиться в Харьков, где моя консультация требовалась незамедлительно. Мне пришлось изменить мой первоначально задуманный план. Я должен был поехать по поручению Президиума ВСНХ в Ростов и собирался соединить все три поездки: в Харьков, в Ростов и в Штеровку.

14.1.28. Я посетил Электротехнический Исследовательский Институт¹⁸. Меня сопровождал и показывал мне Институт инж. Н и т у з о в, незадолго до этого побывавший в Берлине. Институт очень хорошо оборудован. Работа ведется в нем весьма энергично. Приблизительно в таких же размерах следовало бы организовать Институт для Испытания Материалов.

Вечером принесли мне заказанный мною чертеж бурового станка. Так как чертеж меня не вполне удовлетворил, я заявил, что должен поговорить сперва с каким-нибудь инж.-механиком, например из Энергостроя, чтобы внести в чертеж технические изменения.

15.1.28. Утром посетил я проф. Лахтина на его квартире. Мне пришлось ему в точности рассказать, как я производил испытание материалов в Балахне. Однако это его не удовлетворило, и он попросил меня предоставить ему копию моих вычислений. Я сообщил ему, что, имея в своем распоряжении в настоящее время только один аппарат для производства испытаний, я не думаю производить испытания материалов со Штеровской Электрической Станции на месте, но распорядился прислать пробы песка, гравия и цемента в Москву. Местом производства испытаний я указал его лабораторию.

Проф. Лахтин сообщил мне, что не будет препятствовать производству испытаний в лаборатории, но что он ставит условием со своей стороны свое присутствие, желая научиться, как такого рода исследования производятся. Я, конечно, против этого не возражал. (...)

Позднее он стал рассказывать мне, как ужасны в настоящее время условия жизни в России: невозможно даже получить разрешение поехать за границу. Такого рода поездки сопряжены со многими фор-

мальностями и трудностями. Перед войной все было значительно проще. Он мог всюду ездить. Достаточно было показать свою визитную карточку и т. д. Его весьма удивило мое сообщение, что такие же формальности и трудности имеются в настоящее время всюду, что мы, желая поехать за границу, также должны получить паспорт, визу и т. д., что визы даются не легко, если мы хотим поехать во Францию или в какую-либо другую страну. Вообще говоря, русские инженеры думают, что по окончании войны во всех странах, за исключением России, восстановились довоенные условия жизни, и не хотят понять, что сейчас и в других странах условия жизни совсем иные, чем перед войной. Много раз я даже замечал, что, рассказывая о современных условиях жизни за границей, я вызывал к себе недоверие и сомнение в правдивости своих слов. Совершенно удивительно, как судорожно эти люди хватаются за приятный для них, но уже не существующий мир прошлого. Они думают, что за границей это рай, а заграничная жизнь, по их мнению, превосходна и приятна. Когда я рассказал, что сейчас инженерам приходится много хуже, чем перед войной, что положение их далеко не блестящее, что они плохо оплачиваются, что с них много требуют, что они несут очень большую ответственность, что высоко ценятся не специальные знания, а только деловые способности, — мне никто не поверил. Русские инженеры думают, что такого рода слова представляют собой пропаганду в пользу советской системы. В этом отношении они чрезвычайно упрямы.

Советская площадь в 1920-х гг. В центре площади — обелиск 1-й Советской Конституции. Скульптор Н. Андреев, архитектор Д. Осипов. 1919 г.

16.1.28. Изготовленный чертеж нового бурового станка показал я инженеру-механику из Энергостроя с просьбой внести предложенные мною изменения. Я сказал, что не могу произвести этих изменений сам. т. к. являюсь инженером-строителем, а такого рода изменения непременно должны быть сделаны инж.-механиком. Я попросил его закончить эту работу, по возможности, к следующему дню. Однако чертеж не был изменен, и г. Беликов сообщил мне, что инженер, которому я поручил это сделать, был занят другими более существенными работами. Итак, мои старания ни к чему не привели. Мне не удалось найти инженера-механика, который взял бы на себя предлагавшуюся мною работу. В конце концов все это мне чрезвычайно надоело. Благодаря этому изготовление нового станка чрезвычайно задержалось.

Мне пришлось убедиться, что бюрократизм в России развился чрезвычайно и достиг весьма высоких пределов. Каждое учреждение заботится лишь о том, что его непосредственно касается, и если дело идет о чем-либо, не входящем в круг его прямых обязанностей, учреждение этим не интересуется. Так же много времени уходит на различные мелочи, как, например, на решение вопросов о том, кто должен оплатить ту или иную работу. Что касается расходов по изготовлению чертежа для меня, то возник горячий спор между Московским Представительством «Нигрес» и Энергостроем. Каждое учреждение заявляло, что оплата его не касается. Я указывал на недопустимость и смехотворность подобных споров, полагая, что в конечном итоге совершенно безразлично, кем будет выплачена столь незначительная сумма. Если в работе возникают такого рода препятствия, то ими сводятся на нет все преимущества нового хозяйственного строя в России.

18.1.28. В 8 часов утра приехал в Харьков. Там встретил меня инженер, говоривший по-немецки, и отвез в гостиницу «Астория». Вскоре за мной заехал старший инженер Берлин, и мы отправились в контору управления. В конторе работа ведется весьма энергично. В комнате руководителя строительных работ на стене я увидел диаграмму бетонных работ, на которой в точности отмечаются все достижения. Работа ведется со скоростью до 170 куб. м. в день. На все мои вопросы я получил точные ответы. Дело шло о сооружении нового фундамента для тамошней турбинной установки мощностью в 22 000 киловатт. Проекты выполнены фирмой «К о с с е л ь», в Бремене. Эта фирма предусмотрела необходимость возведения фундамента на сваях. Моя консультация требовалась, чтобы установить, действительно ли возведение фундамента на сваях необходимо при данных условиях грунта. Бралась многочисленная пробы, и результаты с точностью занесены в протоколе. Делались точные снимки геологических профилей, производились внимательные геологические экспертизы и т. д. Из всего этого видно, что вопросу о прочности грунта было уделено повышенное внимание. Причиной столь добросовестных работ является, как мне сообщили, то, что первая геологическая экспертиза дала неблагоприятные показания, т. к. руководители строительными работами, из каких-то соображений, не хотели перенести место постройки центральной станции, — пришлось производить столь внимательное исследование. (...)

Я сказал, что хочу сам ознакомиться с местностью. В 11 ч. 20 мин. отправились мы поездом к месту стройки. Старший инженер Берлин производит впечатление весьма энергичного и трудолюбивого работника. По некоторым его замечаниям я вынес впечатление, что он также недоволен современной системой. Он говорил, что в Харькове все было лучше перед войной, и жаловался на состояние здоровья русских инженеров. Он рассказывал, что большинство тамошних инженеров страдает болезнью сердца, являющейся результатом тяжелых испытаний, пережитых ими. Он высказывал предположение, что мы за границей не имеем ни малейшего представления о тех трудностях, с которыми приходится и в особенности приходилось иметь дело русским инженерам совсем недавно. Инженеры подавлены, политически только терпимы, и неудивительно, если сейчас все русские инженеры являются контрреволюционерами.

Прибыв в 12 час. 15 мин. на Силую Центральную Станцию, отправились мы сперва в контору управления. Там стол был накрыт красным сукном, а на стене висел портрет Ленина. Для нас заказали завтрак, а мы тем временем отправились ознакомиться с местностью. Постройка по-видимому хорошо оборудована. Затем мы вернулись в контору управления, где мне был предложен превосходный обед. Затем мы занялись внимательным изучением переписки с фирмой «Коссель». Я пришел к выводу, что возведение фундамента на сваях совершенно необходимо ввиду глинистости почвы. Оборудования и здесь нет, и его следует получить из Москвы.

В 18 час. 20 мин. мы выехали и в 20 час. 30 мин. прибыли в Харьков. Вынесенное мною от постройки впечатление вполне благоприятное. Тамашние руководители строительными работами гораздо энергичнее и трудолюбивее, чем руководители работ в Балахне. Впрочем, окончательное представление можно было бы получить, только пробыв на постройке несколько недель. Также и здесь, как и всюду в России, много говорится о большой ответственности инженеров. Так, сопровождавший меня инж. Добротворский рассказал мне, что одному профессору Московской Горной Академии¹⁹ было поручено составить проект возведения фундамента на сваях для одного строившегося в Москве дома, а также и руководство постройкой. После того как дом был закончен, обнаружили осадка фундамента и довольно значительные трещины. Т. к. дом сильно пострадал, профессор был арестован и лишь через некоторое время освобожден. В настоящее время предстоит суд, и означенный профессор думает, что его присудят к нескольким годам принудительных работ. Я считаю такого рода ответственность преувеличенной. Если нечто подобное случается у нас, то виновник лишается должности и лишь с трудом может получить новое место. Такие случаи, конечно, не должны происходить; я считал бы целесообразным ввести в России ответственность такую же, как и у нас, принимая во внимание невозможность установить в России денежной гарантии. Вместо ареста было бы целесообразным лишать виновника должности по суду, сопровождая решение указанием на то, что каждый допустивший столь грубую ошибку подвергнется такой же участи. Если виновнику в течение длительного времени не удастся получить нового места, он окажется достаточно наказанным.

19.1.26. Я получил для экспертизы статический расчет, произведенный фирмой «Коссель». Я также подверг экспертизе и те данные, на которых он основан. (...)

Во время моего пребывания в Харькове пришлось мне два раза побывать в кино. Вообще я убедился, увидав много фильмов, в том, что русские фильмы во всех отношениях стоят выше зарубежных. Особенно поражает абсолютная реальность и правдивость фильма. Создается впечатление, что находишься не в театре, но переживаешь подлинную действительность.

20.1.28. Я попросил г. Берлина показать мне Высшую Техническую Школу в Харькове²⁰, где он преподает. Он мне это обещал, но обещания своего не выполнил. О вынесенном мною благоприятном впечатлении о постройке я написал письмо тамошним руководителям, в котором я высказался весьма похвально.

21.1.28. В 4 часа утра выехал я в Москву. Поезд приходит из Тифлиса, и я считаю весьма неудобным и неразумным то, что нельзя своевременно по телеграфу заказать плацкарту. Может случиться, что просидишь несколько часов в зале ожиданий (поезд опоздал на 3 часа) и в последний момент узнаешь, что свободных мест нет. Во всяком случае, следовало бы урегулировать вопрос о заказе плацкарт. В поезде пришлось мне ехать с тремя инженерами, среди них был сопровождавший меня инженер Берлин и московский проф. теплотехники, которому часто приходится ездить в Берлин и Париж по делам заказов. По дороге мы вели весьма интересные разговоры. Еще раз выяснилось, что русские инженеры обладают гораздо более широким образованием, чем немецкие. Это обстоятельство связано (не только) с преимуществами, но и с недостатками. С общечеловеческой точки зрения широкое образование русских инженеров производит весьма приятное впечатление, т. к. с ними можно разговаривать по самым различным вопросам. Недостатком же является то, что благодаря разнообразию интересов русские инженеры — дилетанты и не обладают в своей области достаточными специальными знаниями, которых требует современное состояние техники. Хотя они не очень осведомлены в современной русской системе, они прониклись духом революции и в этом отношении стоят значительно выше наших инженеров, что впрочем неудивительно. Инж. Берлин сказал мне, что новое поколение не заслуживает такого уважения, как прежнее, т. к. оно состоит из молодых людей, выросших во время революции и даже в приблизительной степени не принесших революции тех жертв, которые были принесены революционными вождями. Они только пользуются преимуществами новой системы. Весьма интересную беседу пришлось мне вести с моим спутником. Он утверждал, что интеллигенты обладают совершенно особенными потребностями и поэтому должны объединиться. Когда я его спросил, считает ли он, например, что главный директор и какой-нибудь самый незначительный техник крупного предприятия должны входить в одно и то же объединение, он мне ответил: «Не следует всегда думать только о материальных интересах». Он не признает истинности марксизма. По его мнению, марксизм представляет собой всего-навсего теорию, созданную кем-то, которая, однако, может оказаться большим заблуждением, что лишь со временем выяснится. Совершенно иначе обстоит дело с естествознанием, т. к. естествознание обладает всекой истинностью. Я указал на многочисленные изменения во взглядах естествовников, а также на то, что современное естествознание существеннейшим образом отличается от естествознания древности. Как раз в последнее время мы видим, что и законы Ньютона уже больше не обладают общеобязательным характером, и нет никакого основания считать, что современные законы естествознания являются вечными. Можно и к марксизму относиться как к теории, дающей возможность объяснять блестящим образом современные хозяйственные и социальные явления. Конечно, возможно, что через 100 лет потребуются создание более совершенной теории в области экономики. На это последовал ответ, что хотя я и инженер, но в душе, по-видимому, философ. Во всяком случае, после этой дискуссии я заметил, что мои коллеги стали ко мне относиться более осторожно, чем прежде.

В 9 часов вечера прибыли мы в Москву.

23.1. Отправился я прежде всего в «Энергострой». Цишевский за два дня до того выехал в Харьков, послав мне телеграмму, в которой просил меня там его подождать. Однако телеграмму я не получил.

Перед моим отъездом передал я инж. Нефедьеву мой экземпляр проекта строительных работ в Балахне с обязательством вернуть его мне в течение 5 дней. Вместо этого захватил он с собой проекты в Ленинград, оттуда в Балахну, так что мне пришлось по телеграфу требовать обратной высылки проектов.

От моей фирмы получил я телеграмму, что инж. Нагель, хорошо мне известный, командирован в Россию. Мне предстояло его дожидаться, кроме того, я хотел присутствовать при испытании проб на прочность.

Время мое посвятил я розыскам бурового оборудования. На мое повторное требование наконец мне был указан адрес другой фабрики в Москве, изготовлявшей оборудование для бурения. Там имелись различные приспособления, также и компрессор. На мой вопрос, почему мне этот адрес не был сообщен прежде, мне было сказано, что обе фабрики конкурируют друг с другом, хотя и являются государственными!!! Посетить эту фабрику также оказалось делом непростым; мне уже и прежде пришлось спорить с «Энергостроем», где утверждали, что фабрика эта относится к совершенно другому учреждению, работающему на нефтяные промыслы на Кавказе, так что я не имею никакого права заказывать на этой фабрике оборудование для бурения.

25.1.28. Я получил много писем от моей фирмы. Из некоторых писем выяснилось, что фирму беспокоит вопрос о нашей ответственности, т. к. работа по выполнению бетонных свай ведется вне нашего контроля. Поэтому я протелеграфировал тотчас в Балахну, требуя прекращения работ до приезда г. Нагеля из Германии. Кроме того, мне сообщили, что телеграмма от 5/1, в которой я требовал присылки второго инженера, не была получена. Совершенно ясно, что телеграмма и не была отослана, что я впрочем уже и тогда заподозрил. Я вызвал г. Антрушина в «Энергострой» и потребовал, чтобы он тотчас же запросил почто-

Институт Ленина. Фотография конца 20-х гг.

вую контору в Балахне, была ли подана к отправке телеграмма от 5/1. Я и прежде несколько раз наводил справки, однако никогда не мог получить никакого ответа. Далее я спросил Антрушина, прибыли ли пробы из Балахны, т. к. их предстояло подвергнуть испытанию в ближайшие дни. Он сказал, что ничего об этом не знает, и я поручил ему тотчас же выяснить, где находятся пробы, и позаботиться, чтобы они вовремя были доставлены в Москву. Днем я посетил инж. Гальперина в ВСНХ и поставил его в известность о моей работе до настоящего времени. Он согласился, что для производства работ необходима помощь иностранных инженеров и что следует вы-

писывать людей не только знающих, но и заслуживающих доверия. Он попросил меня в письменном виде изложить мои впечатления.

27.1.28. Вместе с инженером Берлином посетил я обе фабрики, на которых изготавливается оборудование для бурения, и убедил его заказать необходимые ему приспособления.

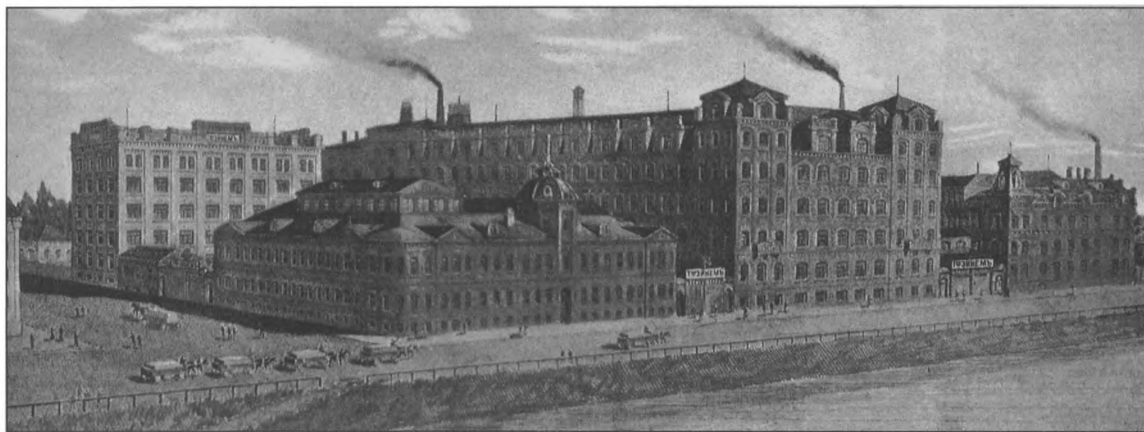
28.1. Я передал инж. Гальперину отчет, предназначенный для председателя ВСНХ. В этом отчете я вкратце изложил мои наблюдения и мои предложения относительно новых форм и организации строительной техники.

Я побывал у Антрушина и сообщил ему, что инж. Нагель должен приехать на днях. Я отправил в Берлин телеграмму, чтобы Нагель самое позднее приезжал послезавтра, даже в том случае, если это лишит его возможности взять с собою оборудование для бурения. Меня беспокоили работы в Балахне. Я боялся, как бы там чего-нибудь не произошло, если работы будут производиться вне нашего контроля, поэтому я и телеграфировал, чтобы Нагель лучше не брал с собою приспособлений для бурения, но во всяком случае тотчас приезжал.

В 14 часов разговаривал я в «Главэлектро»²¹ с инж. Русановым. Он попросил у меня дать консультацию относительно дамбы в Штеровке. Необходимые данные мне надлежало получить от проф. Кнорре.

30.1. Ответ об испытании материалов, запрошенный «Энергостроем», я составил. Мы беседовали на различные темы с инженерами из «Энергостроя», следует заметить, что мне неоднократно приходилось поучать и снабжать сведениями инженеров из «Энергостроя» по наиболее актуальным техническим вопросам.

1.11.28. Посещение ВОКС'а²², где мне обещали показать различные советские учреждения. Со мною были исключительно вежливы и предупредительны. После этого посетил я Ленинский Институт²³. В архитектурном отношении здание следует признать весьма красивым и очень удачным, но только производит оно очень мрачное впечатление благодаря темной окраске. Я еще раз протелеграфировал Антрушину, что завтра 28 день взятия проб и что их необходимо подвергнуть испытанию. Позднее встретил я инж. Вайда. Он рассказал мне много интересного о тамошних водных сооружениях.

Кондитерская фабрика «Эйнем». Литография. Конец XIX в.

2.11. Утром посетил я шоколадную фабрику «Красный Октябрь»²⁴. Затем отправился в «Энергострой». Инж. Беликов сообщил мне, что завтра днем в 2 часа предстоит заседание, в котором примут участие известные профессора Московской Высшей Технической Школы. Собрание созывается по инициативе инж. Нефедьева из Балахны, который с этой целью приехал в Москву. Чрезвычайно удивленный, я спросил, для чего это собрание созывается. Мне ответили, что речь идет о фундаменте для паровой турбины в Балахне. Т. к. моей фирме было поручено составить проект этого фундамента и контролировать его постройку, то я заявил, что считаю совершенно бесполезными всякие совещания по этому поводу и не хочу принимать в них участия. Я уже пришел к известным решениям и нахожу совершенно непродуктивными всякие заседания. После многочисленных просьб я, однако, согласился принять участие в заседании потому, что не хотел, чтобы меня заподозрили в том, что принятые мною решения нецелесообразны и я боюсь по их поводу дать объяснения.

В два часа дня прибыл г. Нагель из Берлина.

3.11.28. В 10 часов посетил меня инж. Вайда, чтобы обсудить вышеупомянутые проекты. Он принес основные данные с просьбой их изучить и на этом основании составить экспертизу. Между тем у меня побывали два инженера из Гидротехнического Союза Московского Высшего Технического Училища. Один из них, Губин, несколько месяцев тому назад писал мне в Берлин, желая узнать мое мнение о плотине, подлежащей сооружению на Кавказе. Эти инженеры издают журнал, и они попросили меня предоставить статью для второго выпуска. Оба инженера принадлежат к младшему поколению: они с большим интересом относятся к выполнению своих обязанностей. они молоды, свежи, радостны, энергичны, трудолюбивы, преисполнены радужных надежд, гордятся теми прекрасными проблемами, к решению которых они призваны в новой России. Мне доставило большую радость побеседовать хотя бы один раз и с такими коллегами. Они сообщили мне, что моя книга переведена на русский язык и должна выйти в ближайшее время.

В 2 часа дня отправились мы с г. Нагель в «Энергострой», чтобы принять участие в заседании. Председателем собрания являлся проф. Сушкин, заведующий отделом проектирования в «Энергострое». Среди других в заседании принимали участие проф. Кнорре, проф. Мохольский, инж. Беликов, инж. Ферман, инж. Нефедьев, кроме того г. Нагель и я.

Согласно первоначальному решению, также и проф. Лахтин должен был присутствовать, но он не явился.

Сперва произнес речь инж. Нефедьев. Он постарался доказать, что сооружение бетонных свай является излишним, просил совещание присоединиться к этой точке зрения. Затем говорил проф. Мохольский. Он утверждал, что бетонные сваи действительно совершенно не нужны.

Затем говорил проф. Кнорре. Он разделял взгляды проф. Мохольского.

После этого мне было предложено высказать мое отношение к вышеупомянутым выступлениям.

Прежде всего я заявил, что составление проекта и контроль за строительными работами были поручены нашей фирме и что фирма со своей стороны поручила мне выполнение всех связанных с этим обязанностей. Русское Торговое Представительство выставило условие, согласно которому мы несем полную ответственность за все строительные работы. В качестве ответственного инженера я принял ряд решений, между прочим также и решение возводить фундамент на сваях. Если какая-либо комиссия или руководители строительными работами захотят эти решения изменить и придут к иным, то против этого я не стану возражать. Только в таком случае лица, изменившие мои распоряжения, должны взять на себя от-

ветственность за строительные работы. Доводы против утверждений профессоров оказались более чем убедительными. (...)

Председатель собрания проф. Сушкин попросил присутствовавших высказаться по поводу моих утверждений. Ни один человек даже и рта не раскрыл. После этого было принято решение, занесенное в протокол, гласившее, что необходимо сооружение бетонных свай для турбинного фундамента в Балахне.

Зачем надо было созывать все это заседание, я не понимаю. Решение, занесенное сейчас в протокол, я уже несколько месяцев тому назад сообщил руководителям строительных работ, и чтобы придти к этому решению, я не нуждался ни в заседании, ни в чьей-либо посторонней помощи. Но инж. Нефедьев приехал в Москву, чтобы созвать это заседание, что, конечно, означало потерю времени и денег.

Теперь меня весьма беспокоит вопрос, как будут выполнены сваи, т. к. после столь грубых ошибок я имею все основания предполагать, что и сваи будут сооружены весьма плохо. Я, кроме того, заявил, что руководители стройками в Балахне не имеют права возлагать на меня ответственность за те свинства, которые они учинили в мое отсутствие. После этого г. Сушкин сказал конфиденциально, но случайно по-немецки г. Кнорре, что он прекратит работу в Балахне на 3–4 часа, и очень испугался, когда я заявил, что я с этим совершенно согласен.

Вечером я отправился с г. Нагель в театр. За это время он осмотрел город и был совершенно поражен, что все здесь в полном порядке, что все здесь можно получить и т. д. На основании полученной им информации он собственно говоря думал, что его, по крайней мере, сожрут в первый же день.

4.II. Я послал г. Нагеля к Антрушину. Он пошел вместе с инж. Нефедьевым и по моему поручению спросил, прибыли ли пробы. Антрушин ответил, что он ничего не знает о пробах: он даже не имеет ни малейшего представления о том, где они находятся. После этого г. Нагель (или г. Нефедьев) предпринял внимательный осмотр бюро. В углу увидели они пакеты, весьма напоминавшие пакеты с пробами. Г. Нагель спросил Антрушина, что находится в этих пакетах. Антрушин ответил, что он этого не знает, что пакеты лежат уже несколько дней. Раскрыли один из пакетов и нашли там пробы. Итак, пробы пришли вовремя и свыше недели провалялись в конторе.

Днем выехал Нагель в Балахну. Я просил его, если он только найдет положение опасным, немедленно сообщить мне об этом по телеграфу.

Когда я через несколько недель вновь посетил место строительных работ в Балахне, то мне сказали, что проф. Моховский приезжал по поручению г. Нефедьева в Балахну и осмотрел место постройки. Он исследовал песок в лупу (!!!) и затем — совершенно научно заявил, что грунт для постройки подходящ, однако необходимо сооружение свай. Он кроме того указал, что в фундаменте здания пока еще не наблюдается никаких оседаний, но, что будет дальше, он не знает. В общем он повторил те же распоряжения, которые уже были даны мною. В конечном итоге он ничего не сделал и это ничего представил в нескольких строках, как свою экспертизу. За эту свою деятельность получил он от руководителей строительных работ 300 руб.

6.II.1928. Меня посетил проф. Кнорре в «Энергострое». Он передал мне данные относительно плотины в Штеровке и очень интересовался моим мнением по этому поводу. Он сказал, что «Главэлектро» поручило ему исследовать проекты и что через несколько дней он передаст свое заключение.

Вечером я докладывал в «Энергострое» об испытании материалов. Ввиду многочисленных вычислений, формул и т. д. меня просили отпечатать мой доклад в местной специальной газете.

7.II.1928. Сегодня я должен ехать в Ростов. В «Энергострое» не могли решить, давать мне переводчика или нет. Я понял, что за отсутствием Заведующего Энергостроя Цишевского я не смогу ничего добиться. Никто не хочет взять на себя ответственность. Сначала сказали, что в поезде нет свободных плацкарт, потом Вайда сообщил по телефону, что одну плацкарту еще можно получить. После обеда я все-таки уехал в Ростов. Я поехал вместе с инж. Вайда, его женой и с Зам. Зав. Азербайджанского ВСНХ Ильдриным.

8.II.1928. В 10 час. 30 м. вечера я приехал в Ростов. Несмотря на то что накануне я несколько раз в «Энергострое» просил телеграфировать в Ростов, чтобы меня встретили на вокзале, меня все-таки не встретили. Я поехал в город и остановился в Московской Гостиннице.

9.II.1928. Так как в гостиннице никого не нашлось, с кем можно было бы переговорить по-немецки, то я телефонировал в ГЭТТ²⁵, предполагая, что там найдется говорящий по-немецки инженер. Между тем прибыли двое из Ростовского представительства Штеровки. Мы отправились в контору в поисках перевод-

чика. В мое распоряжение предоставили говорящую по-немецки даму. С ней я отправился в контору «Сельмашстрой».

Контора очень большая, и ее обслуживает огромное количество инженеров и других служащих. Первоначально мы рассматривали общий план, а затем приступили к рассмотрению отдельных проектов.

Я беседовал с Заведующим завода инж. Бондаревым, с Завед. постройкой инж. Поваляевым и завед. Строительной Конторой инж. Тадером. Последний превосходно владеет немецким языком. В продолжение всего времени он собственно был моим переводчиком. О моих впечатлениях на постройке я уже докладывал ВСНХ. Место стройки весьма обширное, и от величественности возведенных строений и намеченных заданий остается очень сильное впечатление. Одновременно с заводом строится также и поселок. Я осмотрел отдельные дома. Одно мне не понравилось: ни в одном из домов не имеется ванной. Это не оправдание, что в России ванная комната не обязательна в каждой квартире и ею пользуются не так часто. Инженер строит для будущего, а народ должен привыкать к новому гигиеническому оборудованию.

Заведующий постройкой инж. Поваляев — хороший, опытный инженер, который в былое время был самостоятельным подрядчиком и выполнял железобетонные постройки. Он спросил, хорошо ли держатся последовательно наложенные слои и не осыпаются ли они. Я его на этот счет успокоил и сообщил, что над этим способом производились многие опыты, которые подтвердили, что отдельные слои обладают большой силой сцепления. Этот отзыв ему очень понравился, и причина его радости стала мне понятной только вечером, когда моя переводчица мне рассказала, как он говорил другому инженеру (по-русски) о том, что выполнил бетонную работу так, как я ему описал; он не мог сделать этого иначе, но его беспокоило, что отдельные слои могли бы осыпаться. Он говорил другому инженеру, что он очень рад моему приезду, так как я снял буквально камень с его сердца. Это маленькое обстоятельство крайне характерно для русских условий в строительном деле. В Советском Союзе существуют такие строительные задания, которых нет даже и в более культурных странах Европы. Инженеры, которым надлежит решать такие трудные задачи, не владеют новейшей строительной практикой, так что им труднее нести ответственность по сравнению с инженерами других стран. Ввиду этого положение некоторых заведующих-инженеров действительно незавидное. За отсутствием достаточного опыта они легко могут делать ошибки, имея даже самые лучшие намерения, и вследствие этих ошибок могут создаться большие недоразумения. Я посоветовал поэтому инж. Поваляеву поехать на несколько недель за границу для ознакомления с настоящим состоянием строительной техники. Он ответил на это совершенно откровенно: за последнее время послано за границу много инженеров, они там и много видели, но когда вернулись, то не могли применить приобретенных ими знаний. Словам инж. Поваляева можно вполне верить, если принять во внимание, что в области техники можно выполнить что-нибудь только тогда, когда это действительно понимаешь и когда сам хоть раз выполнял эту работу.

Нас пригласили на обед к инж. Поваляеву. Меня приняли с настоящей русской гостеприимностью, я чувствовал себя очень хорошо. Инж. Поваляев ознакомил меня со своими прежними работами, прежде всего с сооружениями железобетонных мостов, которые он выполнял до войны. Жилищная нужда и здесь в Ростове очень велика; например — четыре семейства живут в одной квартире. Откровенно говоря, меня несколько не удивляет, если инженер или вообще интеллигент, который ведет трудную и ответственную работу, вследствие жилищных условий не в состоянии работать дома. Этого я бы тоже не мог делать. Инж. Поваляев, кроме того, страдает сердечной болезнью, как большинство инженеров здесь по сообщению многих товарищей.

11. II. 1928. Я еще раз подробно рассмотрел проекты, а также некоторые статистические исчисления. У меня составилось впечатление, что при составлении проекта не шли до крайних границ хозяйственности.

Почти все время я беседовал с инж. Тадером, который был моим переводчиком. Кажется, он очень удручен. Он жаловался на положение инженеров и говорил, что если бы им пришлось существовать в приемлемых условиях, то они могли бы работать в два, три раза больше. Он рассказывал, что во время гражданской войны ему приходилось доить коров и что в течение 8 лет ему не приходилось выполнять никаких технических работ. Местные инженеры очень старомодны по своим взглядам. Они просто не хотят замечать, что время идет вперед и что война вызвала также и за границей существенные изменения. Мне было также сказано, что тамошние инженеры очень критически относятся к работам и что работа у них идет индивидуально. Это явление, по-моему, недопустимо. Конечно, нельзя выполнять технические работы в условиях казарменной дисциплины, но ведь существует множество уже разрешенных проблем, и если кто-нибудь желает этим заняться, то это он может делать в неслужебное время.

Меня не представили политическому руководителю построек по тем же причинам, что и в Балахне, а именно потому, что он не инженер, а только коммунист. Интересно, что коммунистического руководителя инженеры называют «святым». Директор получает в месяц 730 рублей, заведующий постройкой 600 руб. (он зарабатывает за доклады и другие работы еще больше) и заведующий Строительной Конторой 450 руб.. Я считаю это жалование достаточным.

12.II.1928. Я послал еще два письма строительной конторе «Сельмашстрой». В одном письме я запрашивал калькуляционные данные для тамошних построек, дабы иметь возможность сравнить с немецкими ценами. Во втором письме я ответил на вопросы, которые мне были поставлены со стороны руководителей постройками.

В 6 час. после обеда я уехал; ночью в 2 часа я прибыл в Н и к и т о в к у. Переночевал я в так называемой гостиннице. Об этой гостиннице я сохранил не очень хорошие воспоминания.

13.II.1928. Отъезд в Ш т е р о в к у. В 12 час. дня я прибыл на станцию. Там ожидали меня сани. Сани были ужасные. Таких плохих дорог я еще не видел. Это путешествие я не скоро забуду. Сразу же сани чуть не опрокинулись. В продолжение всего путешествия я все время ждал, что сани опрокинутся. Около 3 часов пополудни я прибыл в «Штерстрой». Мне предоставили временно комнату в одном из вновь выстроенных домов в поселке. Дом выстроен очень хорошо. В обоих этажах много комнат, но во всем доме нет уборной. Не могу понять, как можно строить поселок без канализации. Повсюду сначала проводится канализация и водопровод, а затем уже строятся здания. Ни того, ни другого пока нет. Все это меня возмущало не в порядке личном, а еще потому, что в каждом селении должна же быть больница и баня. Какая же может быть больница без канализации!! Вследствие этих ошибок болезни не устраняются, а, наоборот, распространяются.

Я познакомился с главным инженером Капеллером.

Затем мы осматривали постройки. Грунт крепкий — глинистый сланец и шиферная слюда. (...)

Выемка для фундамента уже началась. Ввиду благоприятной подпочвы установки свай не требуется. Работы по выемке грунта происходят крайне медленно ввиду того, что нельзя производить взрыв вблизи электрической станции. Вся работа выполняется ручным способом за отсутствием пневматических молотов. Заливка бетона на электрической станции происходит при помощи двух деревянных башен для заливки.

Мы обсудили строительную программу и преподали некоторые инструкции руководителям построек. Затем мы приступили к осмотру машинного отделения. Там находятся две паровые турбины приблизительно на 10 000 киловатт каждая. Соответствующий фундамент спроектирован английской фирмой и возведен под руководством англичан.

Сюда примыкает котельная и угольная топка. Что касается теплотехники, то в этом я мало что понимаю. Угольная топка хотя и функционирует, однако я заметил, что пламя здесь гуще, чем в Руммельсбурге²⁶. Кроме того, работа здесь идет в более неопытных условиях по сравнению с работами на электрической станции в Руммельсбурге. Я рассказал инженеру Капеллеру, что котельная электрической станции в Руммельсбурге обслуживается двумя рабочими, которые одеты в белые костюмы. Капеллер высказал надежду, что и здесь этого добьются.

Я осмотрел весь район стройки.

Дороги здесь повсюду плохие, глинистые, и особенно в дождливую погоду, как сейчас, сообщение крайне затрудняется.

Мне отвели две комнаты в доме инж. Капеллера, и я днем переехал туда. Вечером зашел местный руководитель построек инж. Р о м а н о в. С ним и инж. Капеллером, мы вели совместную беседу. (...)

После того как мы переговорили обо всех особенностях постройки фундамента, речь зашла о запруде, — по этому вопросу я должен был консультировать по поручению «Главэлектро».

15.II. Я все еще не получил пропуска для входа на электрическую станцию. После моей заявки мне все же выдали пропуск. С инженерами Романовым и Капеллером мы осмотрели те места, где впоследствии должна быть устроена плотина.

Решение этого вопроса крайне важно. Переговоры идут уже давно и не приводят ни к какому решению. На завтра назначена конференция в Харькове, где примут участие не менее 17 профессоров. На эту конференцию едет руководитель Штерстроя инж. Романов, и поэтому он должен знать мое мнение по этому вопросу. Я сказал ему, что не могу войти в подробности гидравлических расчетов в столь короткое время. (...)

Управлению постоянно приходится наталкиваться на большие затруднения вследствие царящего здесь бюрократизма. Иногда из хозяйственных соображений приходится приступать к постройкам до утверждения проектов.

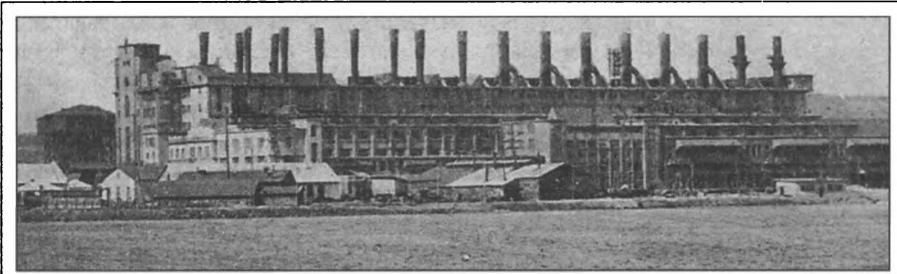
В противоположность Балахне у меня составилось впечатление, что работа здесь ведется с большим успехом и с большим знанием дела. Что касается личного отношения, то здесь менее гостеприимны, чем в Балахне. Также и общие условия здесь гораздо примитивнее, чем там.

В деле организации я заметил здесь то же головотяпство и отсутствие организационных способностей, как и повсюду.

По вечерам я работал над отчетами Азербайджанских электрических станций.

17.II. Утром имел разговор с инж. Гутманом относительно плотины. (...)

Вечером инж. Капеллер делал доклад рабочим. Это очень хорошо, что инженеров вовлекают в работу по народному образованию.

Штеровская электрическая станция.

18.II.28. Мы еще раз обсуждали с инж. Капеллером и Гутманом все вопросы относительно устройства фундамента и дамбы. Для сооружения фундамента и для контроля приедет инж. Нагель из Балахны. Я специально изложил ход работ по бетонированию и т. п. Мне было поставлено много вопросов относительно проектируемой плотины, на которые я отчасти ответил. Ответы на остальные вопросы я обещал прислать или из Москвы, или из Берлина, так как я должен еще раз проработать как проекты, так и все приложения к ним.

Должен еще заметить, что в Штеровке я получил телеграмму из Балахны, в которой сообщалось, что ожидаемые мною инструменты будут отправлены в Москву только 1.III. Это мне совершенно неприятно, ведь тамошние руководители ничего сами не могут предпринять с этими приспособлениями.

20.II.28. Прибытие в Москву. Сначала я поехал в «Энергострой». Цишевский в Ленинграде. Образцы из Харькова наконец прибыли. Однако испытаний я не мог пока произвести, так как инструменты все еще в Балахне.

Между тем в лаборатории были произведены испытания сопротивления материала по заготовленным в Балахне образцам. Результаты неудовлетворительные. В «Энергострое» я разговаривал с проф. Сушкиным и сообщил ему, что не пользуюсь симпатиями Правления в Балахне. Он мне это подтвердил, однако заметил, что Правление не лично против меня, но вообще против заграничной помощи. Правление уверено, что оно само в состоянии так же хорошо выполнить постройку. Я напомнил Сушкину последнее заседание в Москве и сказал, какие грубые ошибки делало в моем присутствии тамошнее Правление. Отсюда ясно, что такую важную постройку, как в Балахне, нельзя оставлять без наблюдения. С этим он также согласился. Он удивляется, почему инж. Масленников делает такие ошибки, в то время как раньше он самостоятельно производил постройки. Я не могу судить, насколько хороши были его постройки, но во всяком случае я не очень хорошего мнения о нем. А вот, — сказал Сушкин, — инж. Ступин, председатель «Нигреса» в Балахне, — превосходный инженер, один из лучших русских инженеров-строителей. Я был вынужден внести поправку, говоря, что, насколько мне известно, инж. Ступин не инженер-строитель, а электро-инженер. Этому Сушкин не хотел верить, и возник спор. Сушкин кого-то запросил, и ему было сказано, что инж. Ступину, как военному инженеру, приходилось во время войны наблюдать за некоторыми постройками, но что в настоящее время он — электро-инженер. Сушкин заметил при этом с большим удивлением: «Но ведь он в электротехнике ничего не понимает, это я могу спокойно утверждать, так как я — электро-инженер». Смеясь я ему возразил: «О строительных работах он не имеет никакого понятия, это я могу спокойно утверждать, так как я инженер-строитель». После этих разговоров я могу себе представить, каковы здесь инженеры-строители средней марки, если Сушкин называет Ступина выдающимся инженером-строителем.

После обеда, в 16 ч. 30 м., посетил меня инж. Губин. Он пробыл у меня два часа. Его общество мне очень приятно, и когда я начинаю раздражаться и смотреть на все пессимистически, то его зову к себе. Этот молодой, свежий и энергичный инженер, который является представителем молодого поколения, успокаивает и веселит меня своей жизнерадостностью и бодростью. Я обещал ему статью для его газеты.

21.II.28. Так как Госплан в Харькове снова вынес неблагоприятное решение по поводу бассейна в Штеровке, инж. Капеллер приехал в Москву. Он просил меня придти в 2 часа в «Главэлектро», где предполагались переговоры с проф. Кнорре.

25.II.28. Меня посетил в «Энергострое» инж. Стюнкель. Мы говорили о моем докладе. Я просил его проведать меня в гостиннице до моего доклада, чтобы поговорить о некоторых деталях. Затем я посетил

проф. Лахтина. Я просил его опубликовать в его журнале мой доклад, который я в свое время делал в «Энергострое» относительно испытания материалов ввиду того, что строительные работы скоро начнутся.

В полдень посетил меня инж. Губин и еще один инженер из ГЭТ'а, и мы отправились в Гидротехническую Лабораторию при Высшем Сельскохозяйственном Училище. Сначала мы вошли в столовую училища. Это огромный зал, в котором студенты получают за 30 коп. очень хороший обед. Затем мы осмотрели гидротехническую лабораторию. Заведующий лабораторией проф. Милович работает главным образом над спиральной турбиной и всасывающей трубой. В настоящее время начаты опыты в связи с проектируемой плотиной на реке Арагви на Кавказе²⁷ Было бы слишком долго описывать интересные сами по себе опыты и работы в гидротехнической лаборатории, я хочу отметить только одно, — что лаборатория прекрасно построена. Она очень поместительна и грандиозна. Бросается даже в глаза, что она чрезмерно роскошна. Для целей представительства лаборатория хорошо приспособлена. В задней части лаборатории находятся помещения в египетском стиле со сфинксом, с соответствующим мистическим освещением. Это очень красиво, но я придерживаюсь того мнения, что эту же самую лабораторию можно было бы выстроить целесообразнее, отбросив декоративность; это обошлось бы дешевле. Постройка этой лаборатории не выявляет модных теперь прямых линий. За границей преследуется повсюду цель — наиболее дешевого и хозяйственного строительства. Эти нормы особенно следовало бы соблюдать в России.

25.II.28. По поручению инж. Барского меня пригласил к себе инж. Клевезаль, председатель Высшего Технического Совета при ВСНХ²⁸. Он рассказал мне, что на писчебумажной фабрике в Балахне осел фундамент. Он ознакомил меня с проектами и спросил о моем мнении. Я сказал, что хотя я и был в Балахне, но лишь на электрической станции и, к сожалению, не имел возможности посетить писчебумажную фабрику. Я снова посетил Балахну и осмотрю место постройки.

Я просил его дать мне с собой письмо, чтобы иметь возможность официально осмотреть место постройки.

26.II.1928. В 20 час. посетил меня инж. Стюнкель. Мы говорили о деталях доклада. Он меня ознакомил с положением здешних инженеров. Теперь я понял наконец, почему здешние инженеры недовольны. До войны инженер-строитель зарабатывал в месяц от 600 до 1 200, кроме того он получал на месте работ квартиру, лошадей и все удобства. Они жили, таким образом, по-барски, как у нас инженеры никогда не живут. Поэтому они недовольны своим теперешним положением, и в связи с этим они не хотят мне верить, что инженерам за границей живется не лучше. Вследствие этих причин новое поколение лучше, так как ему незнакома такая роскошная жизнь. Мы беседовали почти 3 часа, и я высказал ему открыто мое мнение о здешней строительной технике. Разговор был для нас обоих очень полезен и интересен.

27.II.1928. Я написал свой доклад.

28.II.1928. Я имел разговор с Цишевским. Мы вели беседы о приборах, применяемых для строительных работ. Приборы только тогда имеют хозяйственное значение, когда ими правильно пользуются. (...)

Я категорически заявил ему, что вся механизация без соответствующего знания и организационных способностей никакой пользы не даст. Поэтому я считаю безусловно необходимым для наблюдения за большими постройками привлекать заграничных инженеров в качестве строительных консультантов. Мои соображения его убедили, и он выразил желание, чтобы я рекомендовал по одному опытному немецкому инженеру-строителю на 4 стройки «Энергостроя».

2.III.1928. В 8 час. вечера я делал доклад в Союзе Инженеров. Зал был переполнен. Вопросов мне было задано немного. Характерен был вопрос, как это возможно, чтобы в Германии также происходили несчастные случаи. Я сейчас же понял заднюю мысль этого вопроса, а именно, что я упрекал русских инженеро-строителей в неопытности. Мне хотели доказать, что неопытность имеется также и в Германии. К сожалению, я не мог открыто заявить, что причина неопытности заключается не в отсутствии знаний, а в совершенно других обстоятельствах, а именно в интересах предпринимателей. Меня спрашивали также относительно ответственности, и прежде всего о правах наших инженеров; когда я сообщил, что наши инженеры несут не меньшую ответственность, чем русские, меня слушали неохотно. Я не знаю, что здесь подразумевается под особыми правами инженеров. Я должен только сказать, что я в моей практике думал только об обязанностях и никогда не думал о правах. С удовлетворением было установлено, что никакого специального наблюдения за постройками в Германии не ведется. В действительности же контроль у нас

гораздо строже. Инженер с одной стороны поставлен в такие условия, что предприниматель требует от него строить дешево, с другой стороны — заставляет его нести ответственность за хорошо выполненную постройку.

В 20 час. я уехал в Нижний Новгород.

4.III.1928. В 9 час. я прибыл в Нижний Новгород. Конечно, меня никто не встретил. Около вокзала находился агент из «Нигрес», заказавший для меня сани, и мы поехали в Балахну. В 12 час. дня я прибыл в Балахну, там никто не знал о моем приезде. Нагель рассказал мне, что здесь произошли большие перемены. Многие лица, между ними Рашиковский, арестованы; здешние инженеры еще гораздо менее спокойны, чем до сих пор. Никто не желает с ним иметь дела во избежание подозрения каких-либо недозволенных сношений с заграничным инженером.

После обеда пришел за нами Масленников. В противоположность другим инженерам он, кажется, не боится иметь с нами дело. Дома он мне рассказал, что произошли еще другие перемены. Руководители, а именно Ступин и Нефедьев, также смещены. Что с ними будет, никому не известно. Ожидаются еще другие перемены. Мы оставались вместе до поздней ночи. Были еще другие инженеры, как Кастальский и Четвериков.

5.III.1928. Осмотр места стройки. Большинство свай уже сделано. Работа подвигается крайне медленно вследствие маленького бурового насоса. Установка одной сваи продолжается 20 часов. В Германии ту же работу выполняют в течение 8 часов. Дополнительные чертежи с изменениями, которые крайне необходимы на месте работ, находятся вот уже две недели в Нижнем Новгороде. Затем я осмотрел писчебумажную фабрику. Строение очень интересное, красивое и чистое. На месте работ занято 26 немецких инженеров и монтеров. Я разговаривал с инженером Фогель от «Всеобщей Электрической Компании». Он сообщил мне, что фундаменты бумажных машин осели.

Когда я приехал туда и заявил, что прибыл по поручению ВСНХ, то заметил, что люди испугались; они просили меня, прежде чем докладывать ВСНХ о состоянии работ, сообщить об этом Московскому Отделению Бумстроя²⁹. Я успокоил всех, сказав, что, по всей вероятности, я ничего докладывать ВСНХ не буду. В связи с этим должен еще заметить, что перед моим отъездом в Балахну я несколько раз просил инж. Клевезаля, который первый мне сообщил об оседании фундамента, дать мне письмо на писчебумажную фабрику в Балахне, чтобы я мог официально туда явиться. Этого письма я все-таки не получил, но писчебумажную фабрику посетил.

Дома поселка очень красивы и хорошо оборудованы. Дом, в котором живут немецкие техники, построен со всеми удобствами.

В колонии в Балахне, где я жил, настроение крайне подавленное. Люди очень боятся. Прибывают и уезжают новые лица, и никто не знает, кто они такие.

Вечером я переговорил с Нагелем о других заданиях. Он жаловался на то, что у него мало работы.

6.III.1928. Я еще раз осмотрел с Нагелем место постройки.

Несмотря на то что при моем предыдущем посещении я заказал железные коробки для проб, они все еще не готовы. Инж. Масленников не помнит моей просьбы, несмотря на то, что я просил его об этом письменно. На мой вопрос, почему инструменты не были сейчас отправлены в Москву, я не получил ответа. Инструменты, конечно, не употреблялись. Эта задержка ничем не обоснована. Тем временем приборы были отправлены в Москву. Во время моего пребывания в Балахне я получил телеграмму с извещением, что прибыли какие-то инструменты, которых не заказывали, что с ними делать? «Энергострой» предполагает отправить эти инструменты или в Балахну, или в Штеровку. А я жду эти инструменты уже в течение долгого времени.

После обеда я выехал в Москву.

7.III.1928. В 9 час. 30 мин. я прибыл в Москву. Я был у Цишевского в «Энергострое» и спросил его, что значит посланная в Балахну телеграмма. Я же ясно дал понять, насколько мне нужны эти инструменты. Он был крайне удивлен. Это сделал один из служащих без его ведома. Я просил его переправить инструменты сейчас же в лабораторию, чтобы я еще сегодня после обеда мог произвести испытания. Он позвал человека и отдал приказание в моем присутствии. С одним из инженеров «Энергостроя», которые присутствовали при опытах, я сговорился произвести опыты в лаборатории в 7 часов вечера. Нужно известить проф. Лахтина. Кроме того, пришли еще другие инженеры из «Энергостроя», которые хотели ознакомиться с опытами. Когда я пришел в 7 часов, выяснилось, что инструменты не доставлены. Опять я только по-

терял время. Опять я должен констатировать удивительное головопаятельство. Инженер из «Энергостроя», который был со мною, спросил, почему я не поручил ему позаботиться о том, чтобы приборы были своевременно доставлены. Я ему сказал, что мне русские условия уже известны, но, к сожалению, я никак не могу привыкнуть к тому, что нужно повторять сто раз и в конце концов все же ничего не будет сделано. При таких условиях невозможно работать. Мы условились произвести опыты на другой день, ибо через два дня я хочу уже ехать в Берлин. Проф. Лахтин мне сказал, что завтра ему некогда, и чтобы я произвел испытания послезавтра. Ему необходимо присутствовать при испытаниях, он хочет изучить, как они производятся, и лучше было бы, если бы я уехал позднее. Вот странное желание! Я не понимаю, почему Лахтин не может произвести испытаний сам. Я также самостоятельно производил эти опыты по книге, которая у него также имеется.

Я неоднократно бывал в ВСНХ. Инж. Барский просил меня заключить договор с Высшим Техническим Советом, а именно с его председателем инж. Клевезалем. Инж. Бауеру было поручено подготовить формальную сторону договора. Инж. Клевезаль не было, и меня попросили зайти еще раз в два часа. Когда я вернулся и вместе с инж. Бауером отправился к Клевезалю и сообщил ему, что по постановлению Президиума ВСНАХ со мною должен быть заключен договор, мое сообщение очень удивило Клевезаля, так как он ничего об этом не знал. Он заявил, что он в этом вопросе некомпетентен и не имеет права заключать договор, а кроме того он ни в ком не нуждается. У него нет для меня работы; они хорошо знают, как должны составляться проекты, и имеют в своем распоряжении нужную заграничную литературу по техническим вопросам. Инж. Бауер ему сообщил, что делать нечего, договор должен быть подписан, таково постановление Рухимовича и Президиума ВСНХ. Я сказал далее, что приехал только что из Балахны, где я осматривал также и писчебумажную фабрику. Клевезаль с большим интересом расспрашивал меня, что я там видел, и очень пессимистически отнесся к моим выводам. Я сообщил ему, что там произошло оседание, которое, по-видимому, будет идти дальше. Заметив, что он очень огорчен, я его утешил тем, что подобные случаи бывают и за границей. Благодаря этому он проявил большое ко мне расположение и спросил мое мнение относительно тамошних инженеров, нахожу ли я их хорошими или плохими. Я ответил ему, что инженеры не плохи, но они не имеют достаточного опыта. Затем мы перешли снова к разговору о моей роли консультанта. Он еще раз повторил мне, что, как ему ни жаль, в настоящее время у него нет для меня работы. Кроме того, работы в достаточной степени подвергаются критике высших органов. Я объяснил ему, что мои намерения заключаются не в том, чтобы критиковать, а чтобы прийти на помощь здешним инженерам, так как они в ней нуждаются. Если они даже и имеют в своем распоряжении заграничную специальную литературу, надо также уметь ею правильно воспользоваться. Во-вторых, то, что я предлагаю, имеет совершенно индивидуальный характер, этого вы ни в какой литературе не найдете. В качестве примера я привел мою фирму, в которой я также состою консультантом и оказываю ценные и важные услуги. Моя деятельность там необходима, несмотря на то, что фирма имеет за собой 50-летний опыт. Эта фирма, конечно, знакома с немецкой литературой. Я еще раз повторил, что хочу помочь, а не критиковать, и совершенно категорически заявил, что моя деятельность имеет значение не для меня лично, а для России. Если же для нее не находится никакого применения, то в таком случае я никакого значения переговоров не придаю. Инж. Клевезаль сделался приветливее и по-товарищески рассказал мне, что тамошних инженеров слишком критикуют; если происходит малейшая ошибка, это сейчас же раздувается. Об этом сообщается в газетах, и с инженерами, совершившими ошибку, происходят больше неприятности. Их могут арестовать, они могут даже поплатиться жизнью. Членами Высшего Технического Совета состоят известные профессора, и в таких случаях они поддерживают тамошних инженеров. Если бы я также согласился поддерживать, будучи посторонним человеком, моих тамошних коллег, дело обстояло, конечно, совершенно иначе. В качестве примера, он рассказал мне, что оседание фундамента в Балахне вызовет большие волнения в широких кругах. Если же я, как иностранный признанный специалист, говорю, что подобные случаи неоднократно бывают также и за границей, то дело получает совершенно иное освещение. Им нужна, собственно говоря, поддержка, а не критика, и если я хочу им помочь в этой форме, то, конечно, для меня будет много работы. У них имеются очень интересные проблемы, и я мог бы им во многом помочь. Я нашел этот рассказ Клевезаля очень странным и сказал ему, что я приехал сюда не для того, чтобы злостно критиковать здешнюю работу, но чтобы помочь. С другой стороны, однако, я не могу обещать, что буду видеть только хорошие, а не дурные стороны. Критика должна быть, потому что без критики невозможны никакие успехи и никакое развитие. Убедившись, что мы с ним не подвигаемся вперед, я предложил ему, что заключу договор с «Энергостроем». С Цишевским я уже много раз говорил на эту тему, и он изъявил согласие заключить договор. Клевезаль тотчас позвонил Цишевскому и передал ему мое предложение. Цишевский подтвердил ему по телефону, что он считает мою работу желательной и как только он будет на то уполномочен ВСНХ, он тотчас заключит со мной договор. Окончательно мы ничего не могли решить, и меня просили переговорить по этому делу на другой день еще раз с инж. Барским.

После обеда меня посетил швейцар гостиницы «Метрополь»³⁰, где я проживал. Он жаловался, что слишком мало зарабатывает, лишь 50 руб. в месяц, и что эти же самые 50 руб. он должен уплачивать за

квартиру; что он очень удручен и более там не останется, а через несколько месяцев, как только он сэкономит надлежащее количество денег, отправится за границу (50 – 50=0, как при этом можно еще деньги сэкономить, остается для меня загадкой). Он просил меня продать различные вещи, платье, белье и все, что я вообще имею. Он ужасно ругал современный режим. Когда я несколько дней до того был на параде Красной Армии и оттуда вернулся, он спросил меня, как мне понравилась армия. Я ответил, что я в восхищении от вооружения и что парад был очень красив. Он ответил, что мне следовало бы посмотреть на довоенных солдат, которые выглядели совсем по-иному. Прямо душа радовалась, смотря на таких солдат и офицеров (по крайней мере, его душа радовалась). Затем он стал меня убеждать, что если я ему даю на чай, то должен давать ему лично, иначе он вынужден делить деньги с другими. Этот человек произвел на меня отвратительное впечатление. Другие называют его Карлом Карловичем. Впрочем, стол и комната в гостиннице «Метрополь» были превосходны, обслуживанием я был также доволен. Не понравились мне лишь два обстоятельства: 1) условия платежа. Там требуется внесение определенной суммы, из которой впоследствии вычитается по счету. Если вы этого не знаете (а на это ваше внимание не обращается), то за каждый день к предъявленному вами счету добавляется 1%. Таким образом я заплатил 18% добавочных. Кроме того, уплачивается также 10% городского налога и бог весть за что еще; сверх того, как уже сказано, за каждый день еще добавляется по 1%. Это я не считаю правильным. 2) Система чаевых. В Германии к каждому счету добавляется в счет чаевых 10%. Тем более кажется странным тот факт, что в России повсюду введена система чаевых. Это производит очень скверное впечатление. Капиталистической системе, между прочим, делается упрек в том, что она создает группы рабов. Всякий, кто частенько путешествовал за границей, знает, как противно останавливаться в гостиннице, например, во Франции, Италии и т. д. Когда вы ее покидаете, перед вами выстраивается целый штат персонала, который ожидает чаевых. Капиталистической системе нередко делается упрек из-за этой системы нищенства. Тем хуже действует это на вас, если вы эту систему, со всеми ее отвратительными побочными явлениями, встречаете в столице Советского Союза. На такого рода внешние впечатления следовало бы обратить внимание уже потому, что Москва очень посещается иностранцами. И как раз в гостиннице «Метрополь» проживает главная масса иностранцев. Затраты на более приличную оплату персонала компенсировались бы тем, что у иностранцев получалось бы лучшее впечатление. Кроме того, у меня осталось еще впечатление, что можно бы обойтись и с меньшим количеством персонала.

8.III.28 г. Я опять, как это было условлено, посетил Клевезаля. Он сказал мне, что вчера он меня не точно понял, так как он подумал, что я должен тотчас же поступить к нему в контору с целью проверки составления там проектов и их критического рассмотрения. Инженер Барский еще не явился. Я еще раз посетил господина Штерна и просил его оказать мне содействие. Все распоряжения уже отданы и все подготовлено, так что остается лишь подписать договор и дело не продвигается вперед из-за чисто формальных вопросов. Я не имею более времени дольше оставаться в Москве и должен немедленно вернуться домой.

В 18 час. я явился в лабораторию, чтобы там производить эксперименты. Инструменты наконец находились там. Сначала я хотел производить испытание проб для ЭСХАР. Когда я открыл ящик, я заметил, что материал не был надлежащим образом упакован, так что гравий и песок смешались вместе. По этой причине я не смог произвести испытание. Тогда я произвел анализ для Штеровки. Профессор Лахтин, инж. Добротворский, из «Энергостроя», мне помогали.

9.III.28 г. Затем я отправился в ВСНХ. Меня представили архитектору Леви. Мы обсудили договор. Инж. Леви с большим воодушевлением рассказывал мне о тамошних постройках и о задачах инженера в Советской России. Затем мы направились к инж. Орлову (из «Госпромстроя»), который хотел со мной познакомиться. Там в настоящее время производятся постройки (в Москве) стоимостью в 12 мил. рублей. Он просил меня придти завтра, чтобы осмотреть место постройки. По пути инж. Леви показывал мне различные старые и новые постройки и говорил о постройках с такой любовью, что слушать его доставило мне большое удовольствие. В ВСНХ мне затем передали проект договора.

10.III.28 г. Я вернул обратно в ВСНХ проект договора с моими предложениями по его изменению. Мои предложения, в большей их части, были приняты. Затем инженеры из «Госпромстроя» заехали за мной, и мы отправились на место постройки. Вопрос шел о свайном основании для строящегося здания ЦИК'а и Совнаркома³¹. Здание должно иметь 11 этажей, и предполагается установка 3000 железобетонных свай. Как я слышал, и этому правлению постройкой делается упрек, что оно хочет установить слишком много свай. Специалист не может это утверждать просто так. Ему для этого необходимо прежде всего внимательно изучить всю конструкцию и относящиеся к ней статистические вычисления, за такой короткий промежуток вре-

Строительство здания Совнаркома в Охотном ряду.

мени у меня не было возможности это сделать. В ВСНХ мне сообщили, что договор, к сожалению, еще не готов, так как еще не все юристы явились.

12.III.28. В Институте по испытанию материалов инж. Добротворский, которого я позавчера просил отправить в ЭСХАР телеграмму с просьбой выслать новые пробы, так как посланные им оказались негодными, сообщил мне, что его начальник инж. Беликов не разрешил отправить телеграммы на том основании, что ЭСХАР не является клиентом «Энергостроя». Вследствие этого, это дело не касается «Энергостроя». Этот случай характерен для халатности тамошних инженеров и бюрократизма. Интересно

также замечание, сделанное Добротворским; если я нуждаюсь в пробах, то должен сам писать в Харьков, как будто бы я лично заинтересован в том, чтобы произвести это испытание материалов.

Остальные два дня были заполнены формальностями с паспортом и получением визы.

17.III.28 я выехал и 19.III. прибыл в Берлин.

Сводка.

В заключение я желал бы кратко свести воедино впечатления и то, что я считаю важным. Я хотел бы особо подчеркнуть, что во время моего пребывания в Советском Союзе я видел исключительно много хорошего и прекрасного, по существу даже более прекрасного, чем плохого. Все же я совсем почти воздержался от передачи моих хороших впечатлений по той причине, что на хорошее не стоит обращать внимания. — Нужно считать фактом, что в Советском Союзе существуют большие достижения. Эти достижения настолько бросаются в глаза, что безошибочно могут быть установлены даже таким наблюдателем, который, как я, никогда раньше не бывал в России. Если познакомиться глубже с экономическими и техническими условиями, если принять во внимание косность и другие отрицательные явления, которые, к сожалению, еще часто встречаются в Советском Союзе, то следовало бы, собственно говоря, ожидать наступления регресса или в лучшем случае остановки в развитии. Вместо этого мы видим, что восстановление страны подвигается вперед исполинскими шагами. Если существует много обстоятельств, тормозящих работу, и тем не менее делаются громадные успехи, то, по моему мнению, причина этого исключительно в том, что революция имеет колоссальные силы, которые двигают вперед весь существующий строй несмотря на его косность.

Тамошние инженеры чрезвычайно жалуются на контроль. Это и понятно, но столь же понятно и то, что контроль, безусловно, необходим. Важно однако, чтобы в контрольных органах сидели соответственно образованные специалисты, на которых можно бы полагаться.

Тамошние инженеры жалуются на то, что все происходящие у них ошибки, даже самые незначительные, тотчас публикуются в печати. О них говорят в широких кругах, газеты пишут об этом статьи, случаи эти тотчас становятся известными за границей. Этот способ слишком преувеличен и необоснован. Не всегда столь просто установить, что является причиной данной ошибки. А именно имеются такие технические случаи, где нет возможности предвидеть возникающий впоследствии убыток. Я мог бы привести очень много таких случаев из практики.

Поэтому следовало бы рекомендовать при случаях выявления таких недостатков сперва обождать результатов тщательного технического обследования и лишь после этого предать эти случаи гласности. Понятно, такие случаи не нужно скрывать; о таких случаях могут быть немедленно составлены отчеты, но тогда следует временно воздержаться от суждения, так как сначала неизвестно, что является причиной данного случая. Если такие случаи сразу, с самого начала, до установления того, виновно ли в этом прав-

ление постройки, раздуваются во всеуслышание, то руководитель постройки приходит в уныние. Он теряет охоту к работе и т. д., даже в том случае, если он имел самые лучшие намерения, и даже если он является очень хорошим и испытанным специалистом.

Я желал бы еще раз подчеркнуть, какое колоссальное значение — иметь опытных специалистов, обладающих солидными познаниями и на которых можно было бы положиться. Полагаться в Советском Союзе теперь можно, собственно, лишь на тех инженеров, которые либо члены партии, либо стоят очень близко к партии. Если признавать чрезвычайное значение этого вопроса, то следует обсудить, не было ли бы целесообразным освободить от партийной работы определенных подходящих для этого лиц или же, по крайней мере, свести их партийную работу до минимума. Таких людей не нужно вовсе много; по моему мнению, было бы достаточно, если, например, во всей отрасли инженерного строительного дела мы имели бы в своем распоряжении 20 таких человек. Само собой понятно, что эти люди должны быть близко знакомы как с самими постройками, так и с состоянием строительного дела. Техника в наши дни исключительно развилась. Обладание сравнительно узким кругом специальных знаний нагружает целого человека таким образом, что для других работ он едва ли имеет или совсем не имеет свободного времени.

В этой связи я желал бы еще обратить внимание на тот факт, который я, впрочем, наблюдал не только в Советском Союзе, но и в других технически отсталых странах, а именно на дилетантизм (всезнатьство). Инженеры не специализировались в той степени, как этого требует состояние техники в наши дни. Инженер должен знать массу таких вещей, которые не имеют прямого отношения к его специальности. Следствие этого явления то, что он не специалист, а лишь дилетант. С другой стороны я нахожу, что имеются лица, которые охотно занимаются вопросами других отраслей техники, ничем к тому не принуждаемые. Они любят разговорами вторгаться в другие отрасли знания и с любовью занимаются вопросами, которые к ним никакого отношения не имеют. Этим они только задерживают работу и развитие.

Я желал бы обратить еще особое внимание на то, что техника в наши дни развилась настолько, что обновительное знание и опыт можно приобрести лишь в одной строго ограниченной специальной области. В интересах дальнейшего прогресса считаю безусловно необходимым позаботиться о том, чтобы положить конец существующему дилетантизму.

Наконец, желал бы я обратить внимание на один важный вопрос, о котором забыл упомянуть в моем дневнике. Я выяснил, что на всех строительных работах, которые я осматривал, введена аккордная зарплата. При существующей в настоящее время дисциплине эта система оплаты является единственно обоснованной; но она имеет и свои отрицательные стороны. Имеются такие постройки, которые могут возводиться и плохо, и хорошо; сюда относятся железобетонные постройки. Само собой понятно, что аккордная оплата приводит к тому, что рабочие торопятся провести работу скорее, но иногда оказывается, что эта ускоренная работа происходит в ущерб прочности, ибо качество работы частью от этого страдает. На это особенно жаловались руководители постройкой Сельмашстроя в Ростове. Ведь ясно, что нет никакой возможности непрерывно наблюдать за каждым рабочим и проверять его. С другой же стороны, известно, что при часовой оплате падает производительность труда. Следовательно, приходится взвешивать, как устранить недостатки обеих систем. Над этим вопросом я еще особо подумаю. Если я найду какой-нибудь исход, я немедленно вам об этом сообщу.

Там же. Л. 4–86. Заверенный машинописный перевод с немецкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Жуковский С. Б. — зам. торгпреда СССР в Германии, зам. начальника Импортного управления НКВД.
- 2 Штерн А. Б. — экономист, с 1926 г. член Президиума ВСНХ СССР, с 1927 г. член Совета ВСНХ СССР.
- 3 Гальперин Д. С. — с 1924 г. один из директоров Центрального Управления Государственной Промышленностью ВСНХ (ЦУГПром ВСНХ) по химической промышленности.
- 4 Барский Б. С. — в 1928 г. начальник Строительного комитета ВСНХ, член расширенного Президиума ВСНХ СССР.
- 5 Рухимович М. Л. — с 1926 г. второй зам. А. И. Рыкова, член Президиума и Совета ВСНХ, начальник Планового отдела ВСНХ; с 1927 г. зам. В. В. Куйбышева по СТО, член Бюджетной комиссии ЦИК СССР. В 1930 г. назначен наркомом путей сообщения СССР.
- 6 На сопроводительной записке Гольдмана на имя Рудзутака имеется помета: «Экз. № 69». На первом листе доклада Келлена имеется пометка: «Отпечатано 180 экз. 15.V.1928 г.».
- 7 По плану ГОЭЛРО в волжском городе Балахна

- (Нижегородская губ.) было начато строительство работающей на торфе ГРЭС им. академика А. В. Винтера (НиГРЭС). В сентябре 1925 г. вступила в строй ее первая турбина мощностью 20 тыс. квт.
- 8 Во исполнение плана ГОЭЛРО в июне 1921 г. было начато строительство тепловой Штеровской ГРЭС на реке Миус в центре антрацитовых рудников Донбасса. Первая ее турбина была пущена 8 октября 1926 г. К 1931 г. общая мощность Штеровской ГРЭС планировалась в 157 тыс. квт.
  - 9 Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат им. Ф. Э. Дзержинского в поселке Правдинск, близ Балахны (см. прим. 2), был введен в строй в августе 1928 г. Комбинат выпускал газетную бумагу и продукты переработки целлюлозного производства.
  - 10 Завод сельскохозяйственного машиностроения («Россельмаш» или «Сельмашстрой») в Ростове на Дону был введен в строй в 1930 г. Выпускал самоходные зерноуборочные комбайны.
  - 11 В декабре 1925 г. в поселке Эсхар (Харьковская губ.) на реке Донец была заложена ГРЭС. Торжественная сдача в эксплуатацию Эсхарской электростанции состоялась 1 мая 1930 г., в августе заработала ее первая турбина мощностью 25 тыс. квт.
  - 12 Энергострой — один из подразделов Главэлектро, являвшегося отделом ВСНХ (см. прим. 21). Энергострой ведал строительством и эксплуатацией электростанций.
  - 13 Подробных сведений о профессоре Лахтине установить не удалось.
  - 14 Имеется в виду одна из серии типовых гостиниц, задуманных в конце прошлого и построенных в начале нашего века в центре Москвы (ныне дом 7/30 по Петровскому бульвару).
  - 15 В декабре 1918 г. по постановлению СНК в Московской области было начато строительство торфяной Шатурской электростанции. На ее строительство ВСНХ отпустил 10 млн. рублей. В июле 1920 г. была пущена временная электростанция мощностью 5 тыс. квт. В декабре 1925 г. заработал первый генератор и Шатурская ГРЭС получила имя В. И. Ленина. По плану ГОЭЛРО к 1933 г. она должна была давать 180 тыс. квт.
  - 16 Скорее всего, речь идет об организованном в 1921 г. Государственном экспериментальном электротехническом институте, имевшем лабораторию для испытания материалов. В конце 1930 г. на его базе был создан Институт оснований и фундаментов инженерных сооружений.
  - 17 Московское высшее техническое училище было основано в 1830 г. С 1917 г. МВТУ (ВТУ) им. Н. Э. Баумана является крупнейшим в РСФСР высшим учебным и научно-исследовательским центром машиноприборостроения.
  - 18 Скорее всего, имеется в виду Электротехнический институт, один из первых советских НИИ, организованный в Москве при ВСНХ в 1921 г. как Государственный экспериментальный электротехнический институт.
  - 19 Московская горная академия была создана в 1918 г. для подготовки специалистов в области экономики и управления горной промышленностью. Просуществовала до 1930 г.; на базе ее факультетов были основаны Горный институт и Институт горного дела им. А. А. Скоринского.
  - 20 Речь идет, скорее всего, о Харьковском политехническом институте, организованном в 1885 г. В 1923 г. ему было присвоено имя В. И. Ленина.
- В 1930 г. преобразован в пять отраслевых институтов.
- 21 После реорганизации в августе 1926 г. аппарата ВСНХ для управления и регулирования отраслей промышленности были созданы главные управления, подчинявшиеся Президиуму ВСНХ. Среди них Главэлектро. В него входили отделы: планирования электрификации, промышленной энергетики, строительства и эксплуатации электростанций, бюро сельскохозяйственной электрификации и электронадзор.
  - 22 ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Основано в 1925 г. как общественная организация с целью ознакомления российской общественности с достижениями науки и культуры зарубежных стран и популяризации отечественных достижений за границей.
  - 23 Институт В. И. Ленина был организован при ЦК РКП(б) в 1923 г. как центральное партийное научно-исследовательское учреждение, призванное собирать, хранить, изучать и издавать документальное наследство вождя. Специальное здание для него было построено на Советской (бывш. Скобелевской) площади в 1925–1927 гг. по проекту архитектора С. Е. Чернышева. Он победил в конкурсе на воплощение идеи «главного здания», бытовавшей в архитектуре 20–30-х гг. Институт был одним из первых общественных зданий, построенных в Москве после революции.
  - 24 Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь» была создана на базе кондитерской фирмы «Эйнем», основанной в 1867 г. Здание для нее было сооружено в 1906 г. из красного кирпича по проекту архитектора А. Калмыкова на Берсеневской набережной.
  - 25 ГЭТ (Государственный электротехнический трест) регулировал деятельность промышленности сильных токов. В связи с увеличением потребностей народного хозяйства план сильноточной промышленности был пересмотрен, и по постановлению ЦК ВКП(б) от 5 марта 1930 г. «О работе ГЭТ» трест становился «толчком электрификации».
  - 26 Речь идет об одной из крупнейших западноевропейских электростанций Клингенберг-Руммельсбург (Германия), мощностью 240 тыс. квт.
  - 27 По плану ГОЭЛРО в число 8 экономических районов, подлежащих электрификации, входил и Кавказский. Среди рек, пригодных для постройки плотин гидроэлектростанций в Восточной Грузии, была и Арагви.
  - 28 Высший Технический Совет при ВСНХ являлся в 1917–1932 гг. центральным органом управления народным хозяйством и промышленностью страны.
  - 29 Бумстрой — с 1925 г. директорат Центрального Управления Государственной Промышленностью (ЦУГПром) ВСНХ, подчинялся Президиуму ВСНХ.
  - 30 Гостиница «Метрополь» была построена в стиле «модерн» на Театральной площади в Москве в 1899–1903 гг. по заказу С. И. Мамонтова. Проект ее выполнили архитекторы В. Валькот и Л. Кекушев, спланировавшие гостиничный комплекс международного класса, включавший концертный зал на 3 тыс. мест, выставочные, спортивные залы. Над интерьером гостиницы работали М. Врубель, К. Коровин и В. Васнецов.
  - 31 Речь идет о строительстве в Охотном ряду «Дома СТО» (СНК СССР, Совет министров СССР, Госплан СССР, Госдума РФ). Оно строилось в 1932–1935 гг. и надолго определило преобладающий архитектурный тип административного здания.

«Я ГОРД, ЧТО Я РУССКИЙ»

Письмо¹ Ф. И. Шаляпина к дочери*

[4 октября 1936 г.]

— «Милая моя Арина², не отвечал и не писал тебе долго, но ты была в путешествиях и в далеком отъезде и я не надеялся, что письма к тебе дойдут. Спасибо за вести. Я радуюсь за твой курс на Кавказе. Сам я никогда не был в Боржоме, но слышал о его фантастическом воздухе. Между прочим, я и сам сейчас нахожусь в необыкновенной стране³. Сказка, а не город. Феерия, а не страна. Это городок основанный в горах южного Тироля в 901 году (без тысячи, а просто 901), высота около 600 метров. Деревья ломаются от фруктов. Кругом замки (впрочем уже не рыцарские, а просто буржуазные), старинный монастырь и великолепный собор стиля Барокко. На горах, то тут, то там высятся церковные шпили и в каждой церкви, каждые четверть часа отбивают колокола, звуки разносятся в горах и чем-то мирным наполняют душу, а между тем. там за горами мир все больше и больше кажется идет к концу. Ужасно. Вероятно опять начнут воевать. Но это пока пошлем к чертям. Со мной сейчас здесь Таня⁴, я ее выписал из Милана. Мы много катаемся в горах и пока живем в удовольствии, однако, на днях уже разъезжаемся — мне надо в Париж. Есть кое-какие предложения ехать, но не знаю выйдет ли что-нибудь реальное. Работать становится все хуже и хуже. Все жалуются на кризис и не хотят платить, т.е., конечно, платят, но сравнительно мало. Вот почему я начинаю волноваться за будущую поддержку всем вам. В эти тяжелые времена я должен вашей матери⁵ выплатить 55 тысяч франков в год. Сейчас это обременительно. Я в хорошие времена застраховался, но вот уже несколько лет как страховку платить прекратил из-за недостатка денег. Еще в прошлом году я и многие мои знакомые французы видели, что с франком может быть плохо. Я обратился к Г. И.⁶ с просьбой прислать мне «полис», чтобы получить внесенные мною деньги, но ответа не получил, а Кошуку⁷ в театре она сказала: «Довольно я была душой». Не понял я почему она была душой. Ведь все ее существование, все ее деньги и недвижимость, все ведь это мое и только, имея трудное время, я хотел взять из страхового общества деньги и только потому хотел взять, чтобы застраховать эти деньги от потери (если франк полетит), а он уже постепенно летит вниз, то вместо этих денег получил-ся шишь. Конечно, мать вероятно рассчитывает на мою внезапную смерть, но так как я в жизни сделал значительно больше добра, чем зла, то, например, и в прошлом году ее надежда не оправдалась. Судьба попугала меня, но все же не умертвила. И кто знает еще когда я умру...

Вот и нужно изо всех сил работать, тащиться, например, в Японию, или опять ехать в Америку. Может быть вы все когда-нибудь подумали о том, что мне 63 года и что мне работать уже не так легко, может быть однажды «пожалели» старенькую лошадь, которой уже пора кажется пахать только по субботам, а не всю неделю. Ну вот, об этом пока довольно. Я горд, что я русский и в отношении с женщиной никогда не был похож на Либерати⁸.

Теперь вот еще о чем — в каждом письме твоём, ты обязательно спрашиваешь: когда же я приеду в советы⁹. Посмотри в книгу «переписка Чехова и Книппер»¹⁰, вот какие выноски ты найдешь там: «Шаляпин Федор Иванович (родился в 1873 году). Знаменитый певец, имел звание народного артиста рес-

Ф. И. Шаляпин.
Портрет работы Бориса Шаляпина.
1932 г.

* Сохранены орфография и пунктуация письма.

публики, но был лишен его за то, что, находясь за границей, солидаризировался с белоэмигрантами». «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». А ты говоришь — приезжай. Зачем. Ведь я весьма «солидаризировался» в своё время с Горьким и Лениным¹¹, но царь не лишил меня звания солиста. За что мне дают звание — за таланты или карачки. Целую. До свидания. Ф. Ш.»

АПРФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 105. Л. 33–36. Заверенная машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Машинописная копия письма, заверенная наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым и начальником оперативного отдела ГУГБ НКВД Паукером, была направлена на имя И. В. Сталина. Дата письма проставлена рукой Н. И. Ежова.
- 2 Ирина Федоровна Шаляпина (р. 1900) — старшая дочь Ф. И. Шаляпина, Бакшеева по мужу — артисту МХАТ П. А. Бакшееву.
- 3 На юге Тироля Ф. И. Шаляпин купил землю для строительства усадьбы в стиле русского ампира.
- 4 Татьяна Федоровна Шаляпина (р. 1905) — вторая дочь Ф. И. Шаляпина.
- 5 Речь идет об Иоле Игнатьевне Торнаги (1874–1964) — балерине Московской частной русской оперы, ставшей в 1898 г. женой Ф. И. Шаляпина. Оставалась в Советской России вплоть до 1960 г., когда выехала в Италию.
- 6 Г. И. — вероятно, в тексте опечатка; имеется в виду «И. И.» — см. прим. 5.
- 7 Кошук К. М. — пианист, импресарио Ф. И. Шаляпина.
- 8 Либерати Э. — итальянский журналист, некоторое время был секретарем Ф. И. Шаляпина, муж Т. Ф. Шаляпиной (см. прим. 4)
- 9 Дарование Ф. И. Шаляпина (1873–1938) раскрылось в Московской частной русской опере, куда он был в 1896 г. приглашен С. И. Мамонтовым. Мировую славу певцу в 1901 г. принесли выступления в Италии. В 1918 г. он стал художественным руководителем Мариинского театра. В 1922 г., выехав на гастроли в Европу, не вернулся в Советскую Россию. В 1927 г. в Париже им были сделаны денежные пожертвования в пользу безработных русских эмигрантов, живущих в европейских странах. Это сообщение в зарубежной русской прессе вызвало в СССР обличительную кампанию. В августе 1927 г. «за пособничество белогвардейцам» Ф. И. Шаляпин был лишен звания народного артиста республики и ему был запрещен въезд в СССР.
- 10 Имеется в виду трехтомник «Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер». В 1934–1936 гг. в московском издательстве «Мир» вышли первые два тома.
- 11 Знакомство Ф. И. Шаляпина с А. М. Горьким состоялось в Нижнем Новгороде в 1901 г. Именно тот ввел певца в российские революционно-демократические общественные круги. Встреча Ф. И. Шаляпина с В. И. Лениным состоялась в 20-х числах июля 1919 г. Разговор происходил в присутствии А. В. Луначарского и касался сохранения творческой и организационной независимости Мариинского театра от посягательств Петроградского Пролеткульта.

«Театр Мейерхольда оказался полным политическим банкротом»

Проект здания театра. Архитектор А. Щусев. 1934 г.

Вс. Э. Мейерхольд.

Первые годы революции были годами не только взлета сценического искусства, но и повального увлечения театром. Актеры потрясали залы, заставляя зрителей забыть о голоде, разоренной жизни, ночных перестрелках.

Перед творцами «Театрального Октября» вставал вопрос: каким должен быть этот новый пролетарский театр?

В 1920 г. в Москве начал работать 1-й Театр РСФСР, выражавший связь с революционным временем в ярко-зрелищной и крайне нетрадиционной форме. Пьесы, ставившиеся на его сцене, объединяли «агитационную трибуну» и «площадное зрелище». Возглавил этот театр Вс. Э. Мейерхольд, режиссер, уже известный в петроградских театральных кругах своими постановками по принципам «условного театра».

В Московском театре им. Вс. Мейерхольда (так стал называться этот театр с 1923 г.) ставились пьесы В. Маяковского, Вс. Вишневского, отрежиссированная до неузнаваемости русская драматургическая классика. В труппу театра входили актеры, ставшие позже гордостью отечественного театра, — М. Бабанова, Э. Гарин, М. Жаров, И. Ильинский, С. Мартинсон, Д. Орлов, Л. Свердлин, М. Царев.

Для театра даже стали строить новое здание, переехать в которое ему было не суждено

(с 1940 г. в нем располагается Концертный зал им. П. И. Чайковского).

Отмечая «свежие начинания», театральная критика 30-х гг. все настойчивее говорила о чрезмерном увлечении Вс. Мейерхольда «театральностью» революционных лет, об отрыве его от меняющейся советской действительности, о неудовлетворительном репертуаре театра.

8 января 1938 г. в «Правде» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации Театра им. Вс. Мейерхольда. От имени Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР это постановление в конце 1937 г. готовил П. М. Керженцев, являвшийся его председателем. К этому времени П. М. Керженцев был уже известен как автор книг «Коммунистическая культура», «Творческий театр», «Культура и Советская власть», «Революция и театр». Для этого номера «Правды» им же была подготовлена, но не опубликована статья «Чужой театр», разъяснявшая причины закрытия этого театра.

В публикуемом тексте статьи, подписанной П. М. Керженцевым 11 декабря 1937 г., сохранены все особенности авторского стиля.

К двадцатому году Октябрьской революции только один театр, из 700 советских профессиональных театров, оказался и без специально приуроченной к Октябрьской годовщине постановки, и без советского репертуара. Это — театр им. Мейерхольда.

В те дни, когда наши театры показывают десятки новых советских произведений, отражающих нашу эпоху, образ Ленина, этапы революционной борьбы, когда тысячные аудитории горячо приветствуют актеров, режиссеров, композиторов и драматургов, сумевших отразить в своем творчестве величайшие проблемы строительства социализма, — Театр им. Мейерхольда оказался полным политическим банкротом.

Почему это произошло?

В. Мейерхольд начал свою работу в советском театре с тяжелым грузом прошлого. Вся его театральная деятельность до Октябрьской революции сводилась, преимущественно, к борьбе против реалистического театра, за театр условный, эстетский, мистический, формалистический, т. е. чуждый действительной жизни. В. Мейерхольд шел в этом случае по пути с той частью русской интеллигенции, которая в период царской реакции бросилась в объятия мистики, символизма и богоискательства и пыталась этими средствами одурманить и развращать рабочий класс.

В своих театральных теориях В. Мейерхольд особенно усиленно противопоставлял реалистическому театру — «театр масок», т. е. защищал показ в театре не живых, реальных художественных образов, а образов условных и нереальных.

В 1920–21 году началась активная работа В. Мейерхольда в советском театре, как руководителя Театрального отдела Наркомпроса и организатора своего собственного театра. Одновременно В. Мейерхольд поднимает чрезвычайную шумиху, провозглашая, будто Октябрьская революция в театре начинается... с момента появления В. Мейерхольда в Москве. В. Мейерхольд и его приспешники создают смехотворную, но политически-враждебную теорию, будто не Октябрьская революция обеспечила все основные условия для строительства социалистического театра, а... создание Театрального Отдела Наркомпроса во главе с В. Мейерхольдом. Мейерхольд и его помощники пытаются изобразить из себя единственных представителей настоящего советского театра, пытаются противопоставить свою линию партийному руководству. А на деле, под крикливым лозунгом «театрального октября», начинают преподносить советскому зрителю политически нечистоплотные пьески и создавать все тот же формалистский театр, где идейное содержание сведено на нет и искажено. В. Мейерхольд и его театр дают одну за другой политически неверные или враждебные постановки. Он пытается организовать вокруг себя формалистское крыло литературы, живописи и театра (конструктивистов, футуристов и проч.).

В самой первой постановке (переделка «Зорь» Верхарна) театр возвел на героическую высоту меньшевистствующего предателя рабочего класса. И вопреки театру и его руководителю аудитория хлопает не этому «герою», а тем, кто его яростно изобличает. Вторую свою постановку («Земля дыбом») В. Мейерхольд посвятил... Троцкому.

Так, с возвеличения предателя-меньшевика, с фимиамов бывшему меньшевику и будущему агенту фашизма начал свою деятельность театр им. Мейерхольда.

За 17 лет театр показал зрителю 23 пьесы. Репертуар театра — это всегда основной показатель его политического лица. Какое же политическое лицо мы видели на протяжении этого долгого промежутка лет?

Прежде всего характерно, что основное внимание театр проявил к постановкам старого классического репертуара. Но эти пьесы показывались зрителям в кривом формалистском зеркале. Вместо того чтобы выделить идейную сторону классических произведений, В. Мейерхольд всю свою энергию устремлял на внешнюю сторону: изощренное перекручивание текста, замысловатость мизансцен, трюкачество и всякого рода выверты. «Ревизор» трактовался не в стиле реалистического театра, а в духе мистической книги Мережковского «Гоголь и черт». «Горе уму» благодаря трюкачеству потеряло всю свою политическую заостренность против царского бюрократического строя. Простые и ясные водевили Чехова, этого величайшего реалиста русского театра, превращались в «33 обморока», в произведение, где за левацкими трюками и фортелями, совершенно исчезал смысл прекрасного чеховского текста.

Еще печальнее дело обстоит с пьесами советских драматургов. Ни одна из этих пьес не только не сохранилась в репертуаре театра, но, как правило, никогда не ставилась в других советских театрах. Иначе говоря, работа В. Мейерхольда с советскими драматургами оказалась совершенно бесплодной. Театр не создал за все время существования ни одной советской пьесы, которая бы вошла в репертуар. Здесь полностью выявилось, что В. Мейерхольд не может (и, видимо, не хочет) понять советскую действительность, отразить проблемы, волнующие всех советских граждан, и идти в ногу со всеми работниками искусства. Из года в год Мейерхольд в ответ на упреки в отсутствии советского репертуара в его театре отвечал: «Нет подходящей пьесы» и еще «Нет подходящего помещения».

Ряд авторов, честно работавших над советской тематикой и желавших помочь Мейерхольду, должны были порвать с театром, потому что они убеждались, что этот театр идет по чуждому несоветскому пути.

Присяжными поставщиками В. Мейерхольда оказались господа Эрдман, Третьяков, Безыменский и др., и Мейерхольд хвастал, что он поставит еще пьесы Бруно Ясенского, поэта Корнилова и т. п.

Так театр, отойдя от реалистического пути, по которому шло развитие всего советского театра, изолировал себя и от подлинных советских драматургов, стал в стороне от советской литературы.

Вместо того чтобы основное внимание обратить на показ людей советской эпохи, показ большевиков, театр принял на себя странную миссию отображать во всех видах исчезающий тип мещанина. Театр старательно разрисовывал уродливый образ мещанина, будучи не в силах разъяснить этот образ социально.

В ряде пьес, поставленных театром, советская действительность давалась грубо искаженно и издевательски. «Окно в деревню» явилось карикатурой на советскую деревню. Именно такими словами охарактеризовали эту постановку крестьяне, которым она специально была показана. Эта пьеса смаковала черты тяжелого прошлого (безкультурие), игнорировала руководящую роль партии, борьбу деревни против кулачества. Пьеса «Командарм 2» искаженно и уродливо показывала бойцов нашей Красной армии как каких-то махновцев, без партийного и командного руководства. Штаб армии рисовался издевательски. «Выстрел» Безыменского был проникнут троцкистской концепцией, изображая ведущей силой страны не партию большевиков, а комсомол. Партийная ячейка показывалась как бюрократическая организация, состоящая из тупых мещан.

В. Мейерхольд в течение ряда лет упорно добивался постановки пьесы «Хочу ребенка» Третьякова, которая являлась вражеской клеветой на советскую семью, и «Самоубийцы» Эрדмана, которая защищала права мещанина на существование и выражала протест ликвидируемого класса против диктатуры пролетариата. Характерно, что во время обсуждения этой пьесы в театре В. Мейерхольд утверждал, что пьеса «сугубо актуальна», а одна из ведущих работниц театра заявляла, что «пятилетка застряла в горле и достаточно надоела». Пьеса рассматривалась рядом работников театра, очевидно, как определенное политическое выступление против линии партии.

За последний ряд лет советские пьесы совершенно исчезали из репертуара театра им. В. Мейерхольда. В то самое время, когда советская драматургия обогатилась десятками интересных произведений, этот театр продолжает занимать позицию изолированности от советской действительности и ухода от нее.

В. Мейерхольду было специально указано, что театр, упорно избегающий советского репертуара, не может быть признан нужным советской стране, и ему было предложено решительно вернуться к советским темам и к реалистической трактовке пьес.

Театр начал готовить постановку на тему «Как закалялась сталь» Н. Островского. Показанный в конце концов спектакль оказался позорным политическим и художественным провалом. Типические черты эпохи гражданской войны — пролетарский оптимизм, бодрость, идейная целеустремленность, героизм революционной молодежи — не нашли никакого отражения в спектакле. Пьеса резко исказила весь характер оптимистического, живого произведения Островского. Основной темой спектакля являлась фатальная обреченность бойцов революции. Вся постановка была выдержана в гнетущих пессимистических тонах. Театр снова пользовался в своей работе уже не раз осужденными формалистскими и натуралистическими приемами. Театр ограничил свою работу показом чисто схематического и внешнего изображения отдельных событий из романа Островского, совершенно не сумев показать подлинные образы романа, не сумев подняться до отражения героической борьбы советского народа. В результате получилась политически вредная и художественно беспомощная вещь. Это банкротство, вызванное ложной политической и художественной линией театра, тесно связано с нездоровым состоянием всего организма театра.

Наша печать и «Правда», в первую очередь, не один раз обращали внимание руководителей театра на ненормальную обстановку, в которой проходит работа театра. В 1928 году «Правда» писала об «антиобщественной атмосфере театра им. Мейерхольда». В 1933 году, во время партийной чистки, снова отмечался уход театра от советской действительности и нездоровые течения в театре. В связи с этой ненормальной обстановкой, усугублявшей политические и художественные ошибки театра, в связи с системой семейственности и зажима самокритики из театра ушло немало крупнейших советских актеров (Д. Орлов, Бабанова, Штраух, Глизер, Гарин, Охлопков, Терешкович, Царев и др.).

Не один раз, в трудные минуты, театру В. Мейерхольда помогали в надежде, что он выпутается, наконец, из своих ошибок и выберется на настоящую дорогу. Но В. Мейерхольд и руководители театра отнеслись несерьезно и безответственно к этой поддержке и помощи.

В самых первых статьях о формализме «Правда» специально говорила о формалистских ошибках В. Мейерхольда, но он отнесся к этой критике, по обыкновению, несерьезно и безответственно. Формалистскими ошибками В. Мейерхольд был заражен больше, чем кто-либо, но он не сделал для себя никаких выводов из статей «Правды». Вместо пересмотра своего ошибочного творческого пути, В. Мейерхольд отделился лишь пустым зубоскальством по поводу «Мейерхольдовских ошибок» в других театрах. Он не исправил формалистских искажений в пьесах текущего репертуара, а юбилейную постановку к двадцатилетию Октября пронизал все теми же ошибками формалистского и грубо-натуралистического порядка.

В момент бурного роста нашего театрального искусства, в дни наших крупнейших успехов и побед на

всех фронтах культуры театр В. Мейерхольда оказался в полной изоляции. Он ушел от советских тем и советской действительности, он изолировал себя от советской драматургии и советской общественности, он создал у себя антиобщественную атмосферу, подхалимство, зажим самокритики, самовлюбленность.

Систематический уход от советской действительности, политическое искажение этой действительности привели театр к полнейшему идейному и художественному краху.

В. Мейерхольд и его театр изолировали себя от общей работы по отражению советской действительности в художественных образах. В результате он сделал себя чужеродным телом в организме советского искусства, он стал чужим театром.

Такой театр для советского искусства излишен, такой театр советскому зрителю не нужен.

П. Керженцев

II.XII.32

АПРФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 18. Л. 63–70. Машинописный текст, подпись—автограф.

Фотографии из фондов
РГАКФД и АПРФ

Выпуск «Вестника» подготовили:
Ирина КОНДАКОВА,
Александр КОРОТКОВ.

НОВЫЕ КНИГИ издательства «Российская политическая энциклопедия»

Медушевский А. Н.

Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. 1997. 650 с.

В книге фактически обобщен весь опыт российского парламентаризма и конституционализма в сравнительно-историческом освещении. Автор анализирует европейские модели политических систем при переходе от абсолютизма к различным типам конституционной монархии и от них к двум основным формам современного демократического государства — президентской и парламентской республикам.

Городницкий Р. А.

Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. 1998. 239 с.

В работе впервые на обширном фактическом материале рассматривается история боевой организации ПСР. Привлечение новых архивных документов позволяет автору по-иному осветить историю террористической борьбы, которой принадлежит особая роль как в деятельности эсеровской партии, так и во всем социалистическом революционном движении в России начала XX века.

Шургалина И. Н.

Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф. М. 1997. 221 с.

В свете современных теорий автор книги предлагает интересный анализ проблем российской экономики. Книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам экономических и обществоведческих специальностей.

Красильщиков В. А.

Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М. 1998. 264 с.

Автор постоянно сравнивает различные этапы истории России в XX веке с теми процессами, которые в это же время протекали в развитых странах Запада. Показан зависимый характер развития России и СССР от капиталистической миросистемы.

Научно-популярное издание.

Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939.

Документы и материалы. В 4-х т. / Т.1. 1918–1922 гг. М. 1998. 864 с.

Первый том документального издания содержит материалы, относящиеся ко времени гражданской войны и перехода к нэпу. Вводятся в оборот документы из ранее совершенно засекреченных архивов советских спецслужб. Речь идет о почти ежедневных информационных сводках, докладах и справках, представлявшихся спецорганами узкому кругу лиц в высшем государственном и партийном аппарате. Впервые вырисовывается подлинная картина страны, охваченной крестьянскими восстаниями, хозяйственной разрухой и нараставшим голодом, который в 1921–1922 гг. унес миллионы жизней.

Решетова Н. А.

Интеллигенция Дона и революция (1917—первая половина 1920-х гг.). М. 1998. 240 с.

Это первое систематическое исследование по теме в рамках такого специфического региона, как Дон. Автором изучены тенденции общественно-политического поведения интеллигенции в экстремальных условиях революции и гражданской войны.

Жители Москвы могут приобрести книги без торговой наценки в издательстве **РОСПЭН**

по адресу: г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 1.

Тел.: 181-00-13, 181-04-13, 181-34-57. Факс: 181-01-13.

Если вы живете в других городах России, то можете заказать книги по тому же адресу, и они будут высланы вам наложенным платежом.

Формат 84x108/16. Тираж 5000 экз. Заказ № 2796

Адрес редакции: 103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.

Тел.: 203-45-54.

Типография издательства «Пресса», 125865 ГСП, Москва, ул. Правды, 24.

© Редакция журнала «Родина», 1998. Цена договорная

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Страсти у трона

«Успокоения нечего ожидать».

*Письма князя М. М. Андроникова Николаю II,
Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову.*

Русско-турецкая война

«Главкомандующему захотелось поднести Плевню государю 30-го...»

Письма Н. П. Игнатьева Е. Л. Игнатьевой из Дунайской армии 1877 г.

О силе духа

«Освободить из-под ареста и Пунина и Гумилева
и сообщить об исполнении».

И. Сталин.

Архипелаг ГУПВИ

«Военнопленные ознакомились с методами
социалистического строительства».

Докладная записка МВД СССР.

Журнал в журнале

Достижения

«Русские большевики затмили все на Нью-Йоркской выставке...»

Размышления вождя

«У нас мало расстреливают».

Беседа И. В. Сталина с А. Барбюсом.